

The background of the entire image is a classical painting. It depicts the Virgin Mary standing, holding the Christ Child. Mary is dressed in a blue mantle over a white gown. The Christ Child is seated on her lap, looking towards the viewer. They are surrounded by several cherubs (putti) in various poses. In the bottom right corner, a rooster is visible, and there are some flowers at the bottom. The overall style is Baroque or Rococo.

Василий Лягоскин

СЕРАЯ МЫШКА

ВТОРОЙ ТОМ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ПОДПОЛКОВНИКА НАТАЛЬИ КРУПИНОЙ

Василий Лягоскин

**Серая Мышка. Второй
том о приключениях
подполковника Натальи Крупиной**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Серая Мышка. Второй том о приключениях подполковника
Натальи Крупиной / В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852041-9

Рухнула страна; ушла в небытие ее тайная служба. Подполковник КГБ Наталья Крупина, агент три нуля один, решила, что ее служба закончилась. Что новой России она не нужна. Но судьба таких, как Наталья, Серая Мышка, предопределена. Они рождаются, чтобы служить Родине; чтобы противостоять ее врагам — в каком бы обличье они не предстали. Военно-морской флот Японии и таинственный клан якудза; тайный клуб американских миллиардеров и колумбийские наркобароны... Трепещите — Серая Мышка на тропе войны!

ISBN 978-5-44-852041-9

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 33. Август 2000 года. Море Сулавеси	6
Глава 34. Август 2000 года. Море Сулавеси. Продолжение	12
Глава 35. Август 2000 года. Море Сулавеси – база Йокосука	21
Глава 36. Август 1999 года. Ковров – Токио	27
Глава 37. Август 2000 года. База Йокосука – Токио	34
Глава 38. Февраль – август 2000 года. Над Японией	43
Глава 39. Сентябрь 2000 года. Токио	48
Глава 40. Сентябрь 2000 года. Остров Шинюку	56
Глава 41. Сентябрь 2000 года. Токио. Район Ситимати	62
Глава 42. Октябрь 2000 года. Тень над Землей	70
Глава 43. Сентябрь – октябрь 2000 года. Япония	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Серая Мышка
Второй том о приключениях
подполковника Натальи Крупиной

Василий Иванович Лягоскин

© Василий Иванович Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4485-2041-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 33. Август 2000 года. Море Сулавеси

Капитан Мацумото, командир ДЭПЛ «Касудо»

Воздух в лодке давил на голову, а больше того на подсознание. Хотя по всем приборам следовало, что для человеческого организма ничего опасного внутри дизель-электрической подводной лодки не было. Таких организмов в тесном пространстве, ограниченном прочным корпусом с применением резиновых шумопоглощающих элементов, было семьдесят. Экипаж ДЭПЛ типа «Оясио» был укомплектован полностью; а командовал этими опытными, вполне спаявшимися в единый коллектив подводниками, он – капитан Мацумото.

Это ощущение – нехватка воздуха, когда кажется, что в каждый глоток кто-то незримый не докладывает совсем крошечной порции живительного кислорода – было не новым для капитана. И раньше – где-то к исходу вторых суток подводного плавания – на темя начинал давить невидимый груз, связанный как раз с этими неприятными ощущениями. А «Касудо» – так называлась подводная лодка – кружила вокруг острова уже четвертые сутки. Боезапас тоже был готов к применению согласно штатного расписания. Тридцать торпед калибра пятьсот тридцать три миллиметра были предназначены для атаки на боевые корабли противника, но и этот неподвижный крошечный остров, названия которого на каком-то аборигенском языке Мацумото даже не пытался запомнить, могли разнести вдребезги; по крайней мере, уничтожить на нем все живое. Увы – такой команды, скорее всего, не поступит; «Касудо» кружила сейчас вокруг небольшого клочка суши в море Сулавеси совсем для другого.

Сейчас подводная лодка была разведывательным кораблем – опасным и невидимым. Капитан знал, что совсем скоро подойдут основные силы – специальный отряд кораблей Морских сил самообороны Японии. Мацумото чуть скрипнул зубами, на мгновение оторвавшись от темного забрала перископа. Императорский флот – только так должна была называться могучая армада, в которой он посчитал бы за честь служить. Именно так назывались те силы, которые были разгромлены к концу второй мировой войны; и именно в них служил его дед, тоже капитан – только надводного корабля, потопленного где-то в этих водах.

– Может быть, – подумал командир лодки, опять прикиная к перископу, – он когда-нибудь высаживался на этот островок, чтобы поддержать в руках нити жизни аборигенов, живущих тут с незапамятных времен?

Такие здесь жили и сейчас. Но владели всем белые; их Мацумото ненавидел еще больше. Неважно – американцев, англичан, русских... Особенно русских. Не только из-за Северных территорий. Он вообще считал, что этот народ – ленивый, глупый и бестолковый – совершенно несправедливо владеет громадными пространствами, в которых было все... В отличие от Японии, которую природа наделила лишь скалами в океане и нестигаемым духом истинных самураев. Самураев, служащих империи – настоящей, а не той, которую сейчас превратили в театр, насмешку для всего мира.

Задачей подводной лодки было следить за этим островом и передавать командованию о малейших передвижениях на нем и в океане вокруг. Передвижения были – в основном на пляже, который хорошо просматривался в перископ через узкий проход, позволявший войти в лагуну маломерным судам. Такое и сейчас стояло у длинного причала, заступавшего в неглубокую лагуну метров на двадцать. Именно вокруг него сейчас поднялась суматоха. «Касудо» занял подводную позицию достаточно близко от прохода, и потому капитан сейчас мог разглядеть даже лица людей, спующих у маленькой яхты. В основном это были туземцы, заносившие на борт кораблика какие-то тюки и чемоданы. Наконец туда же, на яхту, тяжело поднялась беременная женщина, которую бережно поддерживал под локоть крепкий широко-

плечий мужчина. Они оба были загорелыми почти дочерна, но туземцами не являлись. Это были европейцы, и, судя по всему, они готовились покинуть остров.

– Впрочем, нет, – поправил себя капитан, – мужчина скорее азиат; но не японец, и от того уважения тоже не заслуживает.

Капитан опять непроизвольно скрипнул зубами. Он почему-то был уверен, что этот остров в его затронутой цивилизацией части в ближайшем будущем ждет разграбление и разрушение... А может, и что похуже. Слишком уж большие силы стягивались к этому крошечному клочку суши. Люди, что сейчас садились на яхту, этого катаклизма могли избежать. Мацумото приказал радисту, который ждал его рядом с вечной ожидающей улыбкой на губах, отправить очередную радиограмму. В отличие от предыдущих, лаконичных, на обычном человеческом языке означавших: «Все спокойно, перемен нет», – в последнюю он постарался запихать всю свою озабоченность происходящим.

– Может быть, – подумал он, – именно ради этих двух европейцев... нет – европейки и азиата... Так вот, может именно они и нужны командованию?

Командование на крик его души ответило спокойно; тем же условным знаком, что и прежде: «Продолжать наблюдение».

– Тогда может она?

Кораблик отчалил, а на пирсе осталась одна фигура – женская и очень привлекательная, даже на взгляд Мацумото, придерживающегося традиционных японских взглядов на красоту.

Командир примерил на красотку, что стояла на досках практически вровень с поверхностью моря, старинный наряд японских женщин и едва не прищелкнул языком от восхищения – картина, нарисованная им в собственной голове, была прекрасной. Потом наваждение схлынуло, и Мацумото поморщился – в который раз за сегодняшнее утро. Женщина на берегу, конечно, была хороша; в тех крошечных лоскутках ткани, что прикрывали интимные места и имели цвет, неотличимый от тела густого шоколадного оттенка, она выглядела в лучах достаточно высоко поднявшегося солнца практически обнаженной. Капитан даже почувствовал шевеление... Но – только плотское; душу эта красотка встрепенуться не заставила.

А потом эта женская, такая мягкая и расслабленная фигурка, недавно махнувшая в последний раз вслед яхте, быстро исчезавшей в стороне Калимантана, вдруг напряглась. Капитану на краткий миг показалось, что на берегу застыл в прыжке дикий зверь, обнаруживший добычу. Он даже отпрянул от перископа, словно золотистая пантера на мостках заметила именно его, и сейчас взорвется в воздух, чтобы...

Когда Мацумото опять прильнул к перископу, ощутив вспотевшим лбом холодный пластик, на берегу никого уже не было. Несколько голых загорелых ребятишек, явно полинезийцев, которые возились на песке, были не в счет. И практически сразу же радист протянул ему трубку – теперь уже не рации, а радиотелефона. Капитан вырвал ее с непонятным для себя облегчением и радостью. Он понял, что эскадра, которую подводная лодка ждала четвертый день, на подходе. Что та операция, ради которых Морские силы самообороны его страны отвлекли от повседневных забот множество кораблей, включая его «Касудо», переходит к своей основной стадии.

Какой? Мацумото об этом не знал. Как впрочем, и адмирал Ямато, который и вызвал сейчас командира подводной лодки для доклада. Докладывать было особо нечего. Командир был уверен, что его недавняя радиограмма лежала сейчас перед адмиралом. Однако повторил ее – более живо и подробно, присовокупив и свои рассуждения. Адмирал его опасения не поддерживал, и не опроверг. Он просто на них никак не отреагировал. Зато отдал приказ, порадовавши и Мацумото, и, скорее всего, всех подводников.

– Можете всплывать, – разрешил Ямато, – отойдите от острова на полмили и продолжайте патрулирование в надводном положении. Флагман уже на походе.

Капитан отдал нужные распоряжения, заставив лодку наполниться чуть слышным топотом мягких подошв, и еще более тихих голосов. Экипаж – это Мацумото чувствовал душой – был сейчас рад не меньше его самого. А командир еще и недоумением заполнился сверх меры.

– Что же тут такого могли обнаружить, – опять задал он себе вопрос, на который раньше так и не смог найти ответ, – что целая эскадра готова тут вступить в бой? Не ту же красотку?! Чтобы схватить ее, и доставить на базу, в Йокосуку, хватило бы и одной моей лодки. Да что там говорить! Я и сам справился бы.

Основания для такой безапелляционности у Мацумото были. Восьмой дан по каратэ-до он заработал бесчисленными тренировками на татами, а не благодаря длинной родословной, которая пару веков назад даже как-то перекрецивлялась с императорским родом. Боевую форму он поддерживал и здесь, несмотря на тесноту помещений и загруженность. Лодка, наконец, всплыла и командир поспешил наверх, на свежий воздух, под ласковые лучи солнца. Здесь, в мире вечного лета, где Индийский океан соседствовал с Тихим, не было места ни грозному подводному чудовищу, которое всплыло, обрушив в спокойное море потоки воды, пахнувшей теперь продуктами работы дизельных двигателей, ни серо-стальным корпусам других кораблей эскадры, что, наконец, появились и включили «Касудо» в общий круг, замкнувшийся вокруг беззащитного острова.

Здесь был даже десантный корабль, от которого практически сразу же отчалило несколько десантных ботов, полных морских пехотинцев. Мацумото и без бинокля оценил их численность не меньше, чем в полторы сотни человек, что означало – остров прочешут вдоль и поперек. Ему, несмотря на звезды на погонах и командирскую должность, вдруг остро захотелось попасть в эту плотную ораву, готовую уже выплеснуться на беззащитный берег стремительно волной. Он вспомнил женщину на берегу – ту ее ипостась, что была мягкой и податливой. Именно ради нее, ради того, чтобы первым схватить женское тело и мять, грубо и безжалостно, он готов был прыгнуть в морские волны. Командир даже сам удивился той невероятной жестокости, внезапно вспыхнувшей внутри. Может она была откатом, реакцией на тот невольный испуг, который ощутил он, офицер имперского флота и кавалер четырех боевых наград, когда хрупкая женщина на берегу вдруг в один миг превратилась в опасную хищницу?

Поскольку приказ о патрулировании никто не отменял, «Касудо», подчиняясь воле командира, покинул широкий круг из кораблей, застывших сейчас вокруг острова, и медленно тронулся вдоль этого круга, словно принимая парад. Мацумото видел сейчас палубы с боевыми расчетами, с офицерами, не отрывавших глаз от острова. И словно каким-то шестым, или седьмым чувством ощущал, как исходит сверху, с высоких бортов, напряженное недоумение – точно такое же, что не покидало его самого с того момента, как он увидел идущий вереди эскадры флагман. «Касудо» как раз проходил мимо этого эскадренного миноносца, который командование, отдавая дань давно натянутой поверх погон боевых офицеров шкуре миролюбивого ягненка, называло эскортным кораблем.

Мацумото даже разглядел напряженную фигуру адмирала, который тоже не отрывал взгляда от острова. От последнего как раз отвалила первая лодка с возвращающимся десантом. Командир подводной лодки бросил быстрый взгляд на хронометр. Прошло всего два часа, как морские пехотинцы высадились на тот самый причал.

– Два часа..., – протянул чуть слышно командир, – это очень мало... Или очень много – смотря что искать.

Он еще успел заметить, что в передних ботах меж форменных курточек моряков мелькнули гражданские одеяния – очень легкие, какими щеголяли аборигены. А потом дуга, по которой двигалась в надводном положении подлодка, пересекла ту невидимую границу, за которой не стало видно десантный корабль, куда возвращались боты; затем пропал за громадой острова флагман; затем...

Мацумото невольно вздрогнул, когда где-то далеко раздался глухой удар – взрыв, или иной катаклизм – который заставил кильватерную струю разбиться на множество отдельных бурунчиков. На набежавшей издали волне чуть качнулся вертолетоносец, мимо которого как раз пролегал курс «Касудо»; волна продолжила свой путь к острову. Вот последний, как показалось капитану, и саккумулировал в своей каменной толще удар, нанесенный издалека. За первым последовал еще один далекий взрыв, заставивший остров теперь уже ощутимо содрогнуться. Лодка как раз огибала самую высокую его точку, которая на короткое мгновение стала еще выше. Потому что на самом краю обрыва вдруг выросла фигурка – та самая, с причала, успевшая за несколько коротких мгновений заполнить душу Мацумото блаженным восторгом, а потом и смутить ее (душу) неподдельным испугом.

Темно-золотая в лучах поднявшегося к зениту солнца фигурка застыла на краю обрыва. Она словно чего-то ждала, и капитан догадался чего – очередного взрыва, который заставил остров содрогнуться и заскрипеть, будто со стула с трудом вставал измученный застарелым ревматизмом старик. И – Мацумото отнес это на обман зрения – остров действительно словно чуть подрос; одним резким толчком, который помог фигурке на скале подпрыгнуть высоко и красиво. Капитан непроизвольно ждал каких-то кульбитов, красивого полета ласточкой... но все в этом прыжке с сорокаметровой (а может быть и большей) высоты было предельно четко и прагматично. Женское тело вытянулось в струнку и вошло в воду руками вперед без всяких брызг – именно в тот момент, когда гладь моря и остров потряс очередной удар.

Теперь Мацумото не сомневался – твердь посреди моря действительно шевелилась – не только вверх, но и в сторону, по окружности, вместе с его лодкой.

– Не так быстро, конечно, – усмехнулся командир подлодки, которая сейчас шла почти с максимальной скоростью – двадцать узлов, – но она крутится! Крутится, черт побери! И растет!

Теперь это было видно невооруженным взглядом. Перед ошеломленным флотом японских сил самообороны словно гигантский невидимый штопор выкручивал каменную пробку неправильной формы. И выкручивал все быстрее и быстрее, вслед ускорившемуся темпу далеких взрывов. Капитан между тем не только отмечал изумление, которое теперь изливалось на него с кораблей, но и решал несложную арифметическую задачку – как рассчитать время, когда пловчиха, что недавно показала потрясающий по красоте и расчетливости прыжок, пересечет невидимый фарватер, по которому нарезал круги «Касудо». И еще одну задачу – привести туда же свой корабль. В этой задаче была одна неизвестная величина – скорость незнакомки. Но, даже приняв за данность, что сейчас в теплом море, сотрясаемом ударами, плывет олимпийская чемпионка по плаванию на дальних дистанциях, выходило, что можно было не спешить – «Касудо» легко успевал перехватить незнакомку, сделав полный оборот вокруг острова. Каково же было его изумление, когда он увидел голову с коротко стриженными волосами, сейчас слившимися, которая болталась прямо по курсу лодки. Женщина словно ждала его, Мацумото, вместе с его боевым судном.

– А ведь действительно ждала, – капитан раздвинул губы в хищной улыбке, – вот и дождалась! А не хило же ты испугалась, что так махала руками.

Отдав приказ сбавить ход до самого малого, он повернулся к острову и невольно содрогнулся. Окажись капитан сейчас у подножия того каменного гриба, что вырос на месте некогда благословенного острова, обиталища аборигенов и этой красоты, что поймала наконец кончик каната, брошенного ей кем-то из толпившихся на палубе, огражденной металлическими леерами, он бы тоже улепетывал без оглядки, перекрывая все мыслимые рекорды по плаванию. Потому что эта каменная громадина даже отсюда, за половину морской мили, пугала своими размерами.

Женщина тем временем вцепилась в жесткий канат и так и повисла на нем, не имея, очевидно, сил не то что попытаться вскарабкаться вверх, но даже перехватиться руками

поудобнее. Так, со сведенными судорогой руками и ногами, ее и подняли на палубу. Здесь, в окружении подтянутых молодцеватых моряков она выглядела жалкой; сильно напоминала вытащенную из морских пучин рыбину. Она и дышала сейчас так же широко, хватая ртом теплый морской воздух. «Касудо» тем временем набрал ход и опять помчался вдоль строя кораблей, замерших в ожидании неминуемой катастрофы. Потому что никакой камень не мог выдержать той нагрузки, что уже кренила гигантский гриб набок – в том самом направлении, куда недавно ударными темпами мчалась пловчиха.

Громкий треск миллионов тонн базальта, еще недавно служившего несокрушимым основанием для острова, заставил всех испуганно втянуть головы в плечи. А женщину, которая каким-то чудом поднялась на дрожащие ноги и подскочила к лееру, в который она вцепилась до посинения ладоней, еще и громко охнуть. Этот стон, выдавший слабость незнакомки, заставил капитана раздвинуть губы в злорадной улыбке.

– Не такая ты оказывается и крутая, – подумал он, не отвлекаясь от грандиозного зрелища.

Шляпка «гриба» упала в море с грохотом, сравнимым с залпом всей японской эскадры. Да и энергия, что заставила миллионы тонн воды взорваться гигантским фонтаном, а потом погнать бурлящий вал соленой воды к кораблям, была, наверное, не меньше той, что таилась в орудийных погребах. Мацумото сейчас был откровенно рад тому обстоятельству, что круги, которые он нарезал вокруг острова, вернее вокруг того, что от него осталось, были намечены так далеко от места катастрофы. Половину морской мили волна прошла удивительно быстро. «Касудо» взлетел на нее, оказавшись на несколько мгновений выше вертолетоносца, мимо которого как раз проходил.

Сосед взлетел еще круче и что-то там – на вертолетоносце – не выдержало такого стремительного рывка, а может, опасного крена. Даже на расстоянии двух кабельтов капитан слышал, как трещит и лопается металл. А потом – под яростные тревожные крики команды – сразу два вертолета скользнули в водяную яму, что сопровождала высокую волну.

Незнакомка, так и не отпустившая леер, но стоявшая теперь на удивление ровно, расставив для надежности ноги, что-то зло, а может и злорадно пробормотала. И Мацумото, к собственному удивлению, а потом и в каком-то восторженном предвкушении, разобрал в этом коротком выкрике русские слова. Знатком русского языка капитан себя не считал, но художественно с вероятным противником объясниться мог.

– Если бы еще все противники были такими, – осклабился командир подлодки, – и если бы с ними можно было справиться вот так, голыми руками.

Он даже закрыл на мгновение глаза, представив как эта «рыбка», сейчас уже совсем не напоминавшая измученную утопленницу, бьется в его руках и молит о помощи. К женщине – а этой загорелой ухоженной красотке было явно за тридцать – он подступил с единственным словом, которое в его устах прозвучало подобно рычанию тигра:

– Русская?!

Что-то мелькнуло в глазах незнакомки, которая, казалось, сейчас гордо выпрямится и ответит ему еще короче: «Да!». Но это движение, в начале которого незнакомка едва успела оторвать ладони от леера, осталось незаконченным. За первой, самой гигантской, пришла вторая волна. И пусть она была в несколько раз меньше, женщина поспешно вцепилась в поручень руками, снова став и жалкой и испуганной. И ответила на вопрос командира не на русском языке, а по-английски:

– Теперь уже нет. Не русская... Гражданка Израиля Ирина Руфимчик, – представилась она, отвернувшись от третьей, совсем уже мелкой волны.

Ее глаза были заполнены болью и совсем крохотной долей гнева, которую она и попробовала выплеснуть на капитана.

– И кто не ответит за это безобразие, капитан? Или ваше государство наплевало на право частной собственности? Знаете, сколько я заплатила за этот остров? А жители... Где мои люди?

Но Мацумото ни виноватым, ни вообще обязанным отвечать что-то этой тетке, оказавшейся еврейкой (израильтян капитан тоже не любил) себя не считал. Он назначил ее личным призом; всех остальных жителей острова доставили на корабли десантники и их статус капитана совершенно не интересовал. А вот эта рыбка... Командир подлодки вдруг понял, что не сможет вернуть себе душевное спокойствие и стереть последние остатки того липкого страха, что вполз в него через трубу перископа, если откажет себе в малости – от души поиздеваться над израильтянкой; помять ее беззащитное тело так, как ему привиделось еще до катаклизма. И он кивнул матросу, что стоял за ним, с любопытством поглядывая на разгневанную женщину:

– Сатэ – тащи ее вниз.. в мою каюту. А ты, – продолжил он на английском, поворачиваясь к Ирине, – сиди там тихо как мышка, пока я не приду.

Ирина, она же подполковник Крупина, нагнула голову, словно соглашаясь с японцем. Так что никто не разглядел на ее губах свирепую улыбку, когда командир подводной лодки обозвал ее «Мышкой».

Глава 34. Август 2000 года.

Море Сулавеси. Продолжение

Подполковник Крупина. Не будите в мышке зверя

Наталья махнула рукой в последний раз и незаметно для окружающих вздохнула. И хотя эти окружающие считали ее, Наталью Крупину – официально гражданку Израиля Ирину Руфимчик – безраздельной хозяйкой и острова, и их собственных жизней, показывать себя слабой в глазах островитян она не собиралась.

– Тем более, что не навсегда уехали, – подумала она с теплотой о друзьях, о Николае с Лидой, которые спешили на рейс до Тель-Авива, где их уже ждала заботливая Инесса Яковлевна, – чересчур заботливая. Но это Лидке как раз и нужно сейчас.

Крупина знала, что беременные женщины могут быть капризными. Но чтобы до такой степени! Жалеть Николая, своего брата по детскому дому, она не стала – видела, как тот безропотно и даже с видимым удовольствием бросается выполнять любой каприз жены. Да – жены, хотя никаких свидетельств на этот счет никто не выписывал. Зато жители острова провели веселый обряд, который, как они уверяли, был сильнее любой бумажки. Николаю этого хватило. А Лидке... Настроение у нее менялось каждые пять минут, так что никто спрашивать у нее не стал – она сама выказала все Емельянову – в то самое ухо без мочки, над которым часто подшучивала. Историю этой травмы она выпытала у Николая, но с Натальей на эту тему ни разу не заговаривала. И вообще – даже в самые жуткие моменты, когда ее из-за тяжело протекавшей беременности всю трясло, и хотелось облить скверным настроением всех вокруг, Наталью она не задевала ни словом. Не только потому, что была здесь, на острове, в гостях. Просто эту женщину Кочергина безмерно уважала. А своего Николая просто любила. И подсознательно чувствовала, что те хлопоты, которыми бывший подполковник СОБРА окружил свою беременную жену, приносили ему лишь искреннее удовольствие.

– Ну вот, – Наталья перенеслась мыслями вперед улетающей в далекую, но столь же теплую страну пары, – теперь пусть Коля с Инессой Яковлевной соревнуется – кто первым откликнется на очередной каприз Лидки.

Впрочем, Наталья была уверена, что у старушки, управляющей ее домом в пригороде Тель-Авива, хватит тепла и внимания и для Лидии, и для самого Николая.

Лицо Мышки, немного мечтательное и грустное, вдруг стало серьезным. Она явственно увидела вдаль, прямо напротив входа в неглубокую внутреннюю бухту острова, темное пятно. Группу три нуля на базе не готовили специально для морских операций, но на такие пятна, означавшие, что за островом, а может персонально за ней, следят чьи-то глаза; следят из-под воды, через перископ подводной лодки... Так вот – в том, что это именно перископ, Наталья не сомневалась. И не сдержалась – метнула навстречу этой черной железяке, зловеще торчащей из воды, злой и предостерегающий взгляд. А в следующее мгновение метнулась в заросли – в полной уверенности, что этот бросок никто не заметил.

Уже на бегу, ловко огибая кусты – и колючие, и вполне себе безобидные – она посетовала на то, что не забежала в бунгало, не накинула на себя камуфляж. Легкий, практически невесомый камуфляж, в котором красться и прятаться в тени густой растительности непонятно пока от чьих взглядов было гораздо удобнее. Еще одна мысль была об оружии.

– Ну, с этим проблем не будет, – усмехнулась она, ныряя в первый же схрон, который оборудовал в дебрях подполковник Емельянов.

Обнаружить эту землянку было сложно даже для опытного следопыта; а уж достать полностью снаряженный, готовый к бою автомат или десяток гранат из сейфа, замаскированного под кусок булыжника, почти не торчащего из стены, не смог бы самый умелый медвежатник.

Но сейф этот так и остался закрытым. Рука подполковника Крупиной на несколько секунд повисла в воздухе. В голову, которая была занята мелкими, практичными и решаемыми уже здесь, в землянке, вопросами, пришел другой, сразу ставший главным и определяющим:

– А кто этот неизвестный и пока невидимый противник? И если это не продолжатели дела конгрессмена Левина, то может быть логичнее и правильней предстать перед ним, или перед ними, в образе испуганной беззащитной женщины?

Она обвела взглядом собственное тело, сейчас едва прикрытое купальником, и даже повела по нему руками – с неумовимо провоцирующей грацией, какая заставляет мужиков облизывать пересохшие губы и сглатывать тугие комки в горле.

– Да, именно так, – руки остановились на грудях – всего лишь на мгновение; еще быстрее по губам пробежала злоеущая усмешка.

Теперь Мышка, по прежнему в наряде супер-мини бикини, кралась сквозь заросли к тем точкам, откуда проглядывались окрестности – далеко за пределами острова. Океан, который совсем недавно поглотил кильватерную струю яхты, недолго оставался пустым и безжизненным. Первой в глаза Натальи, которая, наконец, добралась до утеса, до самой высокой точки острова, попала подводная лодка, всплывающая примерно в километре от места, где недавно пряталась на перископной глубине. В том, что это была одна и та же подводная лодка, подполковник Крупина не сомневалась. Потом рядом с лодкой возник силуэт надводного корабля; затем еще один и еще... Всего Серая Мышка насчитала двадцать восемь вымпелов – или как там они правильно назывались по морской терминологии?

– Не многовато ли для одной мышки, – хмыкнула Наталья, наблюдая, как эта армада берет в плотное кольцо ее частную собственность, – и почему на этих вымпелах ветер раздувает символ страны Восходящего солнца?

Крупиной не нужно было копаться в собственных мозгах, выискивая эту несуществующую информацию – с военно-морским флотом Японии она никогда не сталкивалась.

– Разве что..., – она вспомнила события двухлетней давности, – банковская корпорация решила вспомнить о пропавших трех половиной миллиардах долларов. Но не слишком ли дорогим получается напоминание. Одной солярки сожгли... Прислали бы, что ли, против слабой женщины парочку ниндзя, и дело с концом.

Дело, кстати, только начиналось. От двух самых крупных судов, в которых Наталья, даже не разбираясь особо в морском деле, признала десантные корабли (коллеги, хоть и морские), отвалили совсем крошечные на их фоне суденышки, заполненные фигурками в темной одежде. Юркие десантники заполнили и пирс, и практически весь пляж – так, что Наталье было нетрудно оценить их численность.

– Сотни две, не меньше, – прикинула Мышка – при большом желании можно их всех потаскать по зарослям, поугатать, а может и..., – две сотни трупов Наталье на острове не были нужны; к тому же они могли создать дополнительные сложности в общении с Морскими силами самообороны Японии – вспомнила, наконец, Мышка, как теперь подданные микадо стыдливо называют бывший императорский флот, – к тому же эти мальчишки ни в чем не виноваты... пока. Да и что потом помешает япошкам забросать остров снарядами – тут никакое мастерство не поможет.

Крупина нахмурилась – далеко внизу раздался очень громкий и возмущенный женский крик. Из хижины, где обитало многочисленное семейство Люды (так аборигенку обозвала практичная Кочергина), которая была главной по части чистоты и удобств в большом бунгало Натальи, выскочила она сама. Да не одна, а в сопровождении двух десантников, чьи совсем некрупные тушки болтались по бокам огромной и громкоголосой Люды, как куклы. К ним тут же подскочили еще двое солдатиков, на которых тут же переключился гнев женщины необъятных размеров. Но это был, пожалуй, единственный эксцесс. Не считая, конечно, глобального – так же бесцеремонно тащили к лодкам и остальных жителей райского острова.

Заметь сейчас Наталья хоть один случай явного насилия и все для десанта могло кончиться очень печально. Но нет – и женщины, и дети; даже могучий веселый садовник Марилио, которого Лидия почему-то называла просто Васькой, послушно уселся в одну из лодок, которые увезли и его и все население острова на корабли.

Но последнего Наталья, одобрявшая на расстоянии такое поведение подданных лишь коротким кивком, уже не видела. Она опять скользила вниз, навстречу немногочисленным морским пехотинцам, которые миновали крошечную деревушку, не обратив на нее никакого внимания. В руках они держал какие-то приборы, а значит, могли обладать какой-то информацией, нужно хозяйке острова.

Солдатик, на бравого десантника никак не тянувший, отошел достаточно далеко от сотоварищей. Силу, что буквально смяла его, а потом утащила в кусты, он так и не заметил – даже когда очнулся от кратковременного забытья. Очнулся же он, лежа на траве лицом вниз. Причем голову он при всем желании поднять не мог. Потому что на затылок, с которого та же сила содрала и выбросила в неизвестном направлении форменную кепку, давила к траве крепкая рука. Она, очевидно, уловила, что солдатик очнулся, и надавила вниз теперь с такой силой, что японец, попытавшийся было забарахтаться в попытке освободиться, тут же замер. Он считал длинные секунды, каждая из которых превращала воздух в легких в непригодную для дыхания смесь. Наконец, когда в висках застучали уже не молотки, а кувалды, а тело парнишки в форме было готово само задергаться в руках противника, нажим на затылок ослабел и вытаращивший глаза солдатик шумно глотнул свежего воздуха.

На смену давлению руки пришло другое; еще более страшное – теперь уже голоса; шипящего и обещавшего немислимые страдания. Солдатику было совсем ни до непонятого акцента в японском языке, на котором страшный враг задавал свои вопросы, ни до самой сути этих вопросов. Он сейчас был заполнен одним желанием – отвечать на эти вопросы молниеносно и исключительно правдиво. Потому что первый же ответ, в котором он попытался неловко слухавить, был пресечен быстро и беспощадно. Бритая голова японца опять ткнулась в сильно пахнущую чем-то неуловимо знакомым траву, а что-то холодное и острое вспороло штанину – прямо в самом уязвимом месте. Потом это холодное ткнуло в плоть и там, между ногами, стало тепло. А сам солдатик едва не дернулся руками к паху, чтобы остановить поток крови.

– Не бойся, – успокоил его свистящий как у змеи голос, – кровью не истечешь... если будешь говорить правду...

И морячок старался, выкладывал все, что знал и о чем только догадывался.

– Увы, – нажала наконец Наталья в нужную точку на шее противника, погрузив того в долгий, но не бесконечный сон, – ничего путного ты мне, дорогой, не сказал. Но живи, раз обещала.

Через пару минут на тропе, по которой совсем недавно передвигался этот солдатик, любой желающий мог прочесть картину несчастного случая.

– Производственная травма, – улыбнулась Крупина, оглядывая дело собственных рук.

Картина трактовала однозначно – солдатик шел, не оглядываясь по сторонам и поигрывая в руках собственным ножиком (штыком – если быть точнее); под ноги он, естественно, не смотрел, отчего и поплатился – падением в небольшой овражек. Сразу после того, как наступил на гнилой сук, который под корой таил опасную скользкую древесину.

– Результат, – подвела итог Наталья, – разбитая голова, которая не скоро позволит парню прийти в сознание (голова тут же аккуратно стала разбитой); ножик, который вспорол доверенное воинское имущество – штаны – и едва не оставил защитника японского отечества без будущих наследников...

Неслышной и невидимой тенью Мышка опять метнулась к вершине – туда, где можно было обдумать и оценить немногие сведения, что дал допрос, а заодно и понаблюдать – чем все-таки закончится лихая атака японского десанта на остров.

– Итак, – подвела первые итоги подполковник Крупина, – лично ко мне этот «визит» отношения не имеет. Если только японскому правительству, а может военно-морскому начальству не приглянулся мой остров. Так приглянулся, что были прерваны, а точнее перенесены в чужие территориальные воды учения целой военной эскадры. И что-то очень важное должно здесь скоро случиться. Настолько важное, что надо было изолировать свидетелей и напичкать поверхность приборами, назначения которых не знает ни солдатик, ни, соответственно, я. Может, вулкан тут должен проснуться? Или землетрясение в кои-то веки предсказали.

Еще раз окинув взглядом застывшие в километре от нее корабли, к самому крупному из которых как раз причаливало последнее суденышко, она – неожиданно даже для себя – попробовала уйти чувствами вниз, в каменную толщу своего острова. И ей показалось (показалось ли?!) что каменная твердь ответила. Вернее откликнулась долгим тоскливым стоном. Скорее всего, это было предчувствие самой Мышки, которая замерла на своей вершине, не видная для наблюдателей с эскадры, за мгновение до того, как остров действительно содрогнулся от дальнего, практически неразличимого удара. Затем последовал второй, чуть более сильный – с той же стороны, что первый. А потом удары последовали один за другим, меняя интенсивность и частоту. Крупиной, закрывшей на мгновение глаза, показалось вдруг, что она вернулась в далекое детдомовское детство, во двор спецдетдома, где стояла скрипучая карусель и где ребятишки самозабвенно мучили ее – с ранней весны до поздней осени.

Камень внутри горы уже не стонал, а скрипел – словно какая-то беспредельная сила крушила его там, стирая в пыль базальтовые пласты. А еще – Наталья вдруг поняла, что круговой обзор отсюда пусть на какой-то гран, но стал получше – будто гора выросла. К Мышке пришло понимание, что именно сейчас начался катаклизм, за которым жадно следили и моряки под флагами страны Восходящего солнца, и неведомые приборы, которыми напичкали ее остров, и... она сама, оказавшаяся в эпицентре трагедии.

– Пока еще не трагедии – пробормотала она, вставая в полный рост – но еще чуть-чуть и может быть поздно.

Наталья была уверена – сейчас ее загорелую фигурку, застывшую, словно памятник собственному острову, разглядывают в десятки, а может быть в сотни морских биноклей и других подручных средств. Она могла бы сейчас на потеху невольной публике крутануть со скалы целый каскад сальто – знай наших! Но своему главному правилу – все должно быть не эффективным, а максимально эффективным, не изменила и сейчас. Задача была одна – спрыгнуть вниз, не разбившись о твердую поверхность, в которую превращается вода на расстоянии сорока метров; не сломать ни спину, ни всего остального.

– Потому что отпуск кончился, – мелькнула мысль – в тот самый момент, когда вытянутое стрункой тело без единого плеска вонзило в морскую воду, – начинается операция «Тектоническое оружие»!

Ничем иным Наталья не могла объяснить тот феномен, что рос у нее за спиной и от которого она гребла – мощно и внешне неторопливо. Так она могла махать руками часами. Но сейчас этого не требовалось. Нужно было лишь добраться до той невидимой трассы на морской поверхности, по которой нарезала круги вокруг острова подводная лодка. Она одна сейчас передвигалась вдоль гигантской окружности, составленной из кораблей, замерших перед картиной невиданного прежде никем катаклизма. Именно ее выбрала Мышка своей целью. И потому, что она (лодка) первой появилась тут, а значит, кто-то из экипажа мог знать больше того солдатика; и в виду ее явно исключительности – хотя бы той, что обеспечивала ее непрерывное скольжение по глади моря в надводном положении. И, наконец, главное – на той лодке, скорее всего, был самый маленький экипаж из собравшихся судов.

– Ну, сколько там моряков-подводников? – подумала она, мощно выгребая руками и не забывая с каждым гребком оглядываться назад, на уже неузнаваемо изменившийся остров, – сотня, не больше. На один зуб Мышке...

Остров тем временем превращался в каменный гриб – совсем так же, как тонны грунта, оторванные от земли ядерным взрывом; только в сотни и тысячи раз медленней. Наталья, наконец, словно наткнулась на невидимую преграду – именно здесь, как определило ее чутье, проходил фарватер подлодки. А скоро она и сама появилась, теряя – как и надеялась Крупина – ход. Теперь кроме своего мастерства пловчихи – Наталья надеялась, что ее рекордного результата никто не оценил – надо было напрягать и сценический талант. Перед бравыми японскими моряками она желала предстать жалкой и беззащитной. Но – женщиной вполне себе ничего, которую можно подсушить и обогреть, а потом пожелать уединиться в укромном местечке – там, где русско-японской парочке никто не будет мешать.

Первый пункт – насчет слабой и беззащитной девушки – начал исполняться сразу же. Наталья повисла на толстом канате, что скинули ей с палубы подводной лодки, словно кукла с безвольно повисшей головой. Но кукла, вцепившаяся в канат так, что моряки, выдернувшие ее из воды, словно огромную рыбину, едва разжали ей руки. Хотя у Мышки и промелькнула шальная мысль – взлететь по канату подобно той самой мысли и ошеломить японцев уже с первым шагом на судне. От этого – ошеломить противника – она не оказалась, но потом; все потом. А пока ладони, едва отпустив жесткий, но все же чуть сминаемый канат, вцепились в толстый стальной поручень или леер, как его называли моряки – если верить книжкам.

Уже здесь, на борту, Наталья первой уловила момент, когда многотонная громадина, изображавшая из себя гриб неправильной формы, не выдержала той чудовищной массы, что кренила ее в одну сторону. С последним возмущенным стоном столб, который уже поднялся над волнами метров на тридцать, если не больше, переломился у самого основания и полетел вниз, в теплую воду моря Сулавеси. Выглядело это не очень грозно и опасно; а вот волна, помчавшаяся от места падения во все стороны, бед натворить успела. Подводную лодку, которую командир судна (подчиненные называли его капитаном Мацумото), с вполне понятной нежностью и почтением именовал «Касудо», лишь подбросило на несколько мгновений выше застывшего рядом корабля с вертолетами, выстроившимися на борту. Вертолетоносец тут же повторил маневр, показав часть не такого чистого, как надводная половина, борта, обычно скрытого под водой. Назад этот красавец-корабль ухнул не так удачно. Что-то или кто-то допустил ошибку, закрепляя винтокрылые машины на палубе. Железный стон, или треск, был не сравним с каменным, но заставил японских моряков кругом вскричать много громче и горестней. Два вертолета поочередно, с громким плеском, перевалили через борт, и исчезли в пучине – как раз между двумя волнами, которые катаклизм продолжал гнать к эскадре, и дальше. Волны эти были все мельче, а амплитуда, с которой подпрыгивал на ходу подводный боевой корабль, все больше – пока, наконец, море в том месте, где совсем недавно радовал глаз своей сочной зеленью остров Зеленой лагуны, не успокоилось.

Теперь очередь дошла и до Натальи, точнее до второй части ее плана. Ее обсохшая на жарком солнце фигура уже не была жалкой. Не отпуская правой ладони от леера, Крупина поправила левой короткие пряди на голове, а потом провела ею же по телу – словно стряхивая с себя весь тот негатив, что не мог не прилипнуть к беззащитной жертве катаклизма.

Командир, шагнувший уже к ней, запнулся на мгновение и шумно сглотнул – будто подавился слюной, от этой соблазнительной картинке. А потом ощерился лицом, словно наткнулся на красивую, но очень опасную гадину, и спросил – к удивлению Натальи – на корявом русском языке:

– Русская?

Наталья, прежде чем ответить, ругнулась на себя – это она сама невольно выдала себя, обрадовавшись громче, чем следовало, картинке падавших в море вертолетов. Но эта ошибка

была поправимой; по крайней мере, так думала сама Крупина. Она выпалила – поначалу грустно, а потом со все возрастающим гневом в голосе:

– Теперь уже нет. Не русская. Гражданка Израиля Ирина Руфимчик.

Ответного представления она не дождалась, и дала свободу уже совсем неприкрытой ярости:

– И кто мне ответит за то безобразие, капитан? Или ваше государство наплевало на право частной собственности. А жители... Где мои люди?

Все это она выпалила на английском языке, с первых слов убедившись, что капитан прекрасно понимает ее. Но ответить он опять не соизволил.

– А скорее, – с изрядной долей недовольства подумала она, – он и сам не знает ответа на эти вопросы. Или...

Капитан не дал додумать. Он резким окриком заставил застыть перед ним моряка – кряжистого, с длинными узловатыми руками, которые словно сами готовы уже были схватить пленницу. Командир лодки это стремление подтвердил:

– Сатэ, тащи ее вниз, в мою каюту.

Эту команду он произнес на родном языке, и Наталья искренне поблагодарила полковника Сазонова и других, безвестных для нее составителей учебной программы подмосковной базы, в перечне занятий которых числился и японский язык. Конечно, обмануть коренного японца, выдать себя за жительницу островов страны Восходящего солнца ей вряд ли удалось бы. Но сейчас возможность понимать врага – а именно так теперь воспринимала моряков Наталья – многого стоила. Тем более, что японцы об этом не подозревали. И сейчас капитан грубо велел ей, теперь уже на английском, совершенно не заботясь о том, что первую часть фразы, обращенной к своему ординарцу, она скорее всего не поняла:

– А ты иди там тихо, как мышка – пока я не приду.

– Есть, мой капитан! – козырнула она, естественно мысленно, – Серая Мышка будет ждать тебя. С нетерпением!

Однако в каюте – чуть более просторной, чем остальные в тесном корпусе лодки, ей пришлось ждать не меньше часа. Подводная лодка стала шуметь чуть иначе, и Мышка поняла, что судно поменяло и курс и скорость. Теперь она мчалась по-прежнему в надводном положении, но уже по прямой, выжимая все, что могли выдать дизели.

– Куда-то спешим, – поняла Крупина, успевшая обследовать и саму каюту и небольшой сейф, который прятался под столиком.

Еще здесь была кровать – настоящая, а не подвесная, как можно было ожидать – опять-таки, судя по книжкам. Наталья даже невольно пожалела капитана. Она сама привыкла за последние годы к роскошным ломам, на которых лежать можно было одинаково удобно и просторно – что вдоль, что поперек. А эта если и могла вместить двоих, то...

– Что-то ты слишком игривая сегодня, – оборвала себя Крупина, – никто тут сегодня вдвоем лежать не собирается. Если сам капитан и полежит, то не думаю, что это доставит ему много удовольствия.

Она перешла к содержимому сейфа, который открыла какой-то имитацией древнего японского ножа – вычурного и совершенно непригодного для резания глоток и втыкания меж ребер врага. А вот сейф этим ножиком Наталья открыла за полминуты; и даже почти не поцарапала лезвие. Ни документы, ни пистолет в кожаной кобуре, ни деньги – большей частью в иенах и совсем небольшая пачка долларов – ясности в этот необычный рейд подводной лодки не внес. А вот ящичек рядом с кроватью порадовал. В нем Наталья обнаружила несколько смен белья и форменного обмундирования, одна из которых – рабочая, а потому почти не отличавшаяся от той, в которой щеголял весь экипаж, тут же примерила. В плечах роба подводника была широковатой, а в остальном...

Мацумото едва не вскричал: «Что ты здесь делаешь, мерзавец?», – приняв ее за подчиненного. В следующее мгновение он узнал ее и раздвинул губы в хищной улыбке, не сообразив поначалу, что надо проявить командирский гнев – по поводу того, что гостя, которую он конечно же принимал в каком-то ином качестве, успела пошарить в его шкафу и... Тут его взгляд остановился на краешке дверцы сейфа, торчащей из-под столика, и командир подлодки переполнился гневом. Ему бы сейчас задать себе вопрос: «А что это за умелица такая, на раз открывающая не самый простой замок стального ящика?». Он же лишь успел подумать – это явно читалось на обычно невозмутимом лице:

– В общем-то, мне совершенно безразлично – будет на твоей еврейской физиономии один фингал или два...

Он даже успел поднять руку для пощечины, которую явно испуганная женщина готова была принять с закрытыми глазами. Но до удара дело не дошло – пока. Потому что раньше раздался робкий стук в дверь, к которой капитан и повернулся с недовольным лицом.

– Радиограмма, господин капитан, – перед открывшейся совсем не широко дверью стоял судовой радист, не смеявший даже косить глаза в дверной проем, – от флагмана...

Мацумото выдернул листок из руки моряка и впился взглядом в несколько строчек. Потом кивком отпустил радиста; очевидно ответ не требовался. Дверь опять захлопнулась – почти без стука – и капитан, больше для себя, нежели для пленницы сообщил:

– Ну вот, у нас не больше часа. Потом мы догоним флагман, и ты перейдешь на него – к своим любимым дикарям. А пока не будем терять времени, крошка.

«Крошка» ответила ему – на чистейшем, почти без всякого, русского или еврейского, акцента, японском языке:

– Не будем, – и шагнула вперед.

Час времени – это много, это очень много для мастера единоборств. А таких мастеров в каюте было два. И первый – Мацумото, немного насторожившийся – навес все-таки хлесткий удар, целя теперь по дерзким губам. Губы своей иронической улыбки не смахнули. Более того – эта улыбка стала еще шире; она словно провоцировала: «Давай, попробуй еще раз. Только другой рукой». Потому что правая, которой капитан попытался стереть эту ухмылку, цели не достигла; она повисла безжизненной плетью, заполнив половину тела огнем боли. Вторая рука сделала обманное движение, а вперед устремилась, уже совершенно безжалостно, убийственно, правая нога. Никаких: «Кийя!», – в тесной каюте не прозвучало. Мышка, словно нехотя уклоняясь от вытянутой вперед конечности противника, – успела подумать:

– Настырный какой!

В то же мгновение нога японского моряка как-то надломилась; но не сломалась – она пока нужна была Наталье целой. Теперь Мацумото обожгло нестерпимой болью полностью – от кончика пальцев на ноге, которой он не мог пошевелить, до короткого ежика волос, что тоже пылало невидимым огнем. Об этом – что можно ощущать, как нестерпимо ноют собственные волосы – не говорил даже старый мастер, учивший капитана боевому мастерству и который на вопрос: «Какого же дана достиг почтенный сэнсей?», – лишь таинственно усмехнулся, а потом, скромно потупившись, изрек очередную мудрость:

– Нет предела совершенству...

Сейчас Мацумото вдруг понял, точнее, прочувствовал всем нутром, которое тоже пылало незримым пламенем, что женщина, опять улыбнувшаяся ему совсем не грозно, подошла к этому самому совершенству ближе всех, кого он знал. А может и достигла его.

Восьмой дан по каратэ-до не помог. Мацумото очнулся уже на собственной кровати. Перед глазами чуть качалось вместе с подложкой лицо израильтянки, выражавшее лишь спокойное ожидание. Наталья удовлетворенно кивнула – именно в это мгновение капитан и должен был открыть глаза. Его первый порыв тоже был вполне ожидаемым. Мацумото, который теперь не должен был ощущать никакой боли, а лишь необыкновенную легкость в теле, попы-

тался вскочить на ноги, чтобы еще раз обрушить на дерзкую удар, способный снести на пол соперника втрое... Нет – вчетверо крупнее хрупкой израильтянки. Наталья лишь вздохнула. О восьмом дане она ничего не знала, но должен же был этот японец – вполне адекватный на вид – хоть немного понимать, что соперница ему не по зубам. Поэтому ей пришлось теперь пробежаться по нескольким узловым точкам мужского тела – быстро и почти невесомо – как по клавишам фортепиано. Но эффект можно было сравнить с самой грозной из опер – той, где поется о грешниках и муках, что они испытывают в аду. Прежний огонь, что недолго тек в жилах капитана, был ужасным, но вполне терпимым, земным.

Этот же, адский, превзошел все ожидания. Морской офицер сил японской самообороны теперь желал лишь одного – отвечать и отвечать на вопросы скупой улыбавшейся ему женщины.

Улов и на тот раз был совсем небогатым. Капитан Мацумото о катаклизме, что лишил Крупину ее острова, узнал одновременно с ней – на палубе подводной лодки «Касудо». О том, что за сила вызвала эту катастрофу и даже о том, кто мог отдать приказ начать эту операцию, он не знал.

– Но большие, очень большие люди, с самого верха, – капитан поднял глаза к потолку, что для него было сделать совсем просто – он и так лежал лицом кверху, – такие люди, что могли остановить плановые учения сил самообороны... А это, знаете ли, даже императору вряд ли бы удалось.

– И кто может знать, откуда пришел такой приказ?

Мацумото попытался пожать плечами, но тело сейчас могло двигаться только в одном месте – том самом, откуда на Ирину Рувимчик исходили торопливые ответы капитана. Рот опять открылся даже без уточняющего вопроса:

– А командование наше сидит на центральной базе Йокосука.

Крупина невольно улыбнулась самым краешком губ, и все-таки задала вопрос:

– И когда твоя лодка попадет на эту самую... которая Йоко?

– Не скоро, – теперь капитан плечами пожимать не пытался, – сейчас мы держим курс на район учений – недалеко от Северных территорий. Недели три там пробудем, если не потушит новая вводная наподобие этой.

Теперь капитан хотел дернуть шеей – в направлении, противоположном движению лодки, а значит туда, где в море покоились каменные осколки острова Зеленой лагуны. Наталья поняла его и без этого кивка, тоже не удавшегося.

– Северные территории, – повторила она мысленно, – звучит, конечно, намного благозвучней, чем Йокосука, да и до России там рукой подать. Так что в следующий раз посмотрим, как японская подводная лодка разбивается о камни... Скажем, Итурупа. А сейчас мне надо именно в эту самую Йокосуку. И по большому счету мне все равно, какой корабль меня туда доставит. И кто «представит» командованию базы. Дело за малым – как сделать так, чтобы корабль повернул к базе. Нет – сначала надо выбрать корабль.

Вариантов было немного – подводная лодка или флагман. Наталья опять чуть улыбнулась хозяину каюты:

– Я не жадная, путь идут оба.

Через пять минут командир подлодки приказал замедлить ход. До флагмана было совсем недалеко, но капитану зачем-то приспичило подняться на поверхность. Его сопровождал лишь один матрос. Вахтенный офицер так и не смог узнать его – очень уж ловко и вовремя отвернул свое лицо этот низенький морячок. Впрочем, в экипаже подводной лодки таких было большинство. Гораздо сильнее удивился офицер, когда командир протиснулся внутрь корпуса один – мокрый и какой-то задумчивый. Естественно, что никаких вопросов офицер Мацумото задавать не стал. А сам капитан что-то рассказывать не считал нужным.

Мацумото беспрекословно выполнил все приказы израильтянки. Заставил старшего офицера, который нес вахту в рубке, замедлить ход лодки, а потом провел Наталью наружу – под ласковый ветерок, который в этот вечерний час не обжигал, а приятно охлаждал кожу.

– Тут мы с тобой и простимся, Мацумото, – почти лаково пропела за спиной капитана Мышка, – передавай привет базе.

– Какой? – круто повернулся к ней капитан.

На палубе никого не было. Лишь громко плеснула волна, окатив Мацумото с ног до головы. И еще ему показалось, что там – под волной – мелькнула тень, от которой с плеском пришел ответ:

– Йокосука...

Глава 35. Август 2000 года.

Море Сулавеси – база Йокосука

Адмирал Катсу Ямато, командующий эскадрой

Для пятидесятилетнего адмирала, круто взлетевшего вверх по служебной лестнице, вопиющее безобразие, каким ему представлялась отмена учений на самой ответственной его фазе – массированном десанте разу на четыре безлюдных острова, оказалось провозвестником куда более крупных неприятностей. Острова были расположены так удачно, что имитация триумфального возвращения Северных территорий в лоно Империи была почти полной. Увы – не случилось. Нелепый, если не сказать, преступный приказ начальника базы, который временно являлся и заместителем командующего Морских сил самообороны Японии, сорвал учения, когда уже был отдан приказ поднимать в небо вертолеты.

Вместо этого его эскадре пришлось не имитировать, а реально оккупировать остров чужого государства – пусть совсем ненадолго. А потом еще и захватить в плен немногих его обитателей. Потом пришла радиограмма от приятеля в Центральном штабе, который поделился вестью о том, что на самом деле операция эта самая что ни на есть боевая, и что доверили ее лучшему адмиралу флота.

На последнюю строчку Ямато хмыкнул, а потом все-таки расправил плечи. А уж после того, как какой-то невероятный катаклизм – рукотворный, судя по тому, что его эскадра оказалась в нужном месте в нужный час – буквально погреб под бездушными волнами целый остров, адмирал понял, что у его страны появилось новое оружие.

– Тектоническое, – тут же дал ему название Ямато.

Он невольно содрогнулся, представив себе ужасающие последствия применения этого оружия. Даже прикрыл глаза, и тут же широко распахнул их – потому что в голове словно кто-то включил ролик, подобный только что увиденному «кино». Только теперь крутился вокруг зримой оси и стремительно рос, обнажая тонкую, такую хрупкую каменную ножку, другой остров, не сравнимый величиной с только что погибшим. Перед глазами кружил и готов был рухнуть в пучину Хонсю – родной остров адмирала. Там – адмирал открыл глаза и повернулся к востоку – была база флота; а главное – там был дом, в котором моряка ждала жена, престарелый отец, дети, внуки...

– Нет, – адмирал никогда не был пацифистом, и становиться им не собирался, – это ведь наше оружие. Значит, кружиться и падать в море будут другие острова. Какие?

Теперь перед глазами почему-то возникло видение Московского Кремля; Ямато недавно видел его воочию, в составе делегации Сил самообороны. О том, что от этих древних башен до ближайшего моря...

– Господин адмирал, – вытянулся рядом дежурный офицер, – радиограмма из штаба.

Катсу кивнул и взял в руки клочок бумажки. Точнее это был лист стандартного формата, на котором распечатали всего несколько строк. В них буднично и лаконично сообщалось, что ему надлежит обеспечить доставку на базу всех пленных, что были захвачены в ходе операции.

– Пленных!? – не поверил собственным глазам адмирал, – эту кучку жалких дикарей?

Его взгляд вернулся на строки и зацепился за один иероглиф, выделенный толстым шрифтом.

– Всех! – прошептал он, – что бы это значило? Что могут знать эти аборигены кроме той картинки, где их родной остров рассыпался на куски и исчез в океане.

Рядом кашлянул дежурный офицер. Ямато взгляделся в его лицо, явно смущенное и кивнул: «Говори!». Смущение, как оказалось, было вызвано тем, что офицер успел сунуть свой

приплюснутый нос в радиограмму. И теперь доложил, скрыв за бесстрастным выражением лица то само смущение:

– Одного, точнее одной аборигенки на флагмане нет, господин адмирал.

– Одним больше, одним меньше – какая разница, – мысленно пожал плечами командующий; вслух же он спросил, – и где же этот... или эта аборигенка?

– На «Касудо», господин адмирал. Капитан Мацумото подобрал ее в открытом море.

Офицер мог рассказать начальству о той красочной, фееричной картине, которую пропустил адмирал; о бесстрашной красавице, что сиганула с высокого обрыва за несколько минут до катастрофы и досталась призом этому выскочке Мацумото. Про «красавицу» он не придумал – слухи по кораблям, несмотря на мили морского пространства, разделявшие их, разносились на удивление быстро. Адмирал об этом тоже знал – сам служил когда-то и младшим офицером и командиром кораблей, начиная с самых мелких. Но эта вот новость его почему-то взбесила. Никакой враждебности к командиру подводной лодки он особо не испытывал – где он и где капитан Мацумото! Но что-то засвербело в душе; что-то настойчиво стало внушать, что задание, обернувшееся триумфом японской военной мысли, им, адмиралом, выполнено не полностью.

– Прикажите перейти на самый малый, капитан, – отвернулся он от вахтенного офицера, – и дайте радиограмму на «Касудо». Пусть догоняет.

А потом, когда офицер поспешно ушел, недовольно подумал:

– И пусть только Мацумото опоздает!

Капитан Мацумото не опоздал. Больше того – он пришел на двадцать минут раньше намеченного времени. И пришел так, что и адмирал и командир подводной лодки запомнили это до конца жизни.

Мацумото весь этот короткий рейд мучительно решал – что ему доложить о пропавшей пленнице. Он даже неожиданно для себя обиделся на Наталью; она же для всех Ирина Руфимчик.

– Могла бы и подсказать, – тоскливо подумал он, – или приказать. Я бы все передал адмиралу. А теперь что? Какая-то баба скрутила меня, чемпиона флота по каратэ, а потом улинула; испарилась с подводной лодки, словно бесплотный дух. А впрочем (выпрямился он), кто видел меня лежащим беспомощно на кровати; кто был свидетелем того как, эта Ру-фимчик прыгнула в море за сотню миль от ближайшего берега?

До его чуть затуманенного последними событиями мозга только что дошла простая мысль: «А зачем, собственно, эта Руфимчик прыгнула в море? Или там ее ждала другая подлодка – израильская или, к примеру, российская?». Он тряхнул головой, прогоняя остатки тумана, и горько усмехнулся:

– Я теперь уже ничему не удивлюсь...

Удивиться пришлось. В дверь каюты опять постучали; за пару минут до того, как он сам собирался покинуть ее. Капитана подводной лодки ждал флагман и командующий эскадрой, и место капитана было если не на палубе, то в рубке корабля. По поводу рубки и выпалил ему прямо в лицо молоденький лейтенант, запыхавшийся так, словно пробежал по короткому коридору лодки раз сто, не меньше.

– Господин капитан, – прокричал он, наконец, отдышавшись – старший офицер заперся в рубке и не открывает дверь!

– Вот как? – почему-то не удивился Мацумото, – и зачем он это сделал?

Взгляд молоденького офицера, для которого этот поход был первым, стал изумленным и каким-то отчаянным. Он словно вопрошал безмолвно:

– Да откуда же мне знать? Он же заперся!!!

– Один? – вслух отреагировал на этот крик души по-прежнему спокойный командир.

– Нет, господин капитан, – еще сильнее побледнел лейтенант, – с ним два вахтенных матроса и командир боевой части.

– Понятно, – кивнул Мацумото, испугавший молодого офицера еще сильнее своим спокойствием, если не равнодушием, – приказываю всему экипажу подняться на палубу – для встречи с флагманом.

Офицер унесся по коридору, даже не успев задать ему вопрос: «Какая встреча – половина второго ночи?». А капитан вернулся в каюту; через пару минут он вышел в коридор уже в парадном кителе, с кортиком у бедра. В свете тусклых ламп блестели, словно только что начищенные, ордена и медали. Но еще сильнее сверкали его глаза. Мацумото уже понял, кто командует сейчас в рубке; кто заставляет послушно повиноваться и старшего офицера, и командира боевой части и весь подводный корабль, который он, командир, уже не считал своим.

Оставался вопрос – рискнет ли эта страшная женщина, противостоять которой у капитана не было ни сил, ни желания, дать торпедный залп по флагману. Других целей поблизости не было; по крайней мере, Мацумото о них не было известно. И – вот парадокс – он сейчас не осуждал Ирину Руфимчик. Не укорял за месть женщину, потерявшую дом по вине японского флота (а точнее кого-то неизвестного, придумавшего способ уничтожить одним махом целый остров). Капитан сейчас просто машинально выполнял нехитрые действия, что ему диктовала ситуация. На палубе выстроился весь экипаж – все шестьдесят семь моряков, считая самого командира Мацумото, который прошел вдоль длинной шеренги, вполголоса пересчитывая подчиненных. И только вставая в общий строй, правогофланговым, он задал себе вопрос, обжегший сердце:

– А почему шестьдесят семь? Должно ведь быть на одного меньше!

Но пробежаться по длинному ряду и взглядеться в лица, одно из которых могло отличаться широким разрезом глаз и более длинным носом, он не успел. «Касудо» так и не произвел торпедного залпа; обманул самые страшные ожидания командира. Зато нацелил во флагмана свой острый стальной нос.

– Безумная! – успел подумать Мацумото, поворачиваясь налево – вперед по ходу лодки.

Он оказался ближе всех к темно-серому борту флагмана, который вдруг вырос до небес. Какая-то сила подняла капитана, словно пушинку и швырнула на этот борт. Он еще успел услышать и жуткие крики за спиной и сверху, где бодрствующая смена эскадренного миноносца в ужасе отбегала от этого борта, а потом и рвущий душу скрежет сминаемого и рвущегося металла. Его голова даже повернулась назад, чтобы командир в последний раз мог увидеть свой корабль. Показалось ему или нет, но в проеме, который так и не закрыла крышка наружного люка, показалась голова старшего офицера. Наконец его тело, летящее практически в том же положении, как он стоял во главе колонны своих подчиненных, впечаталось в борт, уже покрывшийся невидимыми глазу волнами и лохмотьями содранной шаровой краски. Ласкового прикосновения теплой океанской воды он уже не почувствовал...

Адмирал Ямато это столкновение встретил в постели. Мимолетное желание – самому встретить пленницу и посмотреть в глаза капитану Мацумото – он подавил быстро и жестко. На флагмане все подчинялось раз и навсегда заведенному распорядку. По этому распорядку сам Ямато должен был спать до шести ноль-ноль. Но не спал; перед глазами возникали все новые и новые картинки, где центры мировой цивилизации вырастали гигантскими грибами и опадали мельчайшей пылью. А еще он ворочался в предчувствии неприятностей. Хотя, что могло угрожать флагману второго в мире по силе флота? Флота, доказавшего свою храбрость в Цусиме и Перл-Харборе и уничтоженного практически полностью после войны, проигранной в сорок пятом году. Он, наконец, уснул к середине ночи; и почти сразу же оказался на полу – несмотря на то, что его кровать была вдвое шире той, что тонула сейчас вместе с каютой капитана Мацумото.

На палубу адмирал выскочил полностью одетым – показаться перед офицерами и нижними чинами он не согласился бы, даже если бы началась ядерная война.

– Или та, о которой я думал вчера вечером – тектоническая.

Картина, что открылась его глазам, действительно на первый взгляд показывала, что на них напал враг – беспощадный и безжалостный.

На самом деле перед его глазами предстала картина вопиющей халатности и разгильдяйства – в левый борт флагмана, ближе к корме, врезалась подводная лодка. Та самая, ради которой эскадренный миноносец замедлил, а потом и совсем прекратил ход. Теперь она – лодка – медленно погружалась в воду, грозя утащить за собой моряков, барахтающихся в бурлящих волнах. Некоторые, впрочем, уже карабкались по канатам, сброшенным сверху моряками «Ямагири» – такое гордое имя было присвоено флагману. Ямато в спасательную операцию не вмешивался – по тому самому распорядку, что он твердой рукой насаждал на корабле. Даже в такой, казалось невообразимой, ситуации, каждый знал свое место. Адмирал знал и то, что сейчас в лазарете уже готовы к приему раненых врачи и операционные; что специальная команда обследует тот участок борта, куда врезалась подлодка и что не далее, чем через пятнадцать минут к нему с докладом подбежит Горо Такура – капитан флагманского корабля.

Такура уложился в четырнадцать минут. И этот срок он посчитал для себя слишком большим – о чем и доложил, почтительно поклонившись адмиралу.

– Жертв много? – задал первый вопрос адмирал.

Такура замялся, а потом решительно помотал головой:

– Нет, господин адмирал, даже... – морской офицер позволил ее улыбнуться, – поначалу насчитали семьдесят одного спасенного.

– Ну, правильно, – не удивился Ямато, – семьдесят человек экипажа и одна пленница.

– Пленница? – озадачился командир флагмана, – никакой пленницы среди спасенных не было. Насчитали одного лишнего подводника. Потом пересчитали – оказалось ровно семьдесят.

– И все живы? – незаметно для офицера выдохнул Ямато.

Он уже предвидел и косые взгляды в штабе, и неизбежное расследование, и скорее всего, отстранение от должности. Но пока он был адмиралом, место которого было – на маневрах, где будет одной подводной лодкой меньше.

– Тектоническая война, – опять вдруг пришло в голову название, придуманное недавно, – «Касудо» – первая ее жертва.

Об острове он совершенно не подумал; забыл и о ее хозяйке – сразу же, как только Такура озвучил следующую новость, которая стоила всех остальных.

– Господин адмирал, – капитан построил физиономию, приличествующую разве что церемонии похорон близкого родственника, – «Ямагири»...

– Что «Ямагири»?! – тут же вскинулся Ямато.

– Боюсь, что нам следует взять курс на базу. Удар не прошел для корабля бесследно. Левый двигатель сорвало с места. Трещин в корпусе по предварительным оценкам нет, но я бы не рискнул находиться в открытом море даже в средний по силе шторм. Хотя... Жду команды, господин адмирал.

Такура превратился в живую статую, готовую выслушать любую команду – и тут же браться ее выполнять. Адмирал чуть слышно скрипнул зубами. Такой исход будет бесславным завершением его карьеры. Прибыть на базу, не выполнив задания, протаранным собственной подводной лодкой... Но другого выхода – и Ямато прекрасно это понимал – не было.

– Впрочем, есть! – он горько усмехнулся в душе, понимая, что никогда не решится на подобное – вспомнить о кодексе чести самурая; привести в исполнение клятву, что давал в молодости товарищам, юнцам – будущим морским офицерам, обещавшим ставить честь выше всего – богатства, наград и самой жизни.

– Курс на Йокосуку, капитан, – Ямато сгорбился и совсем по-старчески зашаркал начищенными до блеска ботинками по палубе.

Это была минутная слабость. Совсем скоро из адмиральской каюты выйдет другой человек – подтянутый, собранный. Он будет делать все, что положено командующему – навестит раненых в лазарете; с непроницаемым лицом будет выслушивать ежедневные доклады капитана и флагманских офицеров. Только при ежеутреннем подъеме флага на немного изогнутый все тем же ударом флагшток ни разу не выйдет. А еще – он до самой базы не сможет побеседовать с капитаном Мацумото, который никак не приходил в сознание. Единственное, что смог доложить дежурный врач, когда адмирал, наконец, встал со стула, специально приставленного к больничной койке, так это об имени, которое очень редко, но шептали сухие губы беспмятного капитана.

– Ирина, – удивился адмирал, – это вроде русское имя?

Врач в свою очередь чуть пожал плечами; здесь, в лазарете, он мог позволить себе это.

А сам капитан Мацумото действительно видел в горячечном бреде лицо своей бывшей пленницы, ставшей виновницей всех его бед. Очнись капитан сейчас на несколько мгновений, он дал бы адмиралу совет – хотя тот никаких советов от проштрафившегося офицера не ждал.

– Господин адмирал, – возопил бы капитан во всю силу отшибленных легких, – ни в коем случае не приближайтесь к берегу. Не привнесите на базу, или в другое место Японии заразу, у которой есть имя – Ирина Руфимчик...

Йокосука предстала перед адмиралом и всеми моряками, что по долгу службы находились в эту минуту в рубке, на шестой день, считая от той памятной «встречи» «Ямагири» с подводной лодкой. Саму лодку флот потерял окончательно и бесповоротно. Да и сам флагман тоже – судя по тому, как мрачнело лицо капитана Такуры по мере того, как приближался берег. Ямато стоял не в самом радужном настроении. Но даже сейчас, на покалеченном флагмане, он невольно расправил плечи, на которых сегодня не горели золотом погоны парадного мундира. В свое время он очень удивился, когда узнал, что беспмятное тело капитана Мацумото выловили в полном парадном облачении. Даже кортик каким-то чудом не выскользнул из ножен. Впрочем, этому «чуду» было вполне прозаическое объяснение – надежная застежка, да еще цепочка, что хранила лишь единой вручаемый клинок морского офицера от потери.

Адмирал и в походном кителе сейчас заполнялся гордостью при виде картины, открывающейся перед ним. Целых девятнадцать километров причальной линии, вдоль которой обычно свободно располагались не меньше трехсот крупных кораблей! Сейчас их было чуть меньше – эскадра адмирала Ямато продолжала учения, хоть и без своего командующего. А на берегу – на площади в шестьдесят квадратных километров – сухие доки, подземные склады вооружений, оружейный завод, морской музей и даже своя теплоэлектростанция мощностью больше миллиона киловатт. И конечно штаб, к которому и направлялся сейчас подраненный флагман. Не в сам штаб, естественно, а к ближайшему пирсу, где обычно и располагался эскадренный миноносец «Ямагири».

Перед адмиралом медленно открывалась сила, равной которой в этой части Мирового океана не было – чтобы там не заявляли морские стратеги Поднебесной. И Ямато искренне гордился своей причастностью к этой мощи. До сегодняшнего дня. А точнее – до этой минуты, когда капитан Такура озадаченно, а потом с нарастающим ужасом уставился на микрофон, в который только недавно выдохнул команду: «Самый малый ход!». Двигатели, которые исправно толкали многотонную тушу миноносца, даже без отключенного, сорванного с места сильным ударом левого двигателя, ничуть не изменили своего приглушенного, победного тона. Больше того – корабль сам, без всякой команды из рубки, вдруг вильнул влево, прямо в строй выстроившихся суденышек, своими размерами не сравнимых с огромным флагманом. И адмирал в этот момент, как только первый фрегат потерял кормовую часть, буквально срезанную острым носом «Ямагири», вдруг понял, почему капитан-подводник надел парадный костюм –

он знал, что ведет «Касудо» в последний поход. Так же, как сейчас вел в свое последнее, крайнее плавание адмирал. Ну и капитан Такура, естественно. Последний еще что-то кричал в микрофон, дергал за какие-то рычаги. А за огромным окном, ведущим на палубу, были видны фигуры матросов, мечущиеся в разных направлениях.

Ямато, мертвецки побелев лицом, беззвучно шептал, называя по памяти корабли, который сейчас его флагман безвозвратно калечил, отправляя на дно, пусть не такое глубокое здесь.

– От восьми до одиннадцати метров, – невольно вспомнил он.

А потом вздрогнул, теперь уже до самого доньшка души наполняясь отчаянием. Потому что какая-то неведомая, и очень злая сила перехватила и другой канал управления кораблем – голосовой. Мощные репродукторы, способные донести звуки команд до самого дальнего уголка базы, вдруг включились. А потом в мир, сейчас окончательно рушившийся на глазах адмирала, ворвалась песня. Это было верхом кошунства – даже хуже, как если бы моряки сейчас хором поносили в самых площадных выражениях императорскую фамилию. В машинном отделении моряки запели негласно запрещенный гимн далекой войны – русский «Варяг». Неизвестно кто перевел текст этого песенного памятника на японский язык; знание и цитирование этих слов жестоко каралось на флоте. Но их знали все! И адмирал тоже. В какой-то момент он вдруг заметил, что сам невольно подпевает нестройному хору – в тот самый момент, когда «Ямагири» наконец достиг адмиральского пирса и с грохотом, стоном ломающейся стали и камней врезался в него.

Бронированные стекла огромного панорамного окна, в которое командующий и его офицеры с ужасом наблюдали за приближающейся железобетонной преградой, непреодолимой для корабля, разлетелись в мелкие куски. Разлетелись даже раньше, чем сквозь него полетели вперед тела моряков. И впереди всех летел адмирал Ямато. Удивительно – в обычных условиях человек вряд ли смог бы преодолеть те метры, что отделяли рубку от краешка носа, сейчас уже отсутствующего. Теперь же стремительный поток воздуха впережку со стеклянной крошкой, частями каких-то приборов и телами подчиненных, подхватил командующего и швырнул его на жесткий бетон, выбивая из легких воздух, а из головы сознание. Адмирал Ямато прибыл для доклада вышестоящему командованию.

Глава 36. Август 1999 года. Ковров – Токио

Виктор Николаевич Будылин, он же Николаич. Мастер – золотые руки

Всю сознательную жизнь Николаич проработал на заводе имени Дегтярева. Он пришел в цех безусым юнцом, сразу после окончания ремесленного училища. Потом название училища удлинилось, стало профессионально-техническим, но продолжало ковать кадры для завода. А сам Николаич, выработав сорокалетний стаж, получил первую пенсию и вернулся в альма-матер – теперь уже мастером производственного обучения. Аудитории и производственные мастерские здесь остались практически такими же, как в годы далекого обучения самого Будылина. Разве что цвет стен, покрашенных масляной краской, изменился с ядовито-зеленого на веселенький, бежевый.

А станок, на котором когда-то пятнадцатилетний Витька впервые в жизни срезал тускло-синюю стружку с металлической болванки, все так же исправно работал. Это был замечательный, массивный токарный станок германского производства, привезенный сюда, на завод, еще по послевоенным репарациям. На этом станке Николаич разве что лезгинку не мог изобразить. А в металле – все что захочешь. Но не этим был знаменит мастер производственного обучения Будылин. Таких чудо-мастеров – токарей и фрезеровщиков – на заводе было немало. А вот у самого Будылина был талант, которому знающие его мастера искренне (а может быть и не очень искренне) завидовали. Николаич мог слушать и слышать металл; да и другие твердые материалы, которые можно было обработать, тоже. Он в буквальном смысле слова разговаривал с ними, и – как уверяли знающие люди – бездушные железяки и деревяшки отвечали ему. Больше того – подчинялись его приказам, а точнее просьбам.

Сейчас за спиной Николаича толпилась группа непривычно аккуратных и чистеньких экскурсантов. Нет – учащихся здесь тоже старались приучать к порядку и аккуратности. Но эту группу еще выделял и узкий разрез глаз, и темная кожа лиц, сейчас очень оживленных. Это были японцы, прибывшие на завод, чтобы попробовать спасти некогда могучее мотоциклетное производство. Линейка мотоциклов у производства была достаточно длинной – начиная от всем известного «Восхода» и заканчивая трех- и четырехколесными монстрами, на которых можно было гонять по болотам, или пахать дернину. Одна беда – их никто не покупал. Как и в автомобильной промышленности, все набросились на подержанную импортную технику – недорогую, качественную и неизмеримо более комфортабельную.

Теперь эта группа менеджеров и инженеров, уже осмотревшая само производство, и наевшаяся блинов с медом и других русских деликатесов, скептически рассматривала спину Николаевича – чуть сутулую, обтянутую чистым, но давно выцветшим халатом синего цвета. Будылин как раз закончил крепить на верстаке – сразу в двух мощных тисках проржавевшую железяку, в которой уже никто не смог бы определить – частью какого механизма она когда-то была. Главным ее достоинством было то обстоятельство, что из грязно-ржавой поверхности во все стороны торчали не менее ржавые шляпки болтов. Они даже не понимающему ничего в железе человеку говорили: «Не трогайте нас – мы уже умерли; точнее срослись с железом, когда-то новым и блестящим. И резьбы у нас уже нет; и отделить нас от материнской платы можно только грубой силой, вместе с ее частью; и...».

Николаич повернулся к японцам с хитрой улыбкой. В руках у него был гаечный ключ, который он и протянул одному из гостей, безошибочно выбрав того, кто знал, что за железную шутовину ему протягивают. И пусть руки у этого гражданина с узкоглазым, чуть смущенно улыбнувшимся лицом, были девственно чистыми и несли явные следы похода к мастеру мани-

кюрных дел, Будылин сразу определил, что этот человек умеет, и даже любит возиться с железяками. Нашупал, так сказать, родственную душу.

Японец не побоялся подтупить к верстаку – прямо так, в щегольском костюмчике – отвергнув и синий фартук, который ему с улыбкой протянул Будылин, и рукавицы, десяток пар которых лежал на краю верстака. Он сразу подтупил к объекту, зажатому сейчас в тисках неопрятной бесформенной грудой. И на глаз – практически не ошибившись (чем вызвал одобрительное кряканье мастера производственного обучения) – подкрутил колесико ключа так, что его плоские рифленные губы плотно обхватили шляпку самого крупного болта. Под светло-серым костюмом не было видно, как напряглись его мышцы, но результат вызвал шумное ободрение уже в рядах его соотечественников. Металл жалобно и как-то обреченно треснул, и в руках японского мастера вместе с болтом оказалась и часть платы, и гайка, за долгие годы намертво вросшая в болт. Переводчик что-то застрекотал на японском, а умелец осторожно опустил ключ на верстак с немим вопросом в глазах:

– В чем фокус? Что такого сногшибательного в этой железяке, из-за которой мы приперлись целой делегацией в это полуподвальное помещение? Здесь, кстати, не снимали фильмы ужасов?

Будылин усмехнулся; про фильм ужасов о сам не раз вспоминал, когда сводил вместе громадные составные части двух тисков, в которых сейчас был зажат объект всеобщего внимания. Он взял в руки молоток – обычный молоточек, каким столяры забивают некрупные гвозди – и по его глазам, ставшим строгими и какими-то отрешенными, японец понял, что чудо все-таки случится; именно сейчас, в его присутствии. Первый удар по самому краешку железяки был едва слышным – примерочным. Несколько следующих вызвали на лице Николаича какое-то нетерпение, и не больше. А затем молоточек вернулся назад, на одну из предыдущих точек и застучал часто и победно. Теперь менялись только сила ударов, а значит и звуков, что издавал молоток, и их частота. Лицо Будылина, который теперь стоял за верстаком, перед большей частью скучающими зрителями, недолго оставалось напряженным. Вот уголки губ дрогнули, обозначая первую улыбку. А потом это лицо осветилось улыбкой широкой; улыбкой победителя – когда шляпка болта дрогнула и на глазах изумленных – по крайней мере того самого мастера – японцев начала проворачиваться. Она крутилась в отверстии, когда-то созданном специально для него так, словно этот болт только сегодня попал в эту дырку; тем быстрее, чем шире становилась улыбка. Наконец японский мастер, не отрывавший пораженного взгляда от шляпки, вздрогнул – в тот самый момент, когда освобожденная от многолетнего «плена» гайка с негромким стуком упала на верстак, обитый по верху листом оцинкованного железа, и покатилась по нему, остановившись на самом краешке.

– Копперфильд, – выдохнул кто-то из японцев.

– Нет, – резко повернулся к нему мастер-соотечественник, – это не фокус! Это настоящее чудо. Я такого в жизни еще не видал.

Его слова послушно доносил до русских свидетелей переводчик; японец не стал просить его перевести его просьбу. Он уставился на Николаевича с таким нетерпением и восторгом, что Будылин без всяких слов понял – его просят повторить «чудо» на бис.

– Ладно, – проворчал он, и повернулся сначала все-таки к переводчику, – ты скажи им, что не всякий болт можно вот так, сходу. Некоторые упрямятся, а могут и совсем отказаться.

Скорее всего, большинство японцев сейчас мысленно крутили у висков пальцами – или как у них там принято реагировать на слова совсем неопасного сумасшедшего. Но только не Юки Сасаки, человек, который уже успел схватить с верстака проржавевшую гайку-сувенир, и сейчас ожидавший следующего. Он в нетерпении кивнул – явно принимая на веру слова русского мастера о том, что бездушный металл слушает его, человека. И больше того – слушается!

И снова в мрачном, пахнувшем никогда не исчезавшей сыростью и железом помещении часто застучал молоточек. Теперь он стучал дольше и глуше – словно мастер действительно

негромко уговаривал неуступчивую пару, болт с гайкой. Второй «сувенир» Сасаки подхватил, не дав ему стукнуться о верстак. Он теперь стоял рядом с Николаичем и снимал весь процесс на миниатюрную камеру, неведомо как оказавшуюся в его руках...

А ровно через три дня этот ролик – короткий и для большинства современных зрителей откровенно скучный – с интересом смотрел глава японской корпорации. Корпорация эта занималась не только производством мотоциклов. Большая часть ее продукции поступала в распоряжение Сил самообороны. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в небольшом, максимально функциональном, но в то же время уютном зальчике, где и крутили сейчас «кино», находились два человека в военных мундирах. Один из них, с погонами, указывающими на его более важный чин, и спросил первым – когда на большом экране телевизора «Сони» громко щелкнул об оцинковку шестой, и последний на ролике болт:

– Это он может делать только с металлом?

Юки Сасаки этот вопрос себе не задавал – ни сейчас, ни прежде. Вся его жизнь, а точнее – в соответствии с реалиями японского общества – работа была связана с металлом, во всех его проявлениях. Поэтому сейчас он пожал плечами; совсем по-русски, словно заразившись в далекой холодной России вредными привычками.

– Понятно, – сел на место военный, – значит, это надо будет выяснить.

Юки тоскливо подумал, что, скорее всего, русского самородка он никогда больше не увидит. Каково же было его удивление, когда президент компании, господин Сайто, вызвал его на следующий день и велел (по-японски – предложил) собираться в новую командировку; опять в далекий холодный Ковров. Впрочем, холодным Ковров был разве что в голове этого улыбчивого японца, ворочавшего ежедневно миллионами, а может и миллиардами долларов. На самом деле август одна тысяча девятьсот девяносто девятого года на среднерусской равнине был ничуть не холоднее, чем на Японских островах.

Юки Сасака бился над решением задачи, поставленной руководством, уже целую неделю – увы, пока безрезультатно. Виктор Николаевич Будылин в Японию ехать не хотел. Золотые горы, что нарисовал перед ним с помощью переводчика японский мастер, не помогли. Ни громадный, по сравнению с нынешним, заводским, оклад, ни еще более фантастические подъемные, ни обещание новой, благоустроенной и полностью обставленной квартиры в любой части островного государства, ни...

Сам Николаич ничего против Японии или каких других стран не имел. Он успел еще в те, советские времена, съездить по путевке в Польшу и Болгарию. Вернулся оттуда если и впечатленным, то не до такой степени, чтобы даже помыслить о том, будто он может бросить – на время или навсегда – улицы, дворы и заводы Коврова; города, где он родился, бегал несмышленым пацаном... вообще прожил всю жизнь. И в котором, как он предполагал, эта жизнь и закончится. В общем, он был совершенно доволен собственным существованием, и не собирался в нем ничего менять. Юки Сасаки, уже было отчаявшийся, мог надеяться только на счастливый случай. И такой случился, правда, в его отсутствие.

Николаич жил недалеко от завода, в кирпичной пятиэтажке, в двухкомнатной квартире на проспекте Ленина, которую когда-то давно получил, «отстояв» длинную и долгую очередь в местное. На жилищные условия он не жаловался; никуда из этой квартиры, в которой жил с женой, дочерью и зятем, переезжать не собирался. Прежде всего, потому, что теперь квартиры никто никому не выделял. Есть деньги в кармане, или на счете в банке – покупай и живи. У Николаича денег таких не было, и как он небезосновательно предполагал, никогда не будет.

– И не надо, – говорил он себе, когда по голове бил невидимой кувалдой очередной выверт капиталистической экономики.

А сегодня, двадцать восьмого августа, Николаича к обычному ужину ждал большой торт и необычайно раздурманившаяся жена Клавдия, Клашенька, как он ее обычно называл. Рядом, у стола, что сегодня был накрыт в зале (одновременно спальне Николаича с Клавдией) крути-

лась чем-то смущенная дочка, Верочка. Но новость, о которой Будылин уже догадался и которая заставляла сладко сжиматься сердце, дочь выпалила, только когда пришел со смены зять, Сережка, тоже работавший на заводе.

– Ну, хвались, – кивнула дочери Клашенька.

– А чего хвалиться? – совсем залилась румянцем молодая женщина, – в общем... скоро ты будешь дедушкой (она повернулась сначала к отцу), а ты, Сережа...

Муж ее не дослушал – подхватил Веру на руки и закружил по комнате, едва не сбив все с праздничного стола. И Николаич, как-то растерянно улыбаясь, понял, что в Японию ехать придется. Об этом он сначала сообщил Клавдии – ночью, когда за окном перестали бегать троллейбусы и автобусы, и Ковров ненадолго накрыла прохладная тишина. Клавдия почти заснула, когда Будылин негромко – чтобы не разбудить детей, сладко сопящих в соседней комнате, пусть и плотно прикрытой – сказал, словно уговаривая самого себя:

– Съезжу на полгодика. А Верка с Сергеей квартиру купят... трехкомнатную. Еще и на машину останется... Даже на две. Буду тебя, Клашенька, за грибами на иномарке возить.

Жена рядом заплакала – практически беззвучно, но Николаич сразу же повернулся к ней, сгреб в объятия, чего – честно надо сказать – не делал уже давно.

– На полгода, – твердо заявил он так же в полголоса, – на больше не соглашусь.

Это решение было мудрым и своевременным. Не согласись он, не обрадуй Юки Сасаки, который примчался с самого утра, за уговоры вместо японского мастера взялся бы другой человек, вернее люди. Виктор Николаевич Будылин все равно оказался бы в Японии, пусть вопреки собственному желанию. Но в новую квартиру Сергей с Верой уже не переехали бы. А так – как оказалось, даже без ведома самого Николаича – для него был приготовлен заграничный паспорт, получена в японском посольстве виза и куплен билет на прямой рейс «Москва-Токио». Точнее, два билета – Сасаки теперь не отпускал Николаича ни на шаг. Следующей ночью, последней в Коврове, Будылин, слушая мерное дыхание Клавдии, уснувшей далеко за полночь, едва не вскочил, и не прошлепал в тапочках к входной двери. Чтобы проверить – не стоит ли там, или даже спит на коврик, свернувшись подобно собачке, его новый японский друг.

Прощание с семьей прошло на удивление быстро и буднично – словно глава дома вышел в булочную. Он, конечно, предполагал, что потом – когда за ним захлопнется дверь – будут и слезы, и тихий рев жены и дочери. Зять простился с ним рано утром; спешил на работу. А сейчас за дверью его ждал сияющий Юки. Он перехватил у русского мастера чемоданчик, с которым Николаич ездил когда-то в братскую тогда Польшу, и засеменил вниз, ничем не показывая изумления от такого скромного багажа.

– Впрочем, – мог подумать он; точнее подумал за него Николаич, – обещали ведь обеспечить всем необходимым. Нет, не так (это уже Будылин подумал за себя) – обещали исполнить любой каприз. Посмотрим...

Дорогу до японской столицы Николаич не запомнил. Он почти сразу – как только японская иномарка с практически неслышным двигателем и изумительно мягкой подвеской отъехала от дома – заснул; крепко, без снов. И потом, весь долгий полет, продремал, испытывая лишь одно беспокоящее чувство – как бы не опозориться там, на чужбине. О деньгах он не думал. Весьма щедрый аванс уже в ближайшие дни Вера с Клавдией (Сергей обычно выступал в роли болванчик с послушно кивающей головой) должны были истратить. А сам Будылин только вздохнул, когда вошел во двор роскошного (на его взгляд) особняка совсем недалеко от Токио. Это был двухэтажный дом в старинном стиле с уютным, ухоженным участком, где нашлось место и приветливо журчащему фонтанчику, и сотням каких-то невиданных никогда, но очень красивых и издающих тонкие ароматы растений, что росли и отдельно, и группами, и плелись вокруг маленькой беседки, превратив ее в затененный загадочный зеленый грот.

Николаич огляделся, но камней – знаменитого сада из булыжников – нигде не заметил. Зато увидел японку, что выплыла из дома в национальной одежде, явно сковывающей движе-

ния. Она низко поклонилась гостям, один из которых должен был стать хозяином особняка на ближайшие полгода. Впрочем, это он так думал. А о чем думал еще один улыбчивый японец, встретивший их в аэропорту, и с тех пор не отпускавший Николаича ни на шаг – даже в туалете – русскому мастеру было неизвестно. И совершенно безразлично. Этот японец, в отличие от Юки – прекрасно говорил по-русски и двигался с грацией, в которой даже далекий от спорта Николаич распознал и упорные тренировки, и явный талант мастера рукопашного боя. А еще у этого человека, назвавшегося только по имени – Райдон, что по его собственным словам, с японского переводилось как Бог грома – были холодные оценивающие глаза, которые никак не подходили к широкой улыбке.

Райдон и представил Николаичу японку – женщину лет тридцати (хотя кто их узкоглазых, разберет?), назвав ее тоже по имени – Асука. Будылин чуть не споткнулся, представив себе, что ставит запятую после первого слога имени – и так приветствует домоправительницу каждое утро.

– Постой, какое утро?! – теперь он остановился окончательно.

Райдон тем временем, вскользь упомянув, что именно с этой женщиной вдвоем он, русский мастер, будет жить в особняке, сейчас с явной усмешкой объяснял, что имя домоправительницы, одновременно уборщицы, поварихи, и мастерицы еще многих искусств, некоторые из которых не упоминались даже в Домострое, означает «Аромат завтрашнего дня». Николаич, тоскливо представивший себе сегодняшнее вечернее, а потом ночное (!) времяпровождение, с облегчением переключился на это – на мысль, что Асука и сейчас, в общем-то, пахнет, точнее, благоухает очень даже ничего, и...

Тут сильная рука Райдона толкнула его в дом, такой же аккуратный и уютный внутри, как и снаружи. Будылин повернулся было назад с вопросом: «А где же Юки?». Но наткнулся лишь на улыбку Асуки и широкую фигуру такого же улыбчивого Райдона. Японец правильно понял вопрос, который так и не сорвался с губ русского.

– Господин Сасаки поехал домой, к семье. К тому же он очень занятой человек, и у него очень много обязанностей на работе.

– Как же, занятой! – чуть слышно пробормотал Николаич, наполняясь вполне понятной гордостью, – целую неделю на меня убил.

Домоправительница, как оказалось, уже накрыла стол в большой столовой, уютной и функциональной, как все в этом доме. Ванная в том числе – Николаич убедился в этом сразу же, попав туда на первом этаже («На втором есть еще одна», – любезно сообщила Асука), чтобы помыть руки с дороги. Оказалось, что делать это нужно было в другом помещении – в туалете, достаточно просторном, чтобы там разместились и унитаз с биде, и большая раковина, и шкаф, в который любопытный русский не преминул засунуть нос. Шкаф был забит разными туалетными принадлежностями, ждущими своего часа в идеальном порядке – словно рота почетного караула, замершая перед прибытием высокого начальства.

За дверью его с предупредительной улыбкой встретила японка, повторившая недавнюю фразу:

– На втором этаже еще один есть.

Асука вполне прилично говорила по-русски, только иногда делая смешные ошибки. Еще она – этого Будылина не сообщили – практически не уступала Райдону во владении собственным телом; во всех смыслах этого слова. В том числе касающихся боевых искусств. А уж поварихой была...

Николаич, наконец, отвалился от стола, с благодарностью глянув на японку, которая тут же принялась убирать посуду. Райдон исчез еще раньше, сообщив лишь, что ровно в восемь часов утра Николаич-сан должен стоять у калитки, что вела в чудесный садик. Улыбку он при этом куда-то спрятал, и Будылин понял, что деньги, которые лились на него полноводной рекой

от щедрот японского правительства (или еще какой-то структуры, пока неизвестной ему) придется отрабатывать.

– Ничего, – глянул он на свои ладони, – работы мы не боимся.

Из-за спины протянулась ухоженная ладошка японки. Николаич невольно устыдился за собственную – заскорузлую, с въевшейся за долгую жизнь смесью тончайшей металлической пыли, машинного масла и сварочной окалины. Асука потащила его за собой, в ванную, куда Николаич попытался было не войти; взбрыкнуть, так сказать. Но нажиму улыбчивой японки противостоять сил не хватило, и вот уже русский мастер непонятно как оказался в ванной, кажется даже раздетый не собственными руками. Голова шла кругом, тело обволакивала приятной теплотой вода вперемежку с хлопьями волнующе пахнувшей пены, а ногу из этой самой воздушной белоснежной массы тянули к себе сильные и уверенные руки. Поперек широкой ванны тут же оказалась какая-то пластмассовая штучковина, на которой так удобно расположилась правая нога русского. И Асука, склонившись над этой ногой, так и не разогнулась, не выпрямила спины, которая не могла не затечь в таком неудобном положении, пока не успела сотворить с ногой той процедуры, которая называлась – на взгляд Николаича – совершенно непотребным словом педикюр. Потом была вторая нога, обе руки, и... Застывший в каком-то сладком ужасе Будылин даже закрыл глаза, гадая, за какую еще конечность теперь возьмется японка. Но та ловко смахнула с ванны пластмассу и вышла из ванной, залитой приглушенным светом и заставленной сантехникой, сверкавшей хромом на полу и стенах. Вышла, не забыв глубоко поклониться и покоситься в сторону аккуратно сложенного чистого белья.

Будылин с шумом поднялся в ванне, немного разочарованный и одновременно как-то воспрянувший духом – мысли об оставшейся в Коврове Клавдии оказались не запятнанными ничем постыдным. Он облачился в махровый халат, явно рассчитанный на какого-то богатыря, и совсем скоро лежал на воздушном ложе, проваливаясь в сон. И в этом полусне к нему все-таки пришла Асука – безмолвная, мягкая и какая-то отстраненная. Ощущения были с одной стороны восхитительные – таких Николаич никогда не испытывал. В то же время ему казалось, что на кровати сейчас лежат две куклы – одна расслабившаяся, развалившаяся в неге и получающая одну за другой порции искусственных наслаждений. А вторая – вроде бы отдающаяся древнейшей из профессий со всем жаром, и в то же время неуловимо напоминавшая, что Асука сейчас выполняет пусть необычную, но работу. Которая, быть может, записана у нее в контракте и неплохо оплачивается.

Так что Николаич заснул вполне удовлетворенный не только физически, но и морально. Никаким предательством то, что сотворила с ним японка («Не меньше часа», – отметил он) без всякого участия с его стороны, русский не посчитал.

– Это просто часть платы за работу, – подумал он, проваливаясь в глубокий сон.

Поработать пришлось. Это не был конвейер – выжимающий все соки и не позволявший отвлечься ни на мгновение. Но к концу первой смены Николаич чувствовал себя уставшим и выжатым, словно лимон. Больше всего тем, что каждое его движение, даже чих, записывалось на камеру. Это он еще не знал, что такие же внимательные стеклянные глаза сопровождают его и дома, включая ванную и спальную комнату.

А с утра он с искренним усердием окунулся в мир, к которому стремились все его чувства – и зрение, и слух, и нюх... Даже те чувства, названия которым в русском языке не было, но которые просыпались, как только мастер включал станок. Здесь этот мир был богатым до умопомрачения. Станки, о которых он лишь слышал, но никогда не надеялся увидеть, не то, что поработать на них; металл любой марки и в любом количестве. Только вот в этот день, да и последующие тоже, Николаича к этим станкам не подпустили. Он без устали прикладывался ухом к железякам самых различных форм и размеров; чуть ли не обнюхивал их. А потом стучал, стучал и стучал по ним молотком, заставляя болты – тоже самых различных конфигу-

раций – послушно шевелиться и ползти по резьбе. А иногда – согласно воле мастера, и против нее.

В один прекрасный день Николаича попросили постучать по каменной глыбе. Мастер не сразу понял, что от него требуют – никаких болтов, никакой резьбы в камне не было. Но послушно подступил к новому объекту; постучал по нему везде, где только было можно. Нет – просто везде. Он часто останавливался после ударов и прикинул ухом к камню, пытаясь расслышать то, чем с ним делился металл – голоса, стоны, просьбы и еще множество других реакций, недоступных чужому восприятию. И в какой-то момент камень действительно ответил. И согласился выполнить небольшую просьбу мастера. К ставшему торжественным Николаичу сбежались все, кто находился сейчас в огромной лаборатории. А мастер примерился, оглянулся, убеждаясь, что привлек всеобщее внимание, и заработал своим молоточком. Ровно через минуту с противоположной стороны глыбы отвалился кусочек камня. Да не просто отвалился, буквально вывинтился из материнской глыбы, обнажив и на себе, и внутри нее резьбу, которую никто не нарезал. Теперь эксперименты стали разнообразнее. Они захватили и самого Николаича, к которому скоро пришло осознание одного факта, которым он поделился с японскими коллегами. Чем плотнее, чем структурированной был объект, тем охотнее он слушался команд русского мастера. Совсем аморфные соединения – например мед, налитый в чашку, говорить с Николаичем не захотел.

В какой-то момент Будылин стал замечать, что атмосфера в лаборатории стала меняться, причем не в светлую сторону. Улыбки, которыми Николаича встречали несколько его ассистентов, скоро стали мрачнеть. Русский мастер подозревал, что какая-то – несравнимая объемами с его, такой вроде бы бесполезной – работа идет в параллельном измерении. В смысле, его успехи тщательно изучаются и примеряются к другим, неизвестным ему объектам. Там, где действительно гудят станки, и, может быть, компьютеры. Только вот по этим лицам Николаич понимал – никаких сдвигов там не было.

Именно про это и говорили вечером кураторы этого проекта – когда Асука железными пальцами, а потом и всем телом разминала его уставшие плечи, спину и... все остальное. Их было четверо – глава корпорации, двое военных, сейчас сидевших у стола в гражданских костюмах и Райдон. Впрочем, последний молчал. Его пригласили сюда и позволили скромно сидеть у самого краешка длинного стола, чтобы спросить – при необходимости – о каких-то особенностях поведения русского. Сам Райдон никаких особенностей не замечал – русский ест, пьет, любит поваляться в ванной и благосклонно принимает профессиональные ласки Асуки. Но сейчас начальник службы безопасности корпорации молчал. Говорил один из военных – тот, что был пониже ростом и имел на отсутствующих сейчас погонах на одну звезду больше.

– Итак, – подвел он итог короткой, совсем не бурной дискуссии, – понятно, что ничего мы не добились. Компьютер не может моделировать процессы, которые этот русский выстукивает молотком, без всякого логического объяснения.

– Этому есть объяснение, – вставил осторожно глава корпорации, низенький неулыбчивый человек в строгом сером костюме, – талант.

– Это такая вещь, – подхватил его реплику второй военный, вскочивший на ноги, – которую не надо объяснять. Надо просто его использовать.

– Хорошо, – кивнул, наконец, его коллега – тот, кто принимал за этим столом решения, – приступайте ко второй фазе операции.

Райдон внутри себя встрепенулся – за этот этап операции отвечал как именно он.

Глава 37. Август 2000 года. База Йокосука – Токио

Подполковник Наталья Крупина, она же Ирина Руфимчик

Прятаться на огромном корабле с сотнями служивых душ на борту было даже скучно. Наталья в суматохе, что сопровождала крушение, а потом и гибель подводной лодки, нашла с десятков укромных мест. Из них – попеременно – можно было, наблюдать и за рубкой, и за входом в каюту командующего, которого она определила не столько по золотому шитью на мундире, сколько по поведению – он единственный стоял мрачной глыбой на мостике, пока все вокруг мельтешили, доставая из морской воды подводников. И саму Наталью тоже, кстати.

Тяжеленный от воды костюм подводника она успешно поменяла на местный, корабельный, в котором иногда приходилось показываться в относительно людных местах. В первый же день она убедилась, что ее «народ», числом душ в сорок шесть человек, включая детей и ста...

– Нет, – остановила себя Наталья, проходя неузнанной мимо расположившихся на одной из внутренних палуб островитян, – никаких стариков у меня на острове не было.

Как раз в этот момент Люда – по-прежнему крикливая и агрессивная, набросилась с ругательствами на чем-то не приглянувшегося ей матросика, и Крупина поспешила скрыться в очередном убежище. А потом – через два дня после катастрофы и гибели «Касудо» – островитян переправили на другой корабль – много меньших размеров, но более скоростной. Кораблик (военный, естественно) умчался вперед, пыхтя трубами, а Наталья осталась здесь, на флагмане. Потому что не была уверена, что пленных везут именно в Йокосуку. Да и к самому флагману у нее были еще претензии.

– И к пароходу, и к человеку, – вспомнила она Маяковского.

Пока же адмирал был в относительной безопасности. Больше того – задумай кто-нибудь покуситься на его жизнь или здоровье, подполковник Крупина не задумываясь пресекла бы такую попытку. Потому что с помощью командующего она собиралась пробраться в штаб. Туда, где надеялась найти человека, способного объяснить первопричину катастрофы. А главное – того, кто задумал всю эту «игру». Под игрой Наталья понимала не только то, как обошлись с ее собственностью, но и крушение подводной лодки, и то, что могло, вернее, должно было произойти с флагманом.

– Ты только меня до базы с таким «ласковым» названием домчи, – погладила она стальной борт, засыпая в очередном убежище, – а потом можешь отдыхать – вечно...

О том, что берег, а вместе с ним и Йокосука близко, она поняла не по птицам, которые должны были появиться над кораблем – так, по крайней мере, подсказывали книжки – а по суматохе, поднявшейся на корабле. Флагман чистили, драили, не жалея ни сил, ни моющих средств, ни отборного японского мата.

– Ну, не такой уж он и отборный, – чуть слышно рассмеялась Наталья, вспоминая многих прежних знакомых, которые могли дать мастер-класс японским боцманам – если только такие были в силах самообороны.

Она уже успела составить план – на этот раз не только эффективного, но и эффектного – появления на базе. И принять кое-какие меры к его осуществлению. В суматохе последнего перед прибытием домой дня как-то незамеченным прошло отсутствие нескольких офицеров. Все они мирно спали в своих каютах – долгим искусственным сном. И даже улыбались во сне. А после пробуждения лицо миловидного моряка, который изъяснялся с неуловимым акцентом, и перед которым они обнажали души, выкладывая все секреты своей службы, они тоже должны были списать на сон. Впрочем, Мышка надеялась, что никакого значения это уже не будет иметь. Но все же перестраховалась – как и всегда, выполняя задание. Теперь – в этом рейсе,

и после него – никто никакой задачи перед подполковником Крупиной не ставил. Она сама сейчас решила для себя – оружие, которое уничтожило ее остров, оставлять во враждебных руках нельзя.

– Его нужно выкрасть; в крайнем случае, уничтожить, – отдала она себе приказ.

Наталья приступила к активным действиям уже на виду военно-морской базы. Раньше – прикинула она – противник, которым был весь экипаж флагмана во главе с адмиралом Ямато, успеет помешать ей, предпримет спасительные меры. Ее план опирался именно на это – неожиданность и отсутствие у японских начальников времени на ответную реакцию.

Тяжеленные засовы, которые должны были обеспечить безопасность службы главного механика, мотористов и электриков, обслуживающих мощные двигатели судна, закрылись практически одновременно – именно так подумал Такео Танака, заместитель главного судового механика, командовавший дежурной вахтой в моторном отсеке «Ямагири». И все это проделал невысокий моряк, лицо которого Танаке было совершенно незнакомо. А ведь пожилой офицер служил на судне со дня спуска его на воду. Черты лица человека, повернувшегося к нему, старшему офицеру в этом замкнутом теперь для остального мира трюмном отсеке, разгладились, и Такео с ужасом понял, что никакой это не японец; и даже не мужчина. Девушка, или точнее вполне зрелая женщина неожиданно озорно подмигнула ему, а потом повернулась к другому моряку – нереально громадному для моториста-дизелиста капралу Като. Ни моторист, ни Танака, никто другой в полутемном зале, заполненном натужным гулом двигателей, русского языка не знал. Поэтому Наталье, к месту вспомнившей про Карлссона, который жил на крыше, пришлось воскликнуть по-японски:

– Пошалим, малыш?

И они пошалили – сначала одна Мышка, безжалостно и медленно, явно в показательных целях, уложившая огромного моториста, который попытался помахать руками, едва не отбив кулаки о массивную станину. За это он поплатился сразу несколькими переломами рук (а не маши, где и как попало!) и унижительной процедурой – когда его скорчившееся на безупречно чистом, несмотря на гудевшие рядом моторы, тело использовали вместо трибуны. Наталья потопталась немного на широкой спине и объяснила наконец, как именно застывшие на местах японцы будут помогать ей «шалить». Танака, помявшись, начал тянуть кверху руку – словно первоклассник на уроке. Он не считал слова, что вырвались у него после разрешающего кивка незнакомки, предательством. Просто понял, что если что-то пойдет не так, как задумала эта терминаторша в рабочей робе японского моряка, то всем им, и прежде всего самому Танаке, как старшему здесь, будет очень плохо. Гораздо хуже, чем Като, переставшему уже шевелиться под женскими ножками.

– Не получится, госпожа, ничего не получится, – он даже сокрушенно покачал головой, словно это не его корабль пытались направить сейчас неизвестно куда, но явно не в тихую гавань, – вахтенный офицер в рубке или сам командир сразу же переведут руководство на себя. Это только в кино все так просто – один человек угоняет огромный самолет или корабль. На самом деле тут столько систем страховки! И вот этот случай (Танака очертил рукой круг, показывая на моряков, еще не прочувствовавших статус пленников и остановил палец в направлении незнакомки) прописан в учебниках.

– Неужели? – Наталья даже для проформы не нахмурилась.

Наоборот – она широко улыбнулась офицеру. В руках у нее оказался нож с длинным узким лезвием. Танака узнал в нем морской офицерский кортик. Он глубоко вздохнул и... медленно, с явным облегчением перевел дыхание. На лезвии не было следов крови; и сейчас женщина не стала махать кортиком в досаде на неудавшийся план. Она не зря пыталась – в переносном смысле – офицера службы главного электрика; сейчас Крупина вполне могла бы определить, куда ведут бесчисленные провода, скрытые надежной обшивкой.

– Не такая уж и надежная, – еще шире улыбнулась Мышка, – красиво, но как-то хиленько.

Пластиковая панель полетела в сторону, а Наталья принялась безжалостно кромсать на куски толстые жгуты разноцветных проводов. Потом она перешла к другой панели, по пути отвесив звучную, и, наверное, очень болезненную оплеуху моряку, попытавшемуся спрятаться за станиной двигателя. Морячок зашипел от боли и сел, прислонившись к этой самой станине. А Наталья постояла рядом пару секунд, за которые моряк резко побледнел и уменьшился на глазах так, что вполне мог теперь спрятаться под самим двигателем. Крупина же «одарила» тяжелым взглядом остальных – а японцев вместе с одним лежащим и одним сидящим инвалидами было ровно десять человек – и продолжила свой вандализм. Это если смотреть со стороны японских налогоплательщиков. Сама же Крупина обозвала свои действия коротко и ясно:

– Беру управление кораблем в свои руки. Полное управление!

Она кивнула Танаке и добавила, теперь уже на японском языке:

– Полный вперед!

Двигатели – за исключением одного, нерабочего – послушно взревели, а Наталья через пару мгновений снова подняла кортик. Теперь острое жало ткнулось глубже; меж перерезанных раньше проводов. Опытный мореход, каким был Танака, почувствовал, как корабль дернулся влево, вроде бы совсем без команд. И тут же пожилой моряк едва не полетел вперед после первого толчка, означавшего, что «Ямагири» подмял своим огромным корпусом какое-то мелкое судно. Криков, треска металла, пластика и дерева в машинном отделении не было слышно. О том, какой ужас творится сейчас на рейде Йокосуки, офицер мог догадываться разве что по участвовавшим толчкам, да по лицу страшной женщины, которое опять заполнила озорная улыбка. И от этого Танаке стало совсем плохо. Так же, как от неожиданных слов террористки:

– Ну что, споем, мужики? Что поют на японском флоте, когда корабль идет ко дну?

Непонятно откуда появившийся в женской руке микрофон ткнулся чуть ли не в губы офицеру и тот, сам не ожидая от себя такой глупости, если не сказать хуже, затянул вдруг запрещенный «Варяг». Через пару секунд он спохватился, и замолчал, но остановить гимн мужеству бывшего врага было уже невозможно, потому что его подхватили все моряки. А Наталья, вначале было удивившаяся, поощрительно им улыбалась и поворачивалась по кругу, хотя никакой надобности в последнем уже не было. Могучий хор перекрывал даже грозный гул двигателей. Его множило и делало совсем торжественным эхо, в этом замкнутом пространстве особенно выразительное. Наталья вдруг приблизила лицо к Танаке – так близко, что японскому офицеру, продолжавшему беззвучно шевелить губами, вдруг представилось, что женщина решила расцеловать его за такой «подарок». Но нет – ее губы дотянулись лишь до уха японца и бесстрастным тоном прошептали:

– Не забудь тут людей, Такео. И его, – Мышка хлопнула по выпиравшей под форменными штанами ягодице здоровяка, который тут же грузно зашевелился, – и остальных.

Маленькая, но такая крепкая ладонь уже без микрофона провела широкий круг по заставленному корпусами могучих двигателей и других механизмов помещению. Голова Танаки послушно дернулась следом. В ней так и не успели сформироваться вопросы – ни о том, откуда незнакомке известно его имя, ни о том, куда она сама подевалась, хотя никакого движения рядом Такео не ощутил. Потому что тесное помещение вдруг залил свет из нескольких бронированных дверей, только недавно закрытых плотно и надежно. Свет этот заметался по моторному отсеку вместе со всем его содержимым – в тот момент, когда «Ямагири» наткнулся наконец на препятствие, которое не смогли преодолеть ни тысячесильные двигатели, ни многосантиметровая броня корпуса. Люди полетели вперед, на жесткий острый металл. Первым, несмотря на сломанную ключицу, поднялся Танака. Потому что – хотел он, или нет – но воинский долг заставлял его сейчас выполнять последний приказ противника. Он подхватил первого попавшегося, лежавшего уже практически полностью в воде, которая не струйками, а целыми потоками устремилась сквозь щели в покореженном корпусе. Рядом кто-то тащил другого беспмятного моряка. Кто-то неизвестный, чья фигура всколыхнула в груди неясное

подозрение. И только когда он опустился по узкому трапу за следующим раненым, пришло понимание – это страшная незнакомка, погубившая и сам корабль, и многие судьбы, связанные с ним, только что спасла жизнь одному из своих врагов.

Танака не скоро увидел, какие разрушения принесло их совместное с Мышкой «управление» эскадренным миноносцем. А сама Наталья, опустив беспамятного японца на палубу, с хорошо замаскированным удовлетворением окинула взглядом «поле боя», на котором она могла себе засчитать полную победу.

– Не полную, – поправила она себя, пробираясь меж стонущих, метущихся на палубе моряков к носу корабля, сейчас превратившемуся в подобие плотно сомкнутых мехов гармошки, – это только первая, не самая тяжелая битва... Точнее вторая (она усмехнулась, спрыгивая с покореженного металла на такой же израненный бетон) ... Или третья.

Теперь ее взгляд, и все лицо, сейчас мало отличимое от смуглых и узкоглазых вокруг, стало чуть грустным, и одновременно ожесточенным – это Мышка вспомнила свой остров. Выражение лица тут же стало озабоченным, а потом Наталья легко и вполне правдоподобно состроила на нем причудливую смесь подобострастия, сострадания и искреннего желания помочь. Помочь человеку, адмиралу, жалкой кучкой скорчившемуся на бетоне. Адмирал валялся так далеко от флагмана, что едва не свалился в воду с противоположного края парадного пирса.

Крупина вместе с подскочившим тут же крепким морячком подхватили Ямато, принявшегося негромко стонать, как только изломанное тело оторвали от бетона, и потащили его к автомобилю защитного цвета с огромным красным крестом на боку. Следом подъезжали, тревожно завывая сиренами, десятки других. Наталья решила, что свою долю милосердия на этот день и час он уже проявила, и потому со спокойной совестью села в этот автомобиль, который не стал дожидаться других раненых. Лицо подполковника Крупиной, которую сейчас не узнали бы даже Лидка с Николаем, было бесстрастным; точнее на нем проглядывала плохо скрываемая мука, указывающая на то, что этот японский моряк мчится на военной скорой в госпиталь вполне по праву. В душе же Наталья сейчас невольно усмехнулась:

– И здесь все так же, как у нас – начальству персональный автомобиль и, скорее всего, отдельная палата с кучей врачей и миловидными медсестрами.

Она все-таки откинулась в борту скорой и закрыла глаза, прикидывая – в каком виде ей переждать тот бедлам, что творился сейчас на базе. Медсестры? Врача? Или...

В результате Мышка, проводив беспамятного Ямато, на которого у нее еще были свои планы, выбрала себе палату – подальше от адмиральской, действительно оказавшуюся шикарней. Тут было несколько комнат, с персональным медперсоналом и охраной у дверей.

– Это чтобы не сбежал, – усмехнулась Наталья, остановившись на мгновение перед койкой, вокруг которой уже мельтешили люди в белых халатах; точнее не белых, а светло-зеленых.

Крупина задержалась здесь, в палате, совсем ненадолго. Все, что ей нужно было узнать, она успела зафиксировать в памяти, а потом аккуратно просочилась за дверь, миновав крепкого охранника, безразлично окинувшего взглядом моряка, который чуть пошатываясь, вышел из больничного покоя. Очевидно, приказ он имел четкий – не пускать внутрь никого, кто не был зафиксирован в весьма ограниченном списке. Попасть в этот список агенту три нуля один еще предстояло.

– Но не сейчас, – Наталья еще сильнее сторбилась и шмыгнула в другую палату – в противоположном конце коридора, вслед за носилками, которые несли медики, – нужно отдохнуть. Выспаться. Ну, может, и поесть принесут.

Она заняла безо всякого спроса кровать у окна; шмыгнула под тощее одеяло раньше, чем медики выгрузили раненого на кровать в другом углу большой – на восемь коек – палаты. Прежде, чем в этой палате появился новый пациент, на кровати у окна лежал весь обмотанный бинтами (даже кончик приплюснутого носа не торчал из-под них) пациент. Тем удивительнее

было, что ужин, который низенький медбрат хотел зажулить, прокатить на заставленной тарелками и судочками каталке мимо, оказался на столике, что отделяла койку от окна. В бинтах, что скрывали лицо Натальи белым панцирем, оказались и два отверстия для глаз, от пронзительного взгляда которых несчастный разносчик госпитальной пищи испуганно отшатнулся, и еще одно, пошире – для рта. Наталья плотно поужинала, а заодно пообедала сразу тремя порциями клейкого риса, политого острым соевым соусом. Еще в этом соусе попадались редкие кусочки рыбы неизвестного вида. Мышка со вздохом вспомнила попеременно сначала бесхитростные сытные обеды в столовой Рязанского училища; потом разносолы Инессы Яковлевны. А на десерт – свою собственную столовую в бунгало на острове Зеленой лагуны. Теперь воспоминания о доме, сгинувшем в морской пучине, не вызвало спазма в горле. Может потому, что вовремя пришла мысль – островов в океане еще много, и один из них в недалеком будущем вполне мог стать для Натальи Крупиной новым домом. Оставалось решить, кто за него заплатит. Впрочем, Серая Мышка на этот вопрос уже ответила. С этой мыслью и улыбкой, которую под бинтами никто не увидел, Наталья крепко заснула.

Сама ли агент три нуля первый дала организму такую установку, или какое-то неведомое чувство, не раз будившее Мышку в нужный момент, подсказало ей:

– Просыпайся, пора.

До этого ни громкие стоны и скрип железных оснований кроватей, на которых перегружали раненых моряков; ни негромкие, но очень экспрессивные команды врачей, что назначали пациентам процедуры; ни новые стоны – уже от болезненных повязок и уколов – не мешали укутавшемуся в простыню с головой и мерно сопевшему пациенту спать сном человека, честно исполнившего сегодня свой долг. Но полчаса тишины, установившейся ближе к четырем часам ночи, заставили Наталью осторожно откинуть простыню и сесть на койке. Никто не следил за раненым, что неторопливо прошаркал до туалета, а потом двинулся вдоль стеночки по коридору в сторону адмиральской палаты.

У дверей там по-прежнему стоял часовой, встрепёнувшийся при виде медленно бредущего пациента. Охранник уже почти час бездумно таранился на противоположную стену, на светло-бежевой поверхности которой не было ни единого пятнышка, на котором мог остановиться взгляд. За спиной часового была точно такая же стена, от которой он сейчас оторвался, с подозрением поглядев на подходившего к нему раненого моряка. Голова, полностью обмотанная бинтами, мелко тряслась; раненый явно не сознавал сейчас, что идет не в свою палату, а в тупик, которым заканчивался короткий коридор. Часовой поправил ремень карабина, сползающий с плеча, и шагнул навстречу несчастному – чтобы развернуть его, и даже придать небольшую начальную скорость.

И развернул, и придал. Только вот не заметил – не мог заметить, что между первым его шагом от стены и тем мгновением, когда раненый морячок завернул за поворот коридора, прошло не меньше двух минут. Тех самых минут, которых хватило Наталье, чтобы «полюбоваться» на болезненно сопевшего в своей постели Ямато, а потом аккуратно свернуть и спрятать под больничной робой форменный адмиральский костюм. Потому ей пришлось сгорбиться еще сильнее – чтобы небольшой тючок не вызвал подозрения у полуночников. Впрочем, таких не нашлось ни в коридорчике, где заботливый охранник проводил ее взглядом до поворота, ни дальше, на маршруте, определенном еще днем.

Начало рабочего дня «адмирал Ямато» встретил на парадной лестнице штаба. Отсюда открывался великолепный вид – на разгром, что учинил флагманский корабль. Трудолюбивые японские моряки и техники облепили то, что осталось и от флагмана, и от десятков более мелких судов, которые он частью потопил, а частью временно вывел из строя.

– Ну вот, – вполне мирно улыбнулась в душе Наталья, – будем считать, что мы в расчете. Осталось только получить с вас, ребята, контрибуцию... Или репарацию – неважно. Главное, чтобы хватило денег на новый остров.

Вот с таким безмолвным вопросом она и остановила взгляд на часовом, который замешкался, открывая дверь перед раненым адмиралом. Морячок чуть не выпустил из руки древнюю бронзовую ручку, когда этот требовательный взгляд остановился на его лице. В следующий момент японец свершил невозможное – он одновременно придерживал тяжелую створку, придав вроде бы идеально выпрямленной спине намеренно глубочайшего поклона и одновременно отдавал честь израненному герою. А ведь был еще карабин, от ложа которого он – согласно Устава – никогда не отпускал правую руку.

«Адмирал» медленно, не поворачивая направо, или налево (с обеих сторон парадной лестницы ждали лифты), пошел вперед, тяжело переступая ногами по ступеням. Позади выросла небольшая толпа; никто не хотел обгонять адмирала, который, быть может, своими ногами шел к отставке, или к чему-то еще ужасней. Наконец Наталья остановилась у больших двухстворчатых дверей, о существовании которых она узнала раньше; еще допрашивая офицеров на «Ямагири». Обязанности секретарши здесь исполнял молодцеватый офицер в идеально отутюженном мундире. Раньше – это Мышка тоже знала – этот моряк, практический не нюхавший моря, вскакивал с места, когда в приемную входил адмирал Катсу Ямато. Самый знаменитый, облаканный милостями императора флотоводец всегда чуть высокомерно кивал. Теперь же адмирал, словно отвечая на слишком медленное, вальяжное приветствие капитана, остановил на нем долгий пристальный взгляд. И адъютант (или кем он там числился?) вдруг побледнел, съежился; щеголеватый мундир стал казаться на нем чужим и очень неудобным. Он угадал, что Ямато под повязками усмехнулся и не посмел отшатнуться, когда старческая рука, тоже отмеченная повязкой, сквозь которую проступили бурые пятна крови, опустилась – медленно и неотвратно – на его плечо. Капитанский погон, отделанный позументом чуть роскошней, чем это позволялось, громко хлопнул – вслед за ударом руки, который оказался неожиданно сильным. Капитан буквально врос в свое кресло (тоже слишком шикарное для младшего офицера). Бросить хоть слово в спину тяжело повернувшегося к двери кабинета адмирала адъютант не решился. Он уже кое-что знал о будущем этого прославленного моряка; сейчас капитан вдруг подумал, что на этот раз разговор, который он подслушал благодаря неплотно закрытым дверям, был как-то неправильно понят.

– Ну, или адмиралу Ямато есть чем оправдаться, – решил капитан, глядя, как захлопывается дверь.

О том, что начальник базы, адмирал Кин Ватанабэ, велел никого не пускать в кабинет, капитан предпочел забыть.

Двери в кабинет были двойными, и вторая – внутренняя – была прикрыта неплотно. Конечно, Наталья не могла упустить такой шанс – послушать, о чем беседует настоящий японский адмирал со своим гостем.

– Нет, – поправила она себя после первых же слов, что услышала в этом вполне вместительном «предбаннике», – это скорее начальник. По крайней мере, человек, имеющий право отдавать приказы. Даже адмиралам.

– Остыньте, адмирал, – с заметным превосходством в голосе тянул слова неизвестный пока противник, – корабли, конечно жаль. И Ямато тоже – думаю, его дни сочтены. Пара допросов и...

– Как?! – вскричал, перебивая незнакомца второй – тот, кого называли адмиралом, и который, скорее всего, был хозяином кабинета, – без суда и следствия; без учета всего, что сделал Катсу для империи...

– Учтем, – первый говорил так же бесстрастно, – отдадим все почести. Посмертно. За последний подвиг еще и высший орден вручим.

– Орден!? – теперь адмирал, только что защищавший Ямато, был заполнен гневом, – за что?! За половину эскадры, которая никогда больше не выйдет в море?

– За выполнение последнего задания, – все так же невозмутимо ответили начальнику базы, – если хотите знать результаты его последнего рейда...

– Конечно, хочу, – опять перебил гостя хозяин кабинета.

Крупина сейчас прочла в его голосе и жгучее любопытство, и нешуточную обиду.

– Ага, – улыбнулась Наталья, почти прикивая забинтованным ухом к двери, – тебе даже не сказали, что творила эскадра... или кто-то еще в океане, с моим островом?! Будем считать, что ты тут не при делах. Громить твой кабинет не буду.

– Всех подробностей раскрывать не буду, – продолжил очень информированный незнакомец (Крупина еще прочла в этих словах: «Не по чину тебе, адмирал; да и времени жалко»), – скажу только, что результатом явилось землетрясение на Сахалине. То самое, пятого августа, силой восемь с половиной баллов.

Тут дверь, которую Наталья не потревожила даже дыханием, закрипела – сама, как это часто бывает – в самый неподходящий момент. Мышка зримо представила себе, как замолкают и поворачиваются к двери люди, находящиеся в кабинете. Уже через пару минут лжеадмирал (ношение форменной одежды без права, скорее всего, каралось каким-то из японских законов) убедился, что таких в большом, но сугубо функциональном, кабинете было больше двух. Еще один стоял неслышимой глыбой с правой стороны двери. Его дыхание Наталья, которой пришлось шагнуть внутрь, тут же ощутила сзади и над собой. Даже не поворачиваясь, она определила, насколько опасный соперник стоял сейчас за ее спиной. Прежде всего своими размерами. Упав сейчас эта гора мышц, костей и... сала на нее... Наталья все-таки оглянулась, что было вполне естественно, и убедилась, что в простом силовом единоборстве этому человеку мало кто смог бы противостоять.

– Бывший сумоист, – быстро дала оценку этому человеку-горе Мышка, пробежавшаяся взглядом и по громадной фигуре, и по лицу, которое не отличали явные признаки высокого интеллекта (хотя кто его знает?), но зато было заполнено решимостью и готовностью к действиям.

Прежде всего к ней, к «адмиралу Ямато», который без всякого спроса ввалился в кабинет и помешал беседе двух важных персон. Наталья хорошо знала, каким стремительным и непредсказуемым может быть такой внешне неповоротливый человек; соревноваться с противником по его правилам не собиралась. Пока же главное было определить, кем именно управляется эта живая машина. Хозяин кабинета, человек в адмиральской форме, смотрел лишь на него – раненного, обмотанного бинтами героя, или антигероя. Смотрел с хорошо различимым любопытством и немалой толикой жалости. А вот второй, совсем потерявшийся на фоне сверкавшего наградами мундира начальника базы, сначала посмотрел на охранника с видимым одобрением и каким-то хозяйским кивком головы – словно по плечу похлопал на расстоянии. И лишь потом перевел взгляд вниз, на замотанное бинтами лицо. Его собственное при этом расплылось в улыбке настолько радужно, что даже агент три нуля один, при всем ее опыте и тренированности, распознала за этой улыбкой холодный оценивающий расчет, сравнимый с прицелом снайперской винтовки только потому, что ждала этого.

Человек этот очевидно занимал немалый пост в одной из японских спецслужб – иначе хозяин кабинета, адмирал Кин Ватанабэ, сидел бы в своем кресле, а не за приставным столом, напротив гостя. Гость первым и приветствовал «Ямато», этим еще раз подчеркнув, что имеет ранг в неведомой для Мышки табели по крайней мере не меньший, чем у начальника базы.

– А вот и адмирал Ямато, – наш герой! А мы с Ватанабэ как раз собирались в госпиталь, навестить вас.

Это «Ватанабэ», без всякого звания, и даже признаков уважения, резануло слух не только самому начальнику базы, мгновенно принявшему неприступный вид, сквозь который никто, даже Мышка не могла прочесть возмущения, но даже самой Наталье, далекой от условностей японского военного и политического общества. Она вдруг поняла, что все ее надежды на хит-

рость, на невнятное бурчание под бинтами напрасны. Что этот человек в искусстве тайной войны, включающей в себя и ведение переговоров, обмен на первый взгляд ничего не значащими репликами, на голову выше ее, агента три нуля один.

– Значит, развяжем войну явную, где не последнюю роль играет внезапность! – решила Наталья, – и вопросы зададим в лоб.

«Адмирал Ямато» вдруг начал заваливаться назад, на громилу за спиной. Вполне естественное стремление могучего соперника – подхватить раненого моряка – она учитывала, но предусматривала и другие варианты. И любой из них не помешал бы опуститься каблучку форменного ботинка на стопу бывшего сумоиста. Самой Наталье кости стопы никогда не ломали. Но прочувствовать боль, которую при этом ощущает человек, ей приходилось – были и такие приемы тех далеких тренировок. Потому она прекрасно знала, что сейчас эта громадина невольно припадет на правую ногу, и даже дернется руками к стопе, к той мешанине костных обломков, движение каждого из которых грозило отправить соперника в обморок. Так что понадобилось совсем немного – шагнуть в сторону и опустить на толстый загривок ребро ладони, сейчас сравнимое жесткостью со сталью. Удар пробил слой жира и могучих мышц; заставил неприятно скрипнуть позвонки, а потом отправил гиганта в спасительное забытие.

– Ты еще поработаешь телохранителем, – мысленно успокоила Наталья сумоиста, – только не у него.

«У него» – это у гостя из спецслужб, который успел отреагировать на стремительный прыжок Крупиной на тот самый приставной стол. Стол был длинным, скользким, и лишенным всяких лишних вещей вроде письменных принадлежностей или, к примеру, чашек с чаем и вазочек с вареньем и сушками – или чем там принято угощать на японских военных базах? Спец – так обозвала его Наталья – в отличие от адмирала Ватанабэ – успел вскочить на ноги и изобразить какое-то подобие стойки. Мышка, ткнувшая носком ботинка чуть ниже правого уха Спеца, и отправившая тем самым японца в очень непродолжительный обморок, не успела даже понять, адептом какого единоборства был этот неприметный человек. Адмирала она следующим, более хлестким и жестоким ударом отправила следом за Спецом в забытие надолго – так, чтобы у его заместителя хватило времени обжиться в этом кабинете.

Но не навсегда, по поводу чего изобразила легкую усмешку на лице.

– Не повезло тебе, – это она обратилась к беспамятному адмиралу, – палата-люкс уже занята.

А Спец уже шевелился на ковре, мотая головой, заполнившейся сейчас вязким туманом, не хуже лошади, которую атаковали слепни.

– Только у тебя хвоста нет, – опять усмехнулась Наталья, – это тебе замена.

Ладошки – очень небольшие, но тоже готовые поспорить по жесткости со сталью – ухватились за уши японца и смяли их, скрутили, а потом буквально сплющили их в два стремящихся к абсолютной пустоте шарика, взорвавшихся болью и кровью. Глаза Спеца сразу заполнились осмысленностью – даже раньше, чем ощущением этой боли. А еще – готовностью выложить все, что знал, и о чем мог догадываться. Знал этот человек, назвавшийся полковником Кобаяси, начальником отдела военной контрразведки, много. В вопросе, интересующем Мышку, больше кого-либо другого во всей Японии, включая божественного микадо. Потому что именно он курировал проект, который японцы поэтично назвали «Солнцем над Северными территориями».

– Это вы, ребята, поскромничали, – подумала Наталья, откладывая в отдельную ячейку памяти имена, даты, адреса; особенно адреса, – сначала территории, не вам принадлежащие отхватите, потом на кусок покрупнее пасть разинете. И так до тех пор, пока не подавитесь!

Допрос шел быстро и исключительно продуктивно. Наталья, которая беспричинную жестокость за собой никогда не отмечала (только строго функциональную – а как без нее в ее-то профессии?), даже немного расстроилась. Потому что подгонять полковника, направлять

поток его слов физическим воздействием не было никакой необходимости. Инструментарий для этого у Мышки был обширный, но применить его так и не пришлось. Агент три нуля один чувствовала; даже больше того – была уверена, что этот человек не врет. А внезапно вспыхнувшую злость к Спецу Наталья объяснила лишь одним – больно уж грозные силы решил разбудить этот человек. Силы, сравнимые с ядерными, а в чем-то и превышающие их.

– И что самое паскудное, – нахмурилась Наталья, – все это с помощью таланта нашего, русского человека. У тебя, тварь, хватит наглости все потом обставить так, что во всем виноваты окажутся именно русские!

Японец, очевидно, почувствовал изменение в настроении Крупиной. Он залопотал еще быстрее, от волнения (или специально) начав повторяться. В припадке унижения – не может больше порадовать лжеадмирала ничем интересным – он опустил голову на грудь. Слишком сильно опустил; но уже не по своей воле, а под ладонью Крупиной, которая оторвала руку от жесткого ежика волос на затылке японца, лишь когда убедилась, что этот человек очнется, пожалуй, не раньше адмирала Ватанабэ.

– Будем надеяться, что у тебя тоже есть заместитель, – подмигнула она полковнику.

Японец, естественно, не ответил. Зато грузно зашевелился сумоист, вызвавший одобрительный кивок у Натальи. Его столь быстрое возвращение к суровым реалиям бытия не входило в планы подполковника Крупиной. Поэтому толстый загривок еще раз ощутил на себе совсем не ласковое прикосновение женской ладони. Здоровяк хрюкнул и снова замер на ковре.

Уже перед дверьми Наталья оглядела поле битвы, выигранной ею. Кабинет – как она и обещала – остался целым и нетронутым.

– Будылин, Виктор Николаевич, – прошептала она, настраиваясь уже на следующий этап бесконечной битвы, которой, собственно, и была вся ее жизнь, – до скорой встречи, Николаич...

Адъютант адмирала Ватанабэ вскинул голову навстречу белой мумии, которая вышла из кабинета начальника, сгорбившись и едва волоча ноги. Теперь капитан смотрел на опального адмирала совершенно не стесняясь своего, вроде бы беспричинного, злорадства. Во всяком случае, Наталье, которой в узкий разрез бинтов было хорошо видно эту ухмыляющуюся физиономию, ничего о причинах такой реакции капитана не было известно. Гораздо важнее была другая реакция этого лица. Капитан заметно поморщился, когда услышал, как попеременно громко хлопнули две двери, ведущие в кабинет.

– Теперь, – как надеялась Наталья – он не скоро заглянет туда. Может быть (еще раз оценивающе посмотрела она на капитана), до конца рабочего дня. Впрочем... он у них наверное не нормированный. Еще и условия труда тяжелые; связанные с риском. Вот и получите, ребята, свое молоко. В госпитале...

До вечера было еще очень далеко. За это время Мышка успевала покинуть не только штаб, но и саму базу с таким «ласкающим» русское ухо названием Йокосука.

Что Серая Мышка и сделала – уже в другом обличье.

Глава 38. Февраль – август 2000 года. Над Японией

Виктор Будылин. Полеты во сне и наяву

Нарыв, что долго зрел в лаборатории вокруг его, Николаича, особы, наконец, прорвался. Полгода, которые были прописаны в контракте русского самородка с известной японской фирмой, истекли как раз в этот день, пятого февраля. Следуя за Райдоном по длинному коридору, русский мастер невольно улыбался. Этот отрезок жизни он, как надеялся сам Будылин, вычеркнет из своей жизни – и лабораторию, и идущего впереди японца, и... Асуку.

– Нет, – признался он все-таки себе, – Асуку вычеркнуть не получится. Пусть она останется в памяти как сон – длинный, божественно сладостный и в то же время заставляющий мучительно давиться стыдом, сон.

Николаич удивился цветистой фразе, что родилась в его голове. Даже успел подумать о микробах такой вот вычурности и многоцветия в речи, что была присуща японскому обществу – даже в общении с близкими людьми. Хотя близким он не мог назвать здесь ни одного человека – даже Асуку.

Наконец они остановились у двери, ничем не отличимой от десятков других в этом коридоре.

– Даже расстояние здесь, между этими дверьми, – оценил Николаич, – совершенно одинаковое. Словно пчелы сидят каждая в своем соте и трудятся, трудятся – без перерыва на сон или перекур.

Сам Николаич никогда не курил, но чужие привычки научился уважать. Про пчел, кстати, Будылин мог рассказать многое. Его отец держал пасеку на пару десятков ульев, и маленький Николаич, тогда просто Витька, все летние каникулы проводил в деревне, у бабушки, во дворе дома которой и стояли разноцветные улики.

Но человека, который встретил их в скудно обставленном кабинете, Николаич пчелкой называть бы не стал. Осой, шершнем, а скорее гремучей змеей – вот какой аналог в животном мире подобрал он японцу, внешне приветливому, встретившему их широкой улыбкой. Лишь на миг этот японец забылся; метнул жесткий повелительный взгляд на Райдона, и тот – всегда невозмутимый, даже вальяжный в своем спокойствии – заметно напрягся, бросил чуть испуганный взгляд на Николаича, словно прося у того поддержки.

– А что Николаич? – ничуть не изменил простоватого выражения лица Будылин, – я в ваши игры не играю. Я человек простой. К тому же свободный – с сегодняшнего дня.

Как оказалось, в последнем Виктор Николаевич Будылин ошибался. Что ему человек со змеиным взглядом и улыбкой на поллица и объяснил.

– Мы довольны результатами нашего сотрудничества, – еще шире улыбнулся он.

– Ага, довольны! – чуть не расхохотался про себя Будылин, – чего же тогда все вокруг носятся с кислыми рожами?

Впрочем, Николаич насчет «кислых рож» уже и сам догадался. Он еще и в японском языке немного начал разбираться, так что в причине нервозности последнего времени не ошибался. Все потуги японских «коллег» – инженеров, компьютерщиков, кого там еще? – разбивались о простой непреложный факт. Тот факт, что талант русского мастера не удалось записать языком компьютерной логики. Потому что логики в нем – это сам Будылин ни от кого не скрывал – не было. Он и сам не понимал, почему надо было стучать молоточком именно по этому месту; именно с такой силой и в таком темпе. А уж то чувство восторга, что заполняло его, когда он понимал – металл или камень приняли его за своего, и готовы повиноваться, точнее, исполнить просьбу равноправного партнера, друга... Так вот – это чувство он бы мог сравнить с ласками Асуки; если бы последние не были такими холодными. Металл, в отличие

от японки, ставшей в доме чем-то вроде автомата по оказанию услуг (приятных и полезных – не скроешь) самого широкого профиля, был теплым и... родным.

Лицо полковника Кобаяси стало строгим и даже чуть печальным – он словно готовился преподнести Будылину не самую приятную весть.

– Что-то дома? – сердце Николаича заколотилось вдруг сильнее его молоточка.

Каждую неделю – по воскресеньям – для него организовывали сеанс связи с семьей. Судя по последнему, все там, в Коврове, было замечательно. Если не считать, конечно, что глава семьи уже полгода не был дома. Впрочем, дома было уже два; дочка с зятем уже давно переселились в новую трешку, а Клавдия жила в их квартире на проспекте Ленина одна. Теперь в сердце ощутимо кольнуло чувство вины. Но и ее, и все остальное смыло предчувствие чего-то непоправимого, хотя улыбочивый японец, с помощью Райдона, который был не только провожатым, но и переводчиком, объяснил русскому мастеру, что с семьей у него, Николаича, все хорошо, и будет хорошо, пока Будылин будет стараться так же усердно, как и прежде.

– Нет, – мотнул головой русский, понявший, к чему клонит японец, – договор дороже денег. Договаривались на полгода. Теперь, будьте добры, доставьте к дому. Как говорится – откуда взяли, туда и положите.

Райдон явно перевел последние слова как-то по-другому – знаний Будылина в японском хватило, чтобы понять это. Но смысл его перевода был таким же безапелляционным. Лицо полковника опять стало страшным; слова чеканными и тяжелыми – словно он вбивал их молотком. В данном случае при помощи того же Райдона в голову Николаича.

– Запомни, русский! Ты будешь делать то, что тебе скажут – со всем тщанием, как принято в нашей стране. И каждая твоя неудача будет отражаться на них.

Он швырнул на стол пачку фотографий; Николаич понял, что все эти полгода за семьей следили; быть может, так же плотно, как за ним самим. Потому что случай расположил сейчас рядом два снимка. На одном из них дочка, Верочка, хохотала во весь голос, запрокинув вверх лицо. По ее устремленной к чему-то светлому фигуре невозможно было определить, что эта молодая женщина ждет ребенка. А вот на второй фотографии – да; Вера стояла, сложив руки поверх заметно выпирающего под платьем живота. Николаич понял, что швырять в надменную теперь физиономию японца ругательства – хоть русские, хоть японские, да хоть еврейские – бесполезно. Он молча стоял, пока Кобаяси, усевшийся на жесткий стул, бросал короткие фразы, которые бесстрастно переводил Райдон. В голову русского мастера, заполнившуюся чем-то тугим и тяжелым, с трудом проникал лишь общий смысл этих слов. Контракт продлевался еще на полгода; если Николаич так соскучился по родным и близким, их могут привезти сюда, в Японию (тут Будылин отчаянно замотал тяжелой головой); наконец – масштабы экспериментов будут сейчас совсем другими, несопоставимыми с лабораторными.

Теперь Николаич невольно вскинул голову. Что-то внутри требовало именно этого – продолжения увлекательной работы. Вот если бы не в такой ультимативной форме. Японец этот порыв отметил; стал говорить мягче – словно сам увлекся открывающимися перспективами.

– Корпорация должна получить отдачу, – обволакивал он своими словами немного успокоившегося Николаича, – средств затрачено немало; пришла пора перейти к практическим работкам.

Будылин скептически улыбнулся, словно собираясь задать вопрос: «А где вы столько ржавых болтов наберете? Или со всего мира собирать будете?». Оказалось, что к новым экспериментам болты – ни ржавые, ни новенькие, только что из станка – никакого отношения не имели.

– Представьте себе, – японец явно пытался заразить своим интересом и Николаича, и Райдона, – что нужно добраться до точки в глубине каменной толщи. Вскрыть новую шахту, например – в труднодоступном месте. Куда не загонишь бульдозеры. А мы – где-нибудь в сторонке –

проведем серию взрывов, и все – пожалуйста. Пустая порода в одной стороне, готовая к разработке шахта – в другой.

Такую картинку Будылин мог себе представить, хоть и с трудом. Вопросы – типа того, как же вы руду будете вывозить, если туда даже для бульдозеров дороги нет? – теснились в голове, но как-то отстраненно. Для него на первый план сейчас выходили другие вопросы, производственные, так сказать:

– И как ты это себе представляешь, – чуть не вскричал он, уверенный, что Райдон расставит нужные акценты и добавит почтительности в его речь, – мне что – по карте молотком стучать. Так я готов... Только результата не ждите.

– Не по карте, – усмехнулся Кобаяси, – завтра увидишь.

Райдон пропустил русского мастера в дверь впереди себя, так что Николаич так и не увидел тех крох сострадания, которые невольно выдал в своем взгляде этот неулыбчивый японец. Потому что начальник службы безопасности, ныне низведенный до простого охранника, знал – Николаич никогда не увидит родины. И применить свой талант сможет только здесь, на благо Японии. Об этом же ему могла рассказать Асука. Но эта миниатюрная женщина с приклеенной на губах профессиональной улыбкой никогда не заговаривала на темы, отвлеченные от их устоявшегося за полгода быта. Вот и сегодня она усердно массировала спину мастера, и тот забылся тревожным сном в ожидании нового дня, новых экспериментов...

С утра Будылина повезли на аэродром. Маленький самолетик, который негромко тарахтел на поле, поднял в воздух и Николаича, и Райдона, и еще двух ассистентов, вооруженных маленькими переносными компьютерами. Восторга не было; было лишь легкое нетерпение и изрядная доля скептицизма. Мастер совсем не был уверен, что сможет почувствовать огромное пространства, проносящееся под ними, так же, как живое чуткое железо.

– И камень, – вспомнил он, – и дерево. Стоит только заговорить с ними.

Говорить пришлось долго – не день, и даже не неделю. Самолет день за днем, не прерываясь по требованию Николаича на выходные, летал по одному и тому же маршруту. Летал над точкой, которая – как показалось Будылину уже в первый день полетов – ответила ему. Причем ответила с надрывом, явно жалуясь на стеснение, на какую-то другую точку, что давила на этот крохотный безлюдный островок на расстоянии. Все это Николаич не озвучивал. Не потому, что боялся прослыть сумасшедшим; просто не желал сглазить, разорвать ту тонкую нить, которая уже протянулась к нему от острова.

Наконец и вторая часть этого тандема нашлась. Вторая точка была на материке; к счастью в достаточно безлюдном месте – встречались в Японии и такие. Теперь вопросов стало еще больше. Как воздействовать на силы, что дремали в земле; чем заменить тот молоток, которым Будылин здесь, конечно же, махать не мог? Поэтому экспериментировали дальше уже на полигоне. Сначала на маленьком макете – пока строился большой, максимально приближенный к натуральному. Полного тождества здесь быть не могло. Николаич, который вдруг проникся к комьютерам благоговением, что испытывали практически все, кто окружал его теперь, решил, что сам для себя станет такой живой вычислительной машиной. Он надеялся взрастить внутри себя чуткий прибор, основанный на принципах тождества. Заставив стронуться с места маленький островок, созданный искусственно, и прочувствовав все грани разницы между ним и большим, настоящим островом, он ожидал, что стронет с места и последний.

Макет закружился вокруг собственной оси на второй месяц – как раз к первому марта. Здесь март совсем не напоминал российский, снежный и холодный. Николаич старательно гнал от себя эти воспоминания; раскрывался и оттаивал душой лишь во время еженедельных сеансов связи с семьей. А в один прекрасный день, точнее ночь, остался ночевать один. Ему даже не пришлось ничего говорить Асуке. Та сама сделала легкий массаж, а потом исчезла в своей комнате. Будылин похудел; чуть построжел лицом. Хотя ни на аппетит, ни на сон не жаловался – все остальные свои обязанности, прежде всего кулинарные, Асука исправно исполняла.

Больше того – каким-то чудом предугадывала пожелания русского мастера; скорее всего по его лицу, по улыбке, с которым он входил в дом, или, напротив, по хмурой физиономии.

Этим вечером середину стола украшала бутылка шампанского. Не потому что был праздник, для самой Асуки незнакомый и непонятный. Николаич первого мая не отказал себе в нескольких рюмках водки. Но и бокал шампанского сегодня взял с заметной радостью – той самой, от которой он буквально светился весь день. С той самой минуты, когда островок в Японском море дрогнул, а потом закружился на месте в каком-то безумном каменном танце, которому позавидовал бы любой дервиш. Ни падение каменных глыб в море, ни высокая волна, поднявшая на себе корабли так высоко, что с самолета, что нарезал круги над местом локальной катастрофы, казалось, что они тоже взлетят, не насторожили Будылина.

– В конце концов, – подумал он, – это японский остров. Их забота.

У японцев – этого он никогда не узнал – забот было действительно много. Два ассистента с электронными «игрушками» были даже не сотой частью той армии специалистов, что сейчас копошилась со своими приборами вокруг русского мастера. И если его талант они не смогли загнать в мир цифр, то последствия его применения – вполне. Поэтому для службы, в которой работал Кобаяси, не осталось незамеченным слабое землетрясение на побережье Северной Кореи; практически рядом с линией разграничения. Такое же – чуть более сильное – отметили специально ждущие сейсмологи, когда в океанские волны рухнул каменный гриб второго острова; тоже в мае. Ну, так и остров это был габаритней первого. Николаич теперь практически не вылезал из самолета. Теперь это был большой лайнер, который мог скользить в небе бесконечно долго. Самолет летал по расширяющейся окружности, а на карте, за которую отвечал специально назначенный человек, появлялись новые точки; точнее пары точек. И русского пока не настораживало то обстоятельство, что полеты постепенно смещаются к северу, к островам, которые во всем мире, кроме Японии, считали частью Российской Федерации.

К этому времени люди, скармливающие компьютерам невообразимое количество информации, уже могли делать прогнозы. И в один прекрасный день палец полковника Кобаяси ткнулся в остров Зеленой лагуны.

– Но, господин полковник, – попытался возразить один из подчиненных, – это не наша юрисдикция, – остров принадлежит другому государству, да еще и обременен правом частной собственности.

– Это не важно, – отрезал полковник; он подождал – задаст ли кто вопрос: «А что важно?», – не дождался, но все-таки ответил, – главное это последствия, которые должна принести катастрофа этого острова. А население... эвакуируем – вместе с хозяином.

– С хозяйкой, – совсем тихо поправил его кто-то из подчиненных.

Гибели острова Будылин так и не увидел. Он был далеко – там, где ритмично били в огромный невидимый барабан подземные взрывы. Их силу, очередность, ритм Николаич проверил на макете; прочувствовал сухие цифры и перевел их на язык чувств, пролетая над самим островом. Впервые он остро пожалел клочок суши далеко внизу – такой зеленый, беззащитный и... населенный. Кобаяси вместе с Райдоном в этот день летели с ним. Полковник (так его здесь, рядом с русским, никто не называл) правильно расшифровал ту тень, что легла на лицо Николаича.

– Они переедут, – успокоил он Будылина, – на остров, который будет еще лучше этого. И компенсацию получат немалую.

Мастер предпочел поверить. Тем более, что ничего не мог противопоставить лжи – а ее в словах Кобаяси было все больше и больше, и становилась она все чудовищней и страшней. И одна из них была связана именно с этим островом. Полковник получил задание; первое конкретное задание, связанное с этим проектом. Его служба решила преподнести подарок императору. Показать мощь и будущее величие империи – как раз накануне пятидесят пятой годовщины трагедии Хиросимы. Показать, что никто и ничто не сможет теперь спать спокойно – ни

в одном, самом отдаленном уголке земного шара. Объектом этой первой атаки, которую весь мир воспримет как природный катаклизм (пока!) выбрали Россию. К далекому взрыву в сорок пятом году северный сосед не имел никакого отношения. Зато тот катаклизм, что приготовили для русских, послужит хорошей прелюдией для скорого ультиматума. В котором, как предполагал Кобаяси, речь будет идти не только о Северных территориях.

– И что самое интересное, – улыбка Кобаяси стала поистине дьявольской, – все это мы провернем с помощью русского мастера.

Все развивалось четко по плану – по плану, который разработал Кобаяси и утвердили на самом верху. Остров Зеленой лагуны послушно провалился в море, неведомо пока какими тропами пронесся свою боль и гнев до далекого русского Сахалина. Этот – не сравнимый по размерам остров – содрогнулся в землетрясении силой восемь с половиной баллов, но устоял, не стал территорией страшных разрушений и человеческих драм. Но сам факт имел место, и токийские стратеги, начальники Кобаяси, уже начинали потирать руки. Дело оставалось за малым – найти следующее место приложения таланта русского мастера. Не сообщая ему ужасных подробностей, естественно. Ну и подготовить текст ультиматума.

И именно в этот момент ситуация вырвалась из-под контроля. В план, который кроме разработчиков видели всего несколько человек, включая самое высшее руководство страны, вмешались сторонние силы. Вмешались грубо и кроваво. В результате флот потерял подводную лодку типа «Оясио», а потом получил, словно в отместку за сахалинское землетрясение, разгром военно-морской базы Йокосука. Полковник срочно вылетел на базу; он чувствовал, что где-то там до сих пор обретается камешек, который может сломать зубья самой важной шестеренки плана.

Какой именно? На этот вопрос пытался ответить уже его заместитель. Потому что и самого Кобаяси, и адмирала Ватанабэ, и опытного телохранителя полковника, бывшего чемпиона Японии по сумо, нашли в кабинете начальника базы в бессознательном состоянии. Вернее не нашли – это чемпион выполз из кабинета, подняв панику на всю и без того растревоженную базу. Двух начальников в сознание привести не смогли. А заместитель полковника тоскливо рассуждал, сидя в своем кабинете, что не так представлял себе собственное продвижение по службе. Потому что кто-то должен был ответить и за подводную лодку, и за разгромленную базу, и, наконец, за окончательное крушение такого великолепного плана.

Русский мастер, которого охраняли элитные мастера боя, исчез из особняка. Исчез вместе с охраной. В доме, который без ожесточенного боя вряд ли смогло бы захватить целое отделение спецназа, не нашли ни одного разбитого окна, ни одного осколка древних ваз. Все стояло на своих местах. Кроме людей – русского мастера Виктора Будылина, майора военной контрразведки Райдона, и его подчиненной —умелицы на все части тела Асуки. Впрочем, в токийском филиале самого могущественного клана якудзы эту женщину знали совсем под другим именем.

Глава 39. Сентябрь 2000 года. Токио

Наталья Крупина. Над всей Японией безоблачное небо

Мышку скоростным экспрессом удивить было сложно. Она навидалась за последние годы, за которые успела побывать во всех частях земного шара, такого, что это чудо технической мысли воспринималось ею вполне буднично. Она прекрасно выпалась – теперь уже в своем привычном облике. Лида с Николаем теперь не испугались бы ее вида; наверняка бросились бы с объятиями к ставшей им родной женщине. За месяц, что прошел с того момента, когда катерок унес Емельяновых к самолету, а тот в Израиль, под опеку Инессы Яковлевны, они конечно же соскучились по Мышке.

– А больше – по острову, которого нет, – с грустью констатировала Наталья этот факт, – интересно, они знают уже об этом? Наверное, оплакивают меня сейчас...

Сообщать о своем чудесном воскрешении она никому не собиралась. Не потому, что не доверяла Николаю, самому близкому человеку в этом мире. Просто пользы от него здесь, в незнакомой стране, где не только язык, но и обычаи, само отношение к жизни разительно отличалось от российского, было бы совсем немного. А так – вдали от событий, которые уже немного потрясли, а скоро (в этом Наталья была уверена) сотрясут страну Восходящего солнца до основания – им было безопаснее. Что, учитывая состояние Лидии, было для семьи Емельяновых определяющим.

Наталья невольно улыбнулась, вспомнив друзей, а потом и милую старушку Инессу Яковлевну, которая сейчас, несомненно, «кудахта» вокруг Лидки. Эта улыбка тут же переместилась на парнишку, скромно расположившегося в сидении напротив и тот ответно разудыбался. Этого японца украшали огромные наушники и шнур, тянувшийся к плееру.

Мышка остановила свой взгляд на этом лице совсем не потому, что молоденький японец был таким симпатичным – хоть сейчас снимай в каком-нибудь анимэ; она сейчас вспомнила другого – похожего на этого как две капли воды.

– А может, это он и был? – засомневалась было в своей памяти Наталья.

Тот парнишка, о котором вспомнила Крупина, стоял с восторженным лицом напротив памятника адмиралу Того – герою войны девятьсот пятого года; точнее ее Цусимского сражения. А за памятником грозно целил в окружающее пространство корабельные пушки знаменитый броненосец «Микаса», флагман японского флота, который в тот страшный для Российской империи год разгромил русскую Тихоокеанскую эскадру. Наталья знала об этом; может не в таких подробностях, что сейчас живо рассказывала, размахивая руками, какая-то француженка. По крайней мере, французским языком, как отметила Наталья, эта молодая женщина далеко за сорок (а может, и за пятьдесят) владела как родным. Сама Мышка была сейчас неузнаваема – тем же секретарем адмирала Ватанабэ, к примеру. Ходить по городу – а Йокосука была не только базой японского флота, куда частенько заходили и корабли шестого флота США, но и городом с населением почти в четыре сотни тысяч жителей – по его улицам в адмиральском мундире, да еще с перевязанным сплошь лицом, было, по меньшей мере, безрассудно. Поэтому военную базу покинул моряк из низших чинов, лицо которого из-под бинтов проглядывало. Взамен вражескому военному (а вокруг – как четко определила подполковник Крупина – были одни враги, об этом пока не догадывающиеся) она оставила шитый золотом мундир адмирала японского флота и изрядную кипу бинтов. Естественно, использованных.

Города Наталья не знала. Ей нужно было лишь попасть на вокзал и первым же экспрессом отправиться в Токио, и дальше – в пригород Харадзюку, где среди сотен не самых роскошных особняков затерялся нужный ей.

– И лучше это сделать в облике европейца... лучше европейки. Скажем туристки – вроде этих.

Крупина как раз проходила мимо мемориала воинской славы японского флота, представлявший собой поставленный на вечную стоянку броненосец. Там она и услышала французскую речь. Очевидно, в жидкой толпе японцев, что тоже вслушивались в негромкий комментарий француженки, знатоков языка Мольера и Александра Дюма хватало, потому что многие из них кивали с довольными улыбками. А Мышке совсем не хотелось улыбаться. Потому что по словам этой сушеной воблы с берегов Сены (а может, Луары, или другой какой реки) выходило, что русские в том давнем сражении показали совсем уж никчемными моряками. И даже подвиг «Варяга» был преподнесен как акт трусости и капитуляции. Может, поэтому Наталья пошла за этой троицей, которая по очереди попозировала рядом с бронзовым адмиралом, а потом направилась по магазинам.

Йокосука, как оказалось, была еще и региональным центром текстильной промышленности. Бутиков с шедеврами местных домов моды было несколько улиц. В один из них и зашли француженки, громко комментировавшие выставленные в витрине манекены с образцами одежды. Наталья в ту же витрину видела, как к ним подскочили сразу несколько человек. На первый взгляд казалось, что их не меньше десятка – так они мельтешили вокруг покупательниц. На самом деле их было четверо.

– С француженками семь, – собралась входить с такой мыслью внутрь бутика Мышка, – две минуты делов. Восемь, черт бы тебя побрал!

– Капрал! – ее остановил требовательный, даже возмущенный голос.

Наталья повернулась – не так поспешно и почтительно, как, конечно же, полагалось простому капралу, которого окликнул целый капитан. Сказать что-то вроде: «Что ты тут делаешь?», – он не успел.

Капитан первым, с багровым от ярости, вызванной собственной беспомощностью и хамством простого моряка, ворвался в магазин. Видимо, его лицо было столь выразительным, что продавцы – все четверо – бросили богатых клиенток и подскочили к моряку. Практически одновременно с ним они и опустились на пол, уже без сознания. А Наталья, скорчив жуткую физиономию, которая из-за бинтов смотрелась еще ужасней, пошла на французенка, растопырив руки. Так, по крайней мере, советовал им когда-то инструктор по выживанию – если вдруг на тропу неожиданно выскочит дикий зверь. Женщины здесь, в бутике, на диких зверей походили мало (ну разве что физиономиями – немного), но испугались визуально выросшей вдвое Мышки...

– До уса..., – усмехнулась Мышка, действительно уловив неслабый запах дерьма.

Она едва успела удержать внутри разговорчивой француженки дикий крик, рвущийся из горла; затем обездвигила и лишила сознания вторую – ту, не удержалась и обдела-лась. А третьей, самой мужественной, медленнее других соображающей, прохрипела на ухо несколько слов по-японски. Скорее всего, этой фразы несчастная не поняла; кроме одного слова, которое Наталья почти выкрикнула – четко и громко: «Якудза». Смысл остальных слов – если вдруг женщина была полиглотом – был очень простым:

– Девочки, вы хотели японской экзотики? Вот вам еще одна – вам привет от якудзы!

Завершив этот нехитрый отвлекающий маневр, она аккуратно уложила восьмую, и последнюю нежелательную свидетельницу предстоящего перевоплощения на пол, и первым делом познакомилась с содержимым дамских сумочек. В результате все три заграничных паспорта, три же пачки иен разной толщины и проездные билеты «Japan Rail Pass» оказались в одной, самой вместительной. А Наталья – согласно одному из паспортов теперь Луиза Арманьяк – отправилась за обновками. Среди стильных тряпок она нашла добротный легкий костюмчик, который не бросался в глаза, а потом устроила погром, какого ни один бутик Йоко-

суки еще не знал. Все ради одной цели – чтобы продавцы, которые когда-то очнутся, не смогли сразу сказать – что же пропало в их магазине.

Оглядев «поле битвы», Наталья довольно хмыкнула. Не только одежда, но и живые персонажи предстоящего спектакля выглядели сейчас весьма живописно. Времени у нее было мало, но что-то похожее на виденную когда-то картину «Свальный грех» она постаралась изобразить.

– Это вам за «Варяга» – по-французски сообщила она той самой эрудированной туристке, сейчас сладко посапывающей на голой груди капитана, и вышла в стеклянные двери.

Снаружи магазинчик практически ничем не отличался от десятков подобных, что разместились на этой старинной улице. Разве что тем, что в это оживленное время – а на часах «Сейко», что недавно украшали запястье настоящей Луизы, было двенадцать часов пополудни – и витрины и дверь были завешены изнутри бамбуковыми жалюзи. Да еще на последней висела надпись: «Извините, наш магазин закрыт!», – японскими иероглифами, в которых Мышка худо-бедно разбиралась, и на понятном всем английском языке. Дальше все было просто – найти вокзал и сесть на ближайший экспресс до столицы. Время поджимало – это подполковник Крупина прекрасно понимала. Кто очнется первым, и кто поднимет на ноги полицию и другие, более серьезные службы, особого значения не имело. Главным было, чтобы к тому времени, как за «Луизой Арманьяк» начнется настоящая охота, эта особа перестала существовать. Решив, естественно, все задачи, что поставила перед ней Наталья.

Первую, самую легкую, она сейчас и выполняла. Билет, что она реквизировала вместе с паспортом гражданки Франции, служил пропуском на все поезда «Синкансен» – грандиозной сети высокоскоростных магистралей, которая функционировала с 1964 года. Тот вагон, в котором сейчас сидела Крупина и несколько японцев, нельзя было сравнить с электропоездом «Владимир – Мстера», где два года назад вернулась к жизни агент три нуля один, и тем более с обшарпанным донельзя вагончиком, который дизельный тепловоз неторопливо тащил от Коврова до Муромы. Но в главном они были сходны – везли Наталью в нужное место. Сейчас – Крупина глянула на табло, каких в вагоне было сразу три – со скоростью двести десять километров в час.

– Смешно будет, – подумала вдруг Наталья, – если и сюда ворвутся грабители с автоматами наперевес. Какие-нибудь якудза.

Двери вагона действительно открылись, и Крупина невольно напряглась, а парнишка напротив, что случайно остановил взгляд на ее лице, испуганно замер. Наталья тут же улыбнулась, успокаивая и его и себя – в вагон вошли местные железнодорожные контролеры. Мышка, которая решила было, что неприятности в последнее время буквально преследуют ее, была, в общем-то, права – даже в такой малости. Застать подобную проверку на «Новой магистрали» (так переводился «Синкансен») было делом чрезвычайно маловероятным. Пока билет вместе с паспортом успешно проходил испытание в руках японца, одетого в легкий форменный костюм, цифры на табло стремительно бежали, показывая, что скорость падает от двухсот до жалких сорока километров в час. Это означало, что высотные дома за окнами принадлежали уже Токио. Через десять минут вагон выпустил небольшую толпу пассажиров, в которой Наталья даже не пыталась затеряться. Внутренний хронометр, который совмещал обязанности наблюдателя и сигнальщика, подсказывал – охота на нее еще не началась.

Поэтому «французенка» вполне органично, то есть с видимым любопытством и небольшой долей пренебрежения (не Париж все-таки), подошла к стоянке такси и уселась в ближайшее из них. Табличку с надписью: «Водитель понимает по-английски», – если такие вообще были в ходу у японских таксистов, она отыскать не пыталась. На вполне приличном японском она скомандовала:

– В Харадзюку.

А потом, удобно расположившись на заднем сидении, закрыла глаза. Всем своим видом она показывала сейчас, что уже пресытилась видом причудливой смеси современных высотных зданий, сверкавших стеклом и металлом и старинных строений и парков, возникавших неожиданно – словно из прошлого. Ей сейчас действительно было не до красот вокруг. Потому что вдруг пришла мысль – силы, разбуженные чьей-то злой волей, вполне могут обернуться и против этой красоты – современного, и одновременно древнего города.

– Так же, как это случилось с моим островом, – проворчала она чуть слышно, но уже по-французски.

Пригород столицы, куда таксист вез сейчас Мышку одному ему известным маршрутом, был районом престижных вилл, большая часть которых была построена в незапамятные времена. Поселиться здесь простому японцу, а тем более иностранцу, пусть обладавшему необходимой суммой, было нереально. Это была территория древних традиций, куда иноземцам был допуск лишь в качестве зевак, привлеченных запахом настоящей древности. Почему именно в этом районе поселили русского мастера, Мышка не знала. Полковник Кобаяси тоже этого не знал. Вопросами материального снабжения, в том числе надзором за тайными базами и конспиративными квартирами отвечало другое ведомство.

– Может, именно эта вилла была единственной свободной в августе прошлого года? – пришла, наконец, к вполне резонному выводу Мышка, теперь внимательно оглядывавшая окрестности сквозь стекло автомобильной дверцы.

Мимо виллы они тоже проехали, не снижая скорости, потому что Наталья успела назвать конечный пункт своего короткого путешествия. Она рассчиталась с таксистом, добавив совсем скромные чаевые, и надолго замерла перед старинным храмом, построенным в начале теперь уже прошлого тысячелетия. Замерла не в восхищении, хотя здесь действительно было на что посмотреть, а больше для того, чтобы попытаться окунуться в атмосферу глубокой древности. Здесь каждый камень словно был пропитан молитвами бесчисленных поколений японцев, несших свои радости, а больше, наверное, горести неведомому Мышке божеству. Она стряхнула с себя невольно наполнившую душу благодать. Против этого древнего храма, как и против людей, что сновали вокруг него в этот вечерний час, она вести боевые действия не собиралась. Больше того – своей задачей считала и спасение всего того, что окружало ее сейчас.

– Слишком тихо, – направились она наконец с храмового холма, заросшего буйной растительностью, которой еще не коснулась осень, – как перед бурей. А я тут, получается, за буре-вестника.

Теперь мимо особняка она прошла, не скрывая своего любопытства; как и мимо предыдущего, и тех, что стояли дальше по улице, неуклонно сползавшей к далекому отсюда океану. Здесь, в островном государстве, все дороги заканчивались на побережье. Даже эта – совсем короткая – вливалась в шоссе, которое соединяло столицу с каким-нибудь из портов...

Внешне вилла своим сонным спокойствием не отличалась от соседних. Но опытный взгляд агента три нуля один распознал все признаки мышеловки, готовой захлопнуться за неосторожной мышкой. Серая Мышка, невольно усмехнувшаяся такому удачному сравнению, тут же насторожилась, поняв – что-то в этой мышеловке было не так. Присутствовала во всем – прежде всего в людях, исправно выполнявших роль садовника и домоправительницы (или кухарки, или уборщицы) – какая-то напряженность, не свойственная людям, долго живущим в этом доме. По мельчайшим признакам, распознавать которые Мышку долго и упорно учили, она поняла, что эти люди тут чужие, появились в доме совсем недавно. Да и внешне они мало напоминали тех, кого обрисовал полковник Кобаяси.

Этих двоих Наталье, и любому другому, выставляли напоказ. Еще троих – спрятавшихся, как они сами думали, очень надежно – она смогла распознать за тот десяток секунд, что прошла медленным шагом мимо виллы.

– А сколько еще ждет неожиданных гостей внутри, – задала она себе резонный вопрос, – и кто эти «гости»? Меня они ждать никак не могут... А зря.

Двое открытых для посторонних взглядов служителей и несколько скрытых тайных соглядатаев содрогнулись бы, загляни они сейчас в лицо Мышки. Совсем как встречный прохожий – совсем невзрачный японец, из-под распахнутого ворота рубашки которого выглядывала красно-синяя морда дракона, изображенного на татуировке. Наталья себя ругать за такую несдержанность не стала; более того – поняла, что если бы не состроенная свирепая рожица «французской туристки», этот человек прошел бы мимо нее, не отмеченный памятью. Теперь же единственный взгляд, брошенный татуированным аборигеном на виллу, показал – он тоже имеет интерес к творящемуся на ней. А еще – что этот человек умеет такой интерес скрывать.

– Может, вы, ребята, его и ждете? – Мышка опять обратилась с безмолвным вопросом к обитателям усадьбы, оставшейся позади, – мне тоже интересно с ним побеседовать.

Для этого – поняла она – желательно попасть внутрь особняка первой. Вариантов было множество; основных два. Первый – нахально заявиться сейчас под видом заблудившейся в незнакомом районе туристки и уже внутри, дав завлечь себя в дом, разобраться с «мышеловкой», сколько бы тайных «пружин» у нее ни было. Этот вариант позволял сэкономить время, стремительно таявшее для «мадам Арманьяк», но не гарантировал, что коллеги разрисованного драконами незнакомца заглянут в особняк на огонек. А они – это Наталья чувствовала – могли рассказать не меньше, чем бойцы, засевшие в доме. Это было аксиомой – человек, обладавший важной информацией и возможностью отдавать приказы – вряд ли бы тратил время, рассиживая в засаде.

Поэтому Серая Мышка растворилась в кружении улиц, отмечая теперь не самые необычные творения архитекторов и флористов, а пути, по которым она могла скрытно вернуться в нужный особняк. Таких, опять-таки, было много; до позднего вечера Мышка наметила основной и пару резервных. Ее костюм, который она тщательно подобрала в бутике, позволил ей буквально раствориться в этом спокойном, аристократичном районе. Серая брючная пара; удобные туфли на низком каблуке – в таком наряде можно было сниматься в кинофильме в роли той самой мышки.

– Только хвоста не хватает, – усмехнулась она, разглядывая претендента на эту важную часть животного организма.

Человек, который прятался за мощным стволом дерева и не спускал взгляда с особняка, был на первый взгляд лакомой добычей. Взять его тепленьким и утащить в укромную норку, которую Мышка тоже успела подобрать; и не одну...

– И там выпотрошить, до самого доньшка, – Наталья не стала замедлять шага, перемещаясь вдоль невысокого заборчика так, что любой принял бы ее за часть этой самой оградки, – но не сейчас. Потом... Если он сам не заявится в гости, ко мне, в дом – вместе с поделщиками.

Таких у соглядатая было трое – в этом Наталья уверилась, обойдя усадьбу по широкой окружности трижды. А «в дом» – потому что окончание беззвучной фразы пришлось как раз на то мгновение, когда Мышка незримой бесплотной тенью прошмыгнула в ухоженный дворик. Ни садовника, ни его «коллеги» по внутридомовым работам в этот ночной час во дворе, конечно же, не было. Спали они, или бодрствовали, было не так важно – потому что в приоткрытое, словно специально, окно скользнула уже не мышка, а смертельно опасная боевая машина, которая было запрограммирована только на положительный результат. Человеческого в ней сейчас были разве лишь живая плоть, да стремление все-таки обойтись без лишних жертв. Бесшумный ураган пронесся по комнатам; ворвался на чердак, где оказался еще один наблюдатель и не поленился спуститься в просторное подвальное помещение, где поместилась и сауна, и маленький бассейн, и даже массажная кровать.

О том, как привечали в этом доме русского мастера, Наталья знала от полковника Кобаяси. Безвольное скольжение по жизни, предложенное Виктору Будылину – земляку, ковровчанину, чему Крупина совсем не удивилась – Серую Мышку не возмутило, не позабавило, не вызвало никаких иных чувств. Наталья просто приняла как данность его «шалости» с красавицей-японкой, которая, по словам того же полковника, профессионально отработывала свои служебные обязанности. Еще Крупина догадывалась, что русскому самородку могли не говорить всей правды – того, чем может кончиться его, на первый взгляд, баловство.

Итак, в особняке Мышку, или кого другого, ждали восемь человек, включая «садовника» и «кухарку». Двое из них, признала Наталья, были мастерами боя очень высокого уровня. И готовил их когда-то мастер уровня не ниже, чем Нью Го Лай. Другой вопрос, что важны не только руки мастера, творящего из куска глины живое творение боевого искусства, но и этот самый кусок. Глина, из которой замесили, а потом закалили в огне боевых операций агента три нуля один, в мире оказалась в единичном экземпляре. Так, по крайней мере, утверждал мастер Нью Го Лай. И сейчас Наталья блестяще подтвердила его слова.

Она оглядела бессознательные японские тушки, что лежали на полу большой кухни, где больше года Николаича баловали яствами японской кухни и другими деликатесами.

– Японские, – хмыкнула Мышка, продолжив чей-то незаконченный поздний ужин, – все как один японские. А где Николаич?

Она хмыкнула еще раз, теперь одобрительно. Кусок какого-то пирога с морепродуктами, которые Наталья, в общем-то, не очень жаловала, буквально таял во рту. Пять минут – столько отвела Крупина себе на поддержание телесных сил. За это время запас яств на столе уменьшился почти до нуля; Мышка была голодна, но не только это обстоятельство способствовало совсем не мышинному аппетиту. Блюда, большей частью незнакомые, были по-настоящему вкусны, даже на взгляд женщины, привыкшей обходиться совсем другими кушаньями.

– Мяса могло быть и побольше, – нашла она все-таки изъян в японской снеди, – но все равно спасибо.

Это она обратилась к «кухарке», мирно посапывающей на полу; подступила же Наталья к ее соседу – тому, в ком признала командира воинства, сейчас ждущего своей участи в бессознательном состоянии. И не ошиблась – Командир, как обозвала этого человека Мышка, не пожелавшая засорять память еще одной японской фамилией, был одним из двух бойцов экстра-класса. Он видимо до сих пор не мог поверить, что его скрутила и притащила сюда эта хрупкая женщина с глазами, обещавшими самые жуткие страдания и самую ужасную участь – если он будет молчать. И он не молчал, заговорил сразу, к некоторому удивлению Натальи.

– Вот тебе и самурай, – присвистнула она про себя, – наверное, у янкесов учился. Тем сам бог и воинское начальство велит раскалывать до самой задницы, не доводить до ломания костей и ковыряния грязными железяками в рваных ранах.

Но скорее дело тут было в другом. Японский Командир просто не мог сообщить ничего секретного; разве что номер воинской части, к которой он был приписан. Номер он, конечно же, сообщил, но эта информация Наталья ничего не говорила. В остальном был стандартный для таких случаев набор приказов: «Всех пускать и никого не выпускать!». Даже допрашивать мышку, что попала бы в такую серьезную, на восемь пружин, мышеловку, он не имел права. Лишь задержать и доложить по телефону, номер которого...

– Ну, хоть что-то, – пробормотала Наталья, отправляя Командира опять в искусственный сон, – подождем немного, а потом позвоним, послушаем «ангельский» голосок твоего начальства. Или не твоего – не важно...

Ждать пришлось около часа. Ничто не скрипнуло; в оконном проеме, напротив которого по наитию расположилась подполковник Крупина, не потемнело, но она поняла по изменившемуся вдруг напряжению поля в комнате, что здесь появился еще один человек.

– Нет, двое, – теперь Мышка, вся обратившаяся в слух и зрение, отметила, как плавно и практически незаметно в темноте передвигаются два чуть более темных сгустка.

Она даже отметила, что один из них дернул верхней своей частью, словно передавая только им понятный сигнал. В следующий момент эти тени накрыли то место, где неподвижно сидела Наталья. Только ее там уже не было; она материализовалась за спиной одной из теней (если только у теней бывает перед и зад) и опустила ее на пол – беззвучно, как и полагалось по сценарию этой схватки ниндзя. С техникой древней японской системы боя – скрытой и безжалостной к противнику – Мышка была хорошо знакома. Мастеру, который знакомил ее с приемами ниндзю-тсю, две неуклюжие – на ее взгляд – тени в подметки не годились. Поэтому второго соперника она встретила лицом к лицу, уложив его на пол так же быстро и надежно.

А потом, задернув краешек занавеси, отодвинутый тем ниндзя, что запрыгнул внутрь первым, включила свет.

– Пусть поволнуются, – усмехнулась она, имея в виду еще две тени, которые сейчас, несомненно, следили за особняком, – зададут себе вопрос – какого хрена эти ребята зажгли в комнате свет? Точнее – какого васаби. Кажется, так называется японский хрен.

Это словосочетание – «японский хрен» – развеселило Наталью так, что один из ниндзя, приведенный ей в сознание, испуганно сжался в уголке, увидев на лице европейской женщине вполне доброжелательную, скорее ироничную, чем угрожающую, улыбку.

Этот «самурай» оказался покрепче. Судя по отсутствию мизинца и указательного пальцев на левой руке, его, несомненно, подвергали когда-то жестоким допросам. Впрочем, первое, что сообщил все-таки ниндзя, это гордое опровержение домысла Мышки. Никто и никогда не допрашивал Тень (так действительно переводилась кличка этого мужчины средних лет, мастера ниндзю-цзю). А два пальца – это результат двух его прошлых мелких ошибок, за которые он сам и откромсал по две фаланги.

– Юбитсума, – назвал он кровавый обычай кланов якудза, – мало кто из нас ходит с целыми пальцами.

Взгляд Натальи переместился на руки второго ниндзя, и первый хекнул, скривил презрительно губы. Мышка сначала разглядела, а потом не поленилась – нагнулась и сорвала с мизинца бессознательного японца протез, который явно не нес никакой функциональной нагрузки.

– Зато скрывает его промах в прошлом, – догадалась Наталья, переводя взгляд на Тень, который дисциплинированно не двигался («Опытный, черт – понял, что бесполезно»), – а этот новомодных игрушек не признает. Даже гордится – вот я какой; накосячил, и не скрываю этого.

Допрос продолжился, и все-таки принес результаты. Не далее как вчерашней ночью Тень сотоварищи умыкнул из особняка русского мастера вместе с охранниками.

– Впрочем, – разговорился, наконец, ниндзя, – один, точнее одна охранница, ушла отсюда совершенно добровольно.

«Спящий» агент могущественного клана якудза Тамагути наконец дождалась своего часа. Тайна, которой с ней поделился русский мастер, показалась ей настолько важной, что Асука (Наталья еще раз усмехнулась, представив, как это имя впервые услышал Николаич) решила прервать свою тайную миссию.

– И что это за тайна?

Крупина знала ответ на этот вопрос; сейчас она хотела убедиться в искренности Тени. И японец не обманул ожиданий Мышки, не стал придумывать небылиц. Он пожал плечами и совершенно искренне ответил:

– Не знаю. Наше дело такое – скрутить, на кого покажут, и доставить – куда скажут. В живом или мертвом виде – тоже как прикажут. А тайны – это не наше.

– И зачем вы здесь сегодня? Кого еще надо скрутить и доставить – куда скажут?

– Никого, – опять осторожно пожал плечами, плотно обтянутыми черным одеянием Тень, – велели доставить папку из комнаты русского.

– Папку, – протянула Наталья, отвлекая тем самым внимание Тени и нажимая на нужную точку этого тренированного организма.

Бесчисленные тренировки ниндзя не помогли – японец обмяк на полу, отключившись надолго. Конечно, правильней было бы навсегда. Но особого значения это не имело. След за собой «мадам Арманьяк» оставила широкий. Нужные головы сообразят, кто маскировался под таким вкусным именем. Один свидетель значения не имел – к тому же неизвестно было, где он окажется уже сегодня ночью. В логове своего клана, где ему, наверное, надо будет отрубать не пальцы, а обе руки или в застенках службы, представители которой посапывали сейчас на кухне.

Сама Наталья представляла себе, что этой самой службе скоро будет не до якудза с их бесцеремонным вторжением в дела. Это она подумала, высыпав на огромную кровать, застеленную шелковым покрывалом с традиционными драконами, кипу фотографий. Уже по первой она узнала Ковров, его проспект Ленина, на котором и снялась семья – без его главы, как поняла Мышка. Женщина пенсионного возраста; хорошо узнаваемая, похожая на нее девушка, точнее молодая женщина не старше тридцати лет и мужчина тех же примерно лет, с обожанием глядевший на нее.

– Это, – правильно решила Наталья, – семья Николаича. И якудзе зачем-то она понадобилась. Не снимки, а люди – вот эти самые.

Ее пальцы перебирали фотографию одну за другой, но Крупина не вглядывалась в них. Она решала одну очень важную задачу – может ли позволить себе один звонок; и достигнет ли этот звонок адресата. Телефон она вынула из рук Командира; мобильный аппарат ждал ее на кухонном столе. Даже номер абонента – начальника восьми «тушек» – был уже набран. Оставалось только нажать на кнопку вызова. И Наталья уже нажала бы – если бы не эти фотографии. Потому что они означали одно.

– Шантаж, – вполне бесстрастно прошептали ее губы, хотя сама Мышка в глубине души содрогнулась, – это что же хотят заставить сотворить Николаича; какой очередной «остров» разрушить в пух и прах, если они не уверены, что смогут заставить русского свершить такое зло? Что понадобится беспробитый аргумент на любой отказ – жизнь или смерть близких людей.

И она решилась, набрала другой номер – тот, что был словно вырезан в памяти острым клинком. Больше всего она сейчас желала услышать знакомый, чуть усталый голос «товарища полковника», которого она так и не поздравила с новой должностью, выше которой в российском государстве просто не было. Не поздравила с новой «галерой», весла на которой были беспримерно тяжелее... Увы – она не услышала даже гудков; мобильник явно не был настроен на такую дальнюю связь.

– Зато, – была уверена она, – кому надо уже зафиксировали этот номер. Наверное, несутся сейчас с вытаращенными глазами к начальству. А вот сейчас мы сами ему позвоним.

Она вернулась на дисплее к предыдущему номеру и нажала на кнопку. Мышка насчитала восемь длинных гудков, пока, наконец, на кухне не прозвучал недовольный заспанный голос. Наталье не было нужды смотреть на «Сейко» – она сделала это еще до звонка, поэтому знала, что далекий абонент на своих часах видит половину четвертого по токийскому времени.

– Майор Судзуки, – представился, наконец, абонент и агент три нуля один опять нажала на кнопку, прерывая связь.

– До скорой встречи, майор, – прошептала она.

Глава 40. Сентябрь 2000 года. Остров Шинюку

Виктор Будылин. Звено в цепи сокайя

За последний год это была первая новостная передача российского телевидения, которую Николаичу позволили посмотреть. Нет – не так! Увлеченный чередой безумно интересных экспериментов, он сам оторвал себя от родины; от того, что там творится. Единственной ниточкой, что связывала его с Россией, были еженедельные видеоконференции (как их называл Райдон) с семьей. Самого Райдона Будылин не видел со вчерашнего дня, когда в дом, куда уставший мастер вернулся около восьми часов вечера, ворвалось несколько человек, закруживших танец смерти. И в центре этого «танца» был именно Райдон. Противников, как оказалось, у него было двое. Одетые в черные облегающие костюмы и такого же цвета маски, в узкие разрезы которых глаз практически не было видно, они застыли перед человеком, к которому Будылин привык как к собственной тени. Другая «тень» – ночная, Асука – невозмутимо стояла за его спиной.

Сам Николаич сидел сейчас в кресле, куда его перенесла какая-то неодолимая, но в то же время мягкая сила. Он словно попал в какой-то интерактивный кинотеатр, в кульминационный момент боевика. Даже не разбираясь в единоборствах, русский мастер понял, что в поединке сейчас сложилась патовая ситуация, которая, скорее всего, шла на пользу Райдону, который один стоил двух, несомненно, грозных противников. А значит, и ему – Будылину – самому. Ведь в любой момент могла подоспеть помощь. Она и подоспела, но не к хозяевам дома. Один из черных «теней» сделал какой-то жест рукой, на которой Николаич успел отметить отсутствие двух пальцев, и выкрикнул, словно каркнул, несколько лов. Русский, несмотря на успехи в изучении японского языка, ни одного из них не понял. Зато поняла та, для кого они и предназначались. Асука за спиной Райдона ткнула вперед рукой – коротко, без замаха. Николаич знал, какой жесткой может быть эта рука; испытал ее на своей спине (ну и других частях тела). Неизвестно, пробил ли этот удар могучие мышцы Райдона, но ошеломить его, отвлечь внимание от других противников у женщины получилось. В долю мгновения четыре фигуры слились в одну, огромную, бешено вертящуюся на полу.

Поднялись только трое. Райдону, как понял Будылин, подняться было не суждено. Никогда. Его тело – совсем недавно крупное и сильное, а теперь жалкое, какое-то изломанное – подхватили двое в черном. А Асука вполне буднично, словно ничего не случилось, кивнула Будылину в сторону двери:

– Сам пойдешь?

И Николаич пошел, понимая, что возражать бесполезно. А еще – что все договоренности с нанимателями, в которые он продолжал верить, безвозвратно ушли в прошлое, и что идет он навстречу новым хозяевам своей судьбы. Которые, скорее всего, никаких заманчивых предложений делать не будут. Просто прикажут, и никуда он, русский мастер Виктор Будылин, не денется – будет исполнять все, что ему скажут. Единственная мысль сейчас грела его сердце – то, что родные сейчас далеко, и достать до них неведомым пока похитителям вряд ли удастся. В глубине души он понимал, что эта надежда наивна и беспочвенна. Но ведь должен же был он во что-то верить?!

И вот теперь он сидел перед огромным экраном телевизора и слушал, как девушка, диктор Сахалинского телевидения, перечисляет те разрушения, что принесло на остров землетрясение. Новости шли в записи; в углу экрана стояла дата – пятое августа текущего года. Этот день Николаич запомнил. Он провел его рядом со взрывотехниками и специалистами-компьютерщиками, направляя и корректируя очередной природный катаклизм. Тогда в морских волнах исчез цветущий остров. Будылину предлагали посмотреть запись этой катастрофы, но он наотрез отказался. Теперь же у него никто ничего не спрашивал. Посадили перед телевизо-

ром – смотри!. Это слово сказала Асука, сейчас еще более бесстрашная, чем обычно. Кроме нее и Николаича в комнате, обставленной в традициях древней Японии – если не считать телевизора и легкого креслица, в котором и сидел русский – в комнате сидел еще один человек. Пожилой японец, от которой ощутимо веяло аурой власти, неподвижно застыл на каком-то пуфике. Он сидел там уже давно; по крайней мере, с тех пор, как Николаича легким толчком заставили войти сюда, а потом усестись перед телевизором, этот человек практически не шевелился. Впрочем, за последнее утверждение Будылин поручиться не мог, потому что не отрывал взгляда от экрана.

На нем суровая в этот момент девушка перечисляла, сколько тысяч тонн грунта придется убрать с прерванной трассы Углегорск-Красногорск; населенные пункты, которые стихия не пощадила – таких набралось двадцать восемь; наконец – общий ущерб, который составил больше семидесяти миллионов рублей...

– Это они еще не посчитали, сколько простые люди потеряли, – убито подумал Будылин, начиная понимать, что эту передачу ему показывают совсем не зря.

Как оказалось, диктор преуменьшила не только ущерб.

– Шесть баллов по шкале Рихтера, – сообщила она, наконец, и Асука тут же поправила ее, по едва заметному кивку японца выключив телевизор.

– На самом деле в эпицентре сила землетрясения составляла восемь и восемь десятых балла.

Будылин повернулся к ней с вопросом, который был готов сорваться с губ:

– А я тут причем?

Японка ответила раньше:

– И все это, Николаич-сан, дело ваших рук.

– Моих!? – вскричал Будылин, вскакивая с кресла, – да я за свою жизнь мухи не обидел.

Он тут же сник, вспомнив опять про пятое августа, про тот злосчастный остров. Его завели, что всех жителей оттуда эвакуировали. Но ведь были еще и дикие звери, были птицы, которые, конечно же, взлетели с погибающей тверди, но вернуться на нее, к своим гнездам, уже не смогли. Действительность оказалось еще ужасней. Медленно и весомо, словно забивая гвоздь за гвоздем в крышку гроба, Асука рассказывала, что именно этот катаклизм, спровоцированный талантом русского мастера и стал причиной землетрясения, проснувшегося в тысячах миль от острова. И что такой эффект был не единичным. Японка перечисляла другие острова – такие мелкие по сравнению с теми трагедиями, что разыгрывались вдали от радующегося очередной удаче Николаича. Словно сама земля мстила людям, посмевающим посягнуть на ее целостность.

Русский понял, что эксперименты – теперь их назовут как-то иначе – продолжатся. И что они вполне могут затронуть и родную землю.

– Уже затронули, – вспомнил он только что просмотренный ролик.

Перед глазами почему-то возникли проходные родного завода, закружившие вдруг вместе с цехами и людьми в них – точно так же, как безымянные острова. Но заполниться ужасом и решимостью встать сейчас в позу и сказать гордое и непреклонное: «Нет!», – он не успел. После очередного кивка безмолвного японца Асука продолжила; она словно прочла сейчас метущиеся мысли Николаича.

– Господин..., – женщина бросила быстрый взгляд на японца; поймала чуть заметный отрицающий жест и продолжила, так и не назвав имени своего начальника, или хозяина, – обещает, что ваши действия, Николаич-сан, никоим образом не коснутся России. Вопрос Северных территорий для организации, в которой... работает господин... не стоит.

– А какой тогда вопрос стоит перед господином?

Этот вопрос тоже не прозвучал. Потому что японец – в первый раз – вытолкнул из себя слово, показав, что у него есть язык. Будылин как раз до этого – услышав от Асуки «Нико-

лаич-сан», вспомнил про Райдона, называвшего его только этим именем; и про того беспалого, что нанес охраннику последний, фатальный удар. С языком у «господина» было все в порядке. Очевидно, он совсем не желал снисходить до беседы с русским мастером. А тут снизошел – единственным словом:

– Сокайя!

– Сокайя, – эхом откликнулась Асука.

Она дождалась совсем уже глубокого разрешающего кивка и принялась монотонно объяснять, куда это попал Николаич-сан, что ему предстоит теперь делать, и с чем едят таинственную (или таинственное) «сокайя».

– Шантаж. Шантаж на всех уровнях, даже государственном. И занимается им якудза.

– Якудза, – невольно прошептал Будылин, – бандиты и убийцы...

– Да, – не стала отрицать японка, – есть и такие. Но сравнивать с той же итальянской мафией или вашими рэкетирами не стоит. Якудза – вполне уважаемая и легальная организация. А Тамагути-гуми – самый крупный клан. Нас почти тридцать тысяч по всей Японии. И вы сейчас, Николаич-сан, можно сказать, влились в него.

Она не обратила никакого внимания на отрицающий жест русского; лишь усмехнулась:

– Кстати, в девяносто пятом году, когда крупнейшее за последнее время землетрясение в Кобэ разрушило тысячи зданий, именно наш клан пришел первым на помощь людям. Якудза очень дорожит общественным мнением. И без причины старается не проливать кровь. Но на этот раз клан просто вынуждают начать войну.

– Ну и кому же вы собираетесь объявить эту самую сокайю?

Японка, а затем и недвижная живая статуя на пуфике одобрительно кивнули: «Молодец, русский, запомнил!». Будылин готов был услышать любой, самый неожиданный ответ, включая такие нереалистичные – Америке, Китаю... да хоть господу богу – одному из многих, кого чтили в стране Восходящего солнца; или всем сразу. Ответ Асуки был кратким, и еще более неожиданным.

– Японии!

Она немного помолчала, полюбовавшись растерянной физиономией русского, а потом соизволила пояснить:

– Дело в том, что неделю назад арестовали главу нашего клана. Это позор не только для него, это пощечина каждому члену клана. Тут отрезанными пальцами не отделаешься. Единственный приемлемый выход для клана – полное оправдание нашего главы и освобождение его с извинениями на самом высоком уровне.

– Ага, – опять не сдержался, пробормотал Николаич, – чтобы по телевизору транслировали, и император обнял его, как родного брата.

Японцы на его иронию отреагировали самым удивительным образом. Оба серьезно кивнули, а Асука озвучило общее мнение:

– Да, именно так все и должно выглядеть.

Она даже улыбнулась русскому мастеру чуть более тепло, словно показывая: «Ты, Николаич-сан, уже и мыслить начинаешь, как настоящий якудза, принадлежащий к славному клану «Тамагути». Второй японец на эту почти незаметную теплоту отреагировал опять закаменевшей физиономией, и Асука поспешила перейти к кнуту. Пряники – как понял Николаич – на сегодня кончились.

Японка что выкрикнула, вызвав шум за плотно закрытой дверью, а потом обратила суровый взгляд на русского.

– Крови и убийств у нас тоже хватает. Особенно, если в наших рядах появляется предатель. Поэтому господин... очень не советует хитрить и обманывать нас. Иначе Николаич-сан может закончить вот так.

Дверь без всякой команды открылась, и в комнату вступил громадный японец, в котором непонятно было – в какую сторону его размеры внушительнее. При росте, не превышающем среднестатистического японского, он был чудовищно толст и широк в плечах; но передвигался на удивление легко. А еще – держал в одной руке, словно официант в ресторане – поднос с кошмарным блюдом. С него на Будылина смотрела мертвыми полужакрытыми глазами голова Райдона.

– Зачем?! – пытался, но не мог вскричать Николаич, – зачем вы сделали это. Я же теперь буду видеть его перед глазами до конца своих дней!..

– Здесь, – Асука опустила недрогнувшую ладонь на короткий ежик волос человека, бок о бок с которым прожила последний год, и которого, по сути, убила собственными руками, – может лежать другая голова. Подсказать, чья?

Николаич судорожно замотал головой; он старался не думать о тех, кого явно имела в виду японка. Но Асука, продолжая приглаживать непокорный короткий вихор, любезным тоном подсказала:

– Мы так спешили, уважаемый Николаич-сан, что забыли кое-что. Ваши личные вещи, включая фотографии, доставят вам не позднее завтрашнего утра.

Будылин теперь отпустил голову, чтобы никто – ни Асука, ни здоровяк, держащий на одной руке страшный груз с самым невозмутимым выражением лица, ни особенно молчаливый японец-начальник, не смогли увидеть в его глазах того крика, какой может издать только смертельно раненый зверь. Зверь, потерявший всю свою стаю. Этот крик-вой жил внутри русского и во время ужина, как всегда вкусного и питательного, и ночью, когда к нему опять пришла Асука, чтобы профессионально и механически исполнить свои обязанности. И даже утром, когда ему действительно доставили папку с фотографиями. Его смыло лишь волной изумления, которая накрыла Будылина в тот момент, когда в его руках оказалась очередная фотография. Он едва не вскрикнул, увидев, что на снимке, где был изображен он сам в окружении трех самых близких ему людей – еще там, на родине – совсем недавно появилось пятое лицо. А точнее нарисованная черным фломастером ухмыляющаяся рожица, задорно подмигивающая ему. Эта рожица словно говорила, от чьего-то имени:

– Не вешай нос, старина! Все будет в порядке.

И Николаич поверил неведомому художнику. Еще он уверился, что рука, водившая фломастером по глянцевому снимку, не была японской. Будылин оглянулся – не увидел ли кто, как он облегченно вздохнул, а потом медленно выпустил из себя тот крик, заполнив освободившееся место надеждой. Никого в комнате не было. Лишь скрытые видеокамеры отметили, как фотографию бережно вернули в общую стопу. Прибора, различающего тончайшие изменения в человеческой душе, не изобрели пока даже японцы...

Новые «хозяева» загрузили русского мастера не менее плотно, чем предыдущие. Вместо Райдона теперь за спиной Николаича всегда внушительной тенью стоял Монтаро – так звали круглого во всех измерениях здоровяка. Сам Будылин недолго удивлялся, что у организации, которая, по его мнению, должна была царствовать в глубоком подполье, были свои, вполне легальные самолеты и лаборатории. А еще – великолепная команда гениальных компьютерщиков, ничем не уступавшая прежней.

– А может, больше частью та самая, – подумал Николаич, получая первое задание.

Это был листок с несколькими точками на карте. Район был не очень большим и прилегал к Японским островам.

– Ага, – позлорадствовал немного Будылин, – а силенок-то у вас не так много, как вы пытаетесь показать.

Листок он взял с показным смирением, и даже рвением. И уже через две недели полетов выбрал четыре точки. Результата он ждал с нетерпением и тайным страхом. Николаич поверил японцу, говорившим с ними устами Асуки; но это не значило, что жертвы в чужой стране

он принял бы с легкой душой. Потому он практически вырвал из рук Асуки тонкую пачку фотоснимков, которую японка протянула ему с торжеством в голосе:

– Вот, Николаич-сан – первый результат нашей работы.

На первом снимке Будылин увидел огромный зал с панелями, установленными над длинным, полукруглым столом, что занимал половину стены. И панели, и сам стол были усеяны мириадами кнопок, клавиш, разноцветных индикаторов. Мысль о звездолете из фантастического фильма Николаич сразу же прогнал.

– Скорее это какая-то электростанция, – подумал он почти обреченно.

И Асука тут же подтвердила его догадку.

– Это атомная электростанция «Иката» на острове Сикоку, – монотонно начала она, – станция, на которой сегодня утром произошла утечка радиоактивной воды из системы охлаждения реактора. До трагедии дело не дошло... пока.

Сам Николаич так уверенно утверждать бы не стал. Потому что на следующем снимке наткнулся на тоскливый, заполненный ужасом и предчувствием апокалипсиса взгляд японца, чье лицо было снято крупным планом.

– И еще, – добавила с милой улыбкой Асука, – этот выброс произошел минут через пятнадцать после вашего, Николаич-сан, «выстрела». Очень удачного, как оказалось.

Хорошее настроение последних недель смыло как волной. А японка не остановилась, улыбнулась совсем медово:

– Кстати, хочу вас порадовать. Ваша семья спешит воссоединиться с уважаемым мастером. Уже завтра Николаич-сан сможет увидеть своего внука.

– И Зину, и Серегу, и... Клавдию.

Теперь улыбка Асуки воспринималась русским как змеиная. И хотя он был уверен, что без санкции начальства и острой необходимости японка ни словом, ни жестом не намекнет на то, чем она «развлекала» по ночам гостя, ставшего пленником в чужой стране, сердце Николаича противно заныло. Потому что он понял – жена все равно узнает... нет – почувствует что-то неладное.

– Ну и пусть, – ожесточился он, возвращая улыбку, в которой яду было не меньше, чем в японской, женской, – приедет, разберемся. Чай не чужая, своя. Родная.

И Асука не выдержала этой безмолвной и недвижной битвы. Она отвела взгляд, в котором – как показалось Николаичу – мелькнула искорка вины.

Следующий день – пятое октября – стал самым черным в жизни Виктора Будылина. Сначала его «обрадовала» очередным известием Асука. Новые взрывы и крушение крошечного острова в Японском море принесли столь ужасные последствия, что даже эта обычно уравновешенная женщина сейчас была заметно растеряна.

– Вот, – включила она телевизор, – смотри.

Ее тон был изобличающим, словно к катастрофе, о которой трубили все местные телеканалы, сама она не имела никакого отношения. На экране тем временем мелькали картинки, напоминавшие те, что меньше месяца назад показывали Будылину по другому телевизору. Только тогда, в присутствии молчаливого японца, на русского обрушился шквал эмоций сахалинского диктора, а теперь о чем-то непонятно и торопливо вещало японское телевидение. В кадре так же металась люди; на улицах, засыпанных обломками зданий и рекламных щитов, застыли автомобили, в том числе и полицейские и кареты скорой помощи. Проезда в этой части неведомого японского города, разрушенного стихией, не было.

– Провинция Тоттори, – перевела громким шепотом Акура, – моя родина. Там остались мои родители и две младших сестренки. Передали, что есть многочисленные жертвы.

– Вот как, – воскликнул про себя совсем не злорадно Будылин, – а предвидеть заранее вы не могли? Какая катастрофа будет следующей? Где?

Он так завелся, что совсем забыл, что на сегодня ему обещали долгожданную встречу с семьей – встречу, которой он теперь совсем не желал. Лишь ночью, уже засыпая, он вспомнил другое, не растерянное лицо японки. Вчера, сообщая о скором приезде Клавдии, детей и внука, Витеньки, она не скрывала своей злой радости. Теперь же... Николаич не выдержал, включил ночник и достал заветную папку. Фломастер на карточке местами уже стерся, но это не мешало рожице по-прежнему задорно улыбаться и обещать в будущем лишь хорошее и доброе. Будылин подмигнул в ответ и спрятал фотографию. Через минуту он крепко и спокойно спал.

Глава 41. Сентябрь 2000 года. Токио. Район Ситимати

Подполковник Крупина. Гейша

Мика возвращалась домой как никогда поздно. Шел уже второй час ночи; в тихом районе Токио, где женщине, которой никак нельзя было дать ее сорока двух лет, видно было даже тезку – Новую луну. Именно так переводилось имя этой представительницы вымирающей в Японии профессии. Скорее даже не профессии, а образа жизни, духа всего того, что когда-то и создало японскую нацию. В самом Токио оставалось не больше полусотни гейш; настоящих, а не тех, что выходили на подмостки, или даже изображали чайные церемонии в дешевых ресторанчиках для туристов.

– Вот для таких, – Мика остановилась, не дойдя до своей калитки каких-то двух десятков шагов.

Улица здесь заросла деревьями и кустами так, что той самой калитки отсюда не было видно. Зато хорошо различимы были фигуры двух здоровяков в военной форме, что вдруг оказались перед женщиной.

– Американцы, – вздохнула Мика в некотором удивлении, – что они делают здесь в такой час?

В столице солдат союзников было совсем немного; а уж увидеть их в такой поздний час, да в районе, где никогда не было увеселительных заведений и магазинов, и куда Мика обычно возвращалась с поздней работы на такси, было чем-то из области фантастики. Сегодня же она не устала; большую часть вечера просто музицировала, создавая настроение для других, занятых коллег, в окия – доме, куда избранные мужчины приходили приобщиться к колдовской атмосфере древних традиций. Подруг у нее в окия не было; не принято было у них, гейш, раскрывать душу кому-то ни было. А Мико еще и свято следовала традициям, прописанным в древних трактатах. У нее и за пределами дома, где все было пропитано возможностью прикоснуться к славной древности, не было близких подруг. И друга тоже – в отличие от других, молодых гейш.

– Гейш?! – успела еще хмыкнуть с легким презрением японка, – да их даже майко – ученицами – назвать нельзя.

В следующий момент она громко вскрикнула, а потом замычала, потому что рот накрыла огромная черная ладонь, пахнувшая потом, спиртным и еще чем-то кислым. Мика хорошо знала английский язык. Она даже сейчас, замерев в ужасе, разобрала пьяное бормотание негра в форме армии США, которое он обратил не к ней, жертве насилия, а к собственному дружку:

– Какая нам разница? Эта прости... ничуть не хуже.

Рука Мики невольно дернулась назад, к узлу пояса, что подчеркивал ее фигуру, скрытую шелковым кимоно. Она могла бы рассказать этому негодяю о том, о чем знал каждый японец. Об узле сзади, пониже спины, который означает, что женщина носит его с гордостью, и совсем не собирается развязывать его перед первым встречным; и вообще ни перед кем. Что у тех, за кого ее приняли пьяные вояки, узел всегда впереди – чтобы легче было развязывать. Однако американцам такие подробности были ни к чему. Но судорожное движение руки они заметили. По крайней мере, тот, что стоял уже позади. Его речь была более внятной; в другой, не такой отчаянной ситуации гейша назвала бы этот голос добродушным.

– Ладно, – прогудел второй афроамериканец, возвращая ее руку напарнику, который стиснул ладонь с силой, вызвавшей приглушенный крик женщины, – я сам.

Его ладони на удивление ловко и быстро справились с узлом, который сама Мика соорудила не меньше десяти минут. Это вообще было очень сложным делом – нарядить себя так, чтобы ни на гран не отступить от канонов, прописанных веками. А вот негр разобрался с этой

сложным одеянием за пару десятков секунд. Мика даже не успела заполниться ужасом, как оказалась в плотном мешке из собственного кимоно. Толстый шелк закрыл от нее лунный свет и далекие огни фонарей, а заодно приглушил громкий смех американцев. Но не смог заставить женщину отрешиться от мира. Она сейчас словно видела себя, свою униженную позу со стороны. И понимала, что пьяный смех вызвало прежде всего то, что скрывалось под строгими формами кимоно. Нижнее белье гейши тоже было традиционным, а значит далеким от легковесных и легкомысленных тряпочек, какими пользовалось теперь большинство японок. Но традиционное белье тоже не стало неприступным бастионом. В сильной руке (Мика отчетливо представила себе, как черная ладонь сминает и дергает книзу трусы) скроенный по ее фигуре и сшитый надежно, в два стежка материал не выдержал и треснул, скользнув по ноге на асфальт. А рука уже мяла ее нежную плоть, сопровождаемая шумным дыханием. Мика дернулась в очередной раз и глухо закричала, почувствовав, как бесстыдный палец ткнулся в самое заветное и замер, когда до ушей японки, а значит и насильников донесся спокойный, даже насмешливый женский возглас:

– Веселитесь?

Этот голос заставил руки американца, до того удерживающие гейшу за плечи в самой унижительной позе, отпустить и плечи, и кимоно, а заодно проворчать что-то зло и предвкусшающе. Впрочем, это ворчание тут же прервалось с каким-то жалким хлипом – словно его забили назад в глотку беспощадным ударом. Мика не была поклонницей боевиков; представить себе женщину, способную заткнуть рот здоровяку в форме оккупационной армии (а кем были сейчас эти двое, если не оккупантами?) ладошкой раньше вряд ли бы смогла. А теперь она по-прежнему словно видела все со стороны – и как голова первого насильника дергается от несильной вроде бы пощечины; как второй, продолжая тянуть вперед оттопыренный палец, отлетает от такого же внешне слабого тычка в грудь. Нет – это Мика уже увидела воочию, когда резко выпрямилась, заставив тяжелый шелк скользнуть на место. А еще она увидела избавительницу – женщину одного с ней роста и, наверное, возраста – судя по мудрым, чуть насмешливым глазам. Лунного света хватило, чтобы отметить, как эти глаза стали беспощадными, когда незнакомка, кивнув Мике, перевела свой взгляд на афроамериканцев. Первый из них – тот, что держал ее в шелковом «мешке», предлагая подельнику первым надругаться над жертвой, сидел на асфальте, ошалело трясая головой. От его толстого носа в стороны летели темные капли. Второй лежал на спине, и вставать пока не собирался.

– Что, милый, носик болит? – незнакомка склонилась над первым с таким зловещим шепотом, что тот вздрогнул и подпрыгнул на ягодицах, попытавшись таким не очень удобным способом оказаться подальше.

И у него получилось! Впрочем, он, наверное, тоже посмотрел на себя со стороны; на себя и женщину, которая стояла сейчас перед ним, готовая расхохотаться в полный голос. Это заставило его взвиться теперь уже вполне профессионально. Мика профессионализм оценить не могла, а вот подполковник Крупина – вполне. Правда, лишь на «троечку». Бросок американского сержанта вверх и вперед – то есть на нее – она пресекла самым жестоким способом. Не потому, что так уж ей нравилось избивать людей, пусть и подонков, подобных этому негру. Просто пришла пора показать спасенной женщине, японке, жесткую и кровавую сторону своей профессии.

Бросок сержанта встретил встречный удар выпрямленной ноги, отбросивший его дальше того места, откуда он только что поднялся. Теперь он лежал лицом вниз и хрипел, явно не в состоянии подняться. А Наталья повернулась к гейше и остановила на ней задумчивый взгляд; словно примерялась к чему-то. Мика даже попятилась от этого взгляда – такого холодного и расчетливого. Крупина тут же улыбнулась, явно закончив нехитрый подсчет и заговорила теперь уже на японском, сразу обозначив, что ее расчет никакого отношения к гейше не имеет.

– Два ребра сломаны, – сообщила она застывшей в стопоре японке, а потом недовольно покачала головой, – маловато. Так ведь?

Гейша, словно загипнотизированная, послушно кивнула. Впрочем, она тут же спохватилась, и бросилась было вперед, чтобы остановить Мышку. Как же! Остановить агента три нуля один можно было – если только она сама этого хотела. А сейчас она совершенно непонятно как оказалась рядом с шевелящимся телом и замахнулась правой ногой. Совсем несильно замахнулась, но огромное тело от пинка в ребра буквально подбросило кверху.

– Ну вот, – опять улыбнулась Мике Наталья, – теперь все симметрично – по два с каждой стороны. Теперь с этим.

И опять японка не смогла уловить того движения, которое позволило спасительнице оказаться у второго тела. Этот американец лежал, широко раскинув руки. Средний палец правой ладони по-прежнему оттопыривался, словно показывая отношение своего хозяина к окружающему миру. Ну и мир показал ему свой палец – посредством ног Натальи Крупиной. Мышка вскочила на спину негромко хрипевшего солдата. И потопталась на ней так, что японка вдруг уверилась – это действие для незнакомки, на которую она смотрела с причудливой смесью благодарности, опаски и какого-то обожания, вполне привычно. Наталья топталась недолго; вот она примерилась и топнула – четыре раза – так что и теперь для гейши все было понятно.

– Четыре удара, четыре ребра. Теперь уже полная симметрия.

Ужаснула ли японку картина того, как хрупкая на вид женщина с бесстрастным, даже немного веселым выражением лица калечит двух здоровенных беспомощных мужиков? Да – в первое мгновение. А потом ее взгляд остановился на руке, на оттопыренном пальце того, кто только недавно дергался с невнятными стонами под каблучками женщины-терминаторши. Мику опять передернуло от отвращения и стыда, и она поспешила нагнуться и скомкать в руке то, что осталось от ее нижнего белья. А разогнулась она под звуки не менее ужасные и противные, чем те, с которыми ломались ребра американцев.

Незнакомка словно прочла ее мысли, связанные с этим пальцем, а может (тут гейша невольно заалела щечками – они у нее, несмотря на расхожее мнение, вовсе не были покрыты толстым слоем грима) и успела застать самый последний, а значит самый постыдный момент попытки надругательства. Палец теперь – после того, как над ним «поработала» Наталья, не был ни хищным, ни прямым. Изогнутый сразу в нескольких местах, он вызвал еще один комментарий Крупиной, подмигнувшей Мике: «Как я его!?».

– Не лез бы куда не следовало, был бы сейчас целым, – а потом, без перерыва, кивнула гейше, – пойдём что ли?

Последние слова были сказаны на японском языке, вполне чистом для европейки. Мика – надо отдать должное ее чувству сострадания – удивилась этому позже; даже после того, как задала себе вопрос: «Куда пойдём?». Теперь же она протянула вперед сразу обе руки, показав на неподвижные тела:

– А как же они?

– Оклемаются, – махнула рукой Наталья, – ну уж если тебе так сильно хочется, можешь позвонить в скорую. Тогда уже и в полицию заодно. Заявлять-то будешь?

Мика опять залилась краской. Она вдруг представила, как будет рассказывать обо всем – даже о пальце – незнакомым мужчинам в полицейском участке; а в качестве вещественного доказательства на столе будут лежать ее трусы. Мика затолкала комочек смятой ткани поглубже под вырез кимоно и кивнула Наталье:

– Прошу почтить мой дом своим присутствием, уважаемая госпожа...

– Рини, – негромко рассмеялась Наталья, – можешь называть меня Рини.

Маленький зайчик – так переводилось с японского это имя, и для самой Крупиной оно оказалось самым близким аналогом для Серой Мышки.

– Хорошо, госпожа Рини, – еще глубже поклонилась гейша, – прошу – мой дом совсем рядом.

Мышка улыбнулась, и эту улыбку Мика уже не смогла расшифровать. А означало она следующее:

– Знаю, милая. И про калитку, и что скрывается за ней, тоже. Кстати, дрянные у тебя замки, «человек искусства» – так, кажется, называют представителей твоей почтенной профессии? И про этих недоумков, которых ты теперь жалеешь, можешь не спрашивать. Успела удивиться, откуда они появились здесь, в тихом уютном районе, куда даже мелкие воришки не заглядывают? Отвечаю – это был первый этап операции «Гейша», которую подполковник Крупина успешно завершила. А со вторым, милая, поможешь мне ты. Обещаю, что сломанных ребер и пальцев больше не будет.

«Дрянной» замок на калитке послушно щелкнул и впустил хозяйку с гостьей внутрь маленького дворика, порядок в котором поддерживал приходящий садовник. В перечне навыков, которыми должна была обладать настоящая гейша, садоводство не числилось. Хотя, тонкий природный вкус и долгие годы обучения другим искусствам – музыке, танцу, поэзии – помогли бы ей, задумай она поработать еще дизайнером и флористом.

– Но, – огляделась Наталья во дворике, который теперь был освещен мягким приглушенным светом, – каждый должен делать свое дело. Я, кстати, тоже.

Задача, которую поставила перед собой Наталья предыдущим вечером, была одновременно и простой и сложной. Простой – потому что при ее квалификации организовать встречу с любым человеком, да хоть с самым божественным микадо, было вполне реально. Но вот гарантировать, что этот разговор не будет записан скрытой камерой и попадет в нежелательные руки, она не могла.

– Это не Россия, с массой глухих уголков, где точно нет, и никогда не будет прослушки; здесь камера может оказаться даже под этой тарелкой.

С этой мыслью Наталья, она же «французская туристка», одарила официанта улыбкой пресыщенной прожигательницы жизни из далекой Европы. Невозмутимый в течение всего вечера служитель этой обители чревоугодия на миг расплылся в ответной улыбке – очевидно, почуял хорошие чаевые. Но угодливо склоненную спину не выпрямил; так и отошел от столика. Ресторан «Ихиматсу» был выбран Мышкой совсем не случайно. Если тот специалист по Японии, что рассказывал и ей, и остальным членам группы три нуля про традиции островного государства, не ошибался, то мест, куда можно было без опаски прийти в уверенности, что за тобой никто не будет подглядывать, было совсем немного. И все они были связаны с соблюдением древних ритуалов. Человек, с которым Наталье было необходимо переговорить с глазу на глаз, очень чтил их. Майор Като – именно он заменил полковника Кобаяси на посту начальника отдела, упустившего из своих рук русского мастера Будылина. Раз в неделю, что бы не случилось, майор погружался в глубину веков; наслаждался чайной церемонией, тихой музыкой и стихами, что декламировали ему гейши в специальном домике, который назывался окия. А точнее – одна гейша, Мика. В этом отношении майор Като тоже был достаточно консервативен. И в этом самом окия никаких средств слежения не было. По крайней мере, Мышка очень надеялась на это.

Вламываться в тихий, регламентированный до мельчайших деталей мирок без предварительной подготовки Наталья не хотела – опять-таки, чтобы не поднять ненужную невидимую волну, что могла доплеснуть до чужих глаз и ушей. Поэтому она и сидела сейчас здесь, в ресторане, который славился наличием в них в качестве приложения к ужину самых настоящих гейш. Это утверждали и путеводители, и хозяин заведения, который почему-то лично встретил нежданную гостью. Может потому, что являться сюда женщине в одиночку было не принято. Но Мышку не завернули от порога, не показали ни словом, ни жестом, что она здесь нежеланный посетитель. И теперь она сидела за низеньким столиком, наслаждалась незнакомыми ост-

рыми блюдами, в которых преобладала рыба и впитывала в себя атмосферу неспешного праздника, которую создавали женщины, укутанные в плотные шелковые кимоно. Они шествовали мимо плавно, со склоненными головами, на которых были наверхены какие-то сложные сооружения, которые назвать обычными прическами язык не поворачивался. Наталья прикинула, сколько времени затрачивают эти несчастные, чтобы выйти на рабочее место и невольно пожалела их. А потом и себя – потому что собиралась попасть в окия именно в этом образе. Ее профессиональный взгляд сначала оценил, как много колющего или режущего оружия можно разместить и в просторном одеянии, и даже в прическе. Потом она мысленно прошла по залу такой же семенящей походкой, удерживая неестественно прямую осанку, и пришла к выводу, что учиться годы, как это делали настоящие гейши, ей не надо – пара тренировок, и не очень требовательный взгляд разницы не заметит. Но вот все остальное – мелодичное брнчание на инструменте, напоминавшем длинную мандолину; негромкое воркование под этот аккомпанемент другой гейши, несомненно, декламирующей древнюю оду – или как у них называется длинное, на полчаса стихотворение?..

Самой Крупиной столько времени не было нужно. Ей достаточно было остаться с майором Като наедине и проинструктировать его так, чтобы контрразведчик не сломал спектакль, в которой сама Мышка собиралась играть главную роль.

– Без всякой чайной церемонии, – усмехнулась она, наблюдая, как еще одна гейша переливает янтарную жидкость из чайника в чашку и обратно бесчисленное множество раз, – чаю майор и дома напьется.

Вот это все Наталья и вывалила на голову замершей в ужасе Мики, которая как раз такую церемонию и начала. В ужасе, потому что представила, что ее неожиданная гостья появляется в окия и начинает... Тут она вспомнила про американцев, про то, что она так и не позвонила в службу спасения и дернулась было к двери в другую комнату, к телефону. И остановилась, теперь уже в изумлении. Мышка, до того сидевшая на низком пуфике, вдруг легко вскочила на ноги, оказавшись впереди нее, и пошла в ту комнату раньше Мики. Пошла с гордой осанкой, таинственным выражением лица и неповторимой походкой, которые сама Мика вырабатывала с того дня, когда опытная гейша взяла ее в майко, ученицы.

Японка даже немного обиделась – как же так, женщина абсолютно чужих традиций, менталитета, да даже физического сложения сейчас шествовала по комнате не хуже ее самой. Опытный глаз одел эту фигуру, облаченную в дорогой брючный костюм и туфли на низком каблучке в традиционное кимоно и пояс; нарисовал на голове француженки сложную высокую прическу и со вздохом констатировал – на короткое время эта женщина смогла бы обмануть даже хозяйку окия.

– А музыка?! – воскликнула она вдруг победно, совершенно позабыв про американцев, – а все остальное? Пять искусств, основы которых должна знать настоящая гейша: песни и танцы древности; особенности чайной церемонии; литературу и поэзию; каллиграфию и, наконец, владение музыкальными инструментами. Как вы, госпожа Рини, освоите все это за короткую ночь?

– Ну, расписываться я там никак не собираюсь, – усмехнулась Наталья, – ни каллиграфически, ни каракулями; петь и танцевать тоже. Ответ мне на главный вопрос – сможешь провести меня в окия, не вызывая подозрений? Так, чтобы я попала к твоему клиенту... ну хотя бы вместе с тобой.

– Гостю, – чуть оскорбленно поправила ее Мика, – только так мы называем тех, кто готов слушать нас и принять из наших рук чашку чая.

– Пусть будет гость, – согласилась Наталья, – так сможешь?

– Смогу, – вздохнула Мика, – в качестве майко, моей ученицы. Только это для неподготовленного человека будет очень непросто...

В последнем Мышка убедилась сама, когда ранним утром гейша начала наносить на ее лицо грим – слой за слоем. Это длилось почти час, в результате Наталья превратилась в японскую куколку с нереально белым, без всякого признака морщин и румянца, лицом. Потом было одевание, точнее завертывание в кимоно. Свои трусы (целые, естественно) Мика предлагать майко не стала. Впервые в жизни она со вздохом согласилась, что современное нижнее женское белье гораздо красивее и практичнее. А также... Тут ее лицо, которое в соответствии с традициями можно было не уродовать килограммом грима, немного заалело – теперь уже от стыда.

– Великий Будда, – чуть не ахнула она, достав то, что осталось от ее вчерашнего интимного одевания, – мужчины видели меня в этом!

Сама того не подозревая, Мышка провела первую царапину по тому панцирю, что многие годы носила в душе эта женщина, отринувшая радости современного мира ради древних традиций.

Дом две гейши покинули уже ближе к вечеру. Наталья, несмотря на тренированную выдержку и способность вытерпеть многое, если не все, с радостью засеменила в сторону ждавшего такси.

– Еще совсем чуть-чуть и все это, – она нежно коснулась пальцем собственного лица, а потом искусственной прически, – можно будет содрать, смыть. Насладиться ощущением чистоты и свежести.

Она еще раз, уже с позиции жертвы, примерившей к себе такие красивые на внешний вид вериги, пожалела гейш.

– Недаром, – вздохнула она, – вас по всей стране осталось не больше тысячи. А здесь, в Токио, всего сорок пять. Нет (она глянула в зеркало, что висело перед таксистом) – сорок шесть.

В окия Мышка вела себе, как и велела Мика – тише воды, ниже травы. Как та самая серая мышка, однажды подобранная полковником Сазоновым с кровоточащей раной в душе. С хозяйкой никаких проблем не было. Точнее самой хозяйки не было в доме – это Наталья приняла за хороший знак. А буквально минут через двадцать, отсчитывая от того мгновения, как Наталья с любопытством шагнула в окия, появился и клиент.

– Гость, – без внутренних споров поправила себя Мышка.

Впрочем, майор Като вел себя здесь как хозяин. Низенький, круглый, он может на работе и был похож на шустрю каплю ртути. Здесь же он буквально расплылся по низенькому диванчику, приветствуя давнюю знакомую легким движением руки. На Наталью, вошедшую следом за гейшей бесплотной и бесшумной тенью, ухитрившейся, однако, нести тяжеленный поднос с приборами для чайной церемонии, он не обратил никакого внимания. Здесь женщины, как поняла уже подполковник Крупина, были скорее антуражем, дорогостоящим приложением к ностальгии по ушедшим безвозвратно временам, когда слова: самурайская честь, преданность императору, не были пустым сотрясением воздуха.

– Ну-ну, толстячок, поностальгируй – пока есть время.

Это Наталья так кокетничала; ни одной лишней секунды (особенно в белоснежной маске, от которой немилосердно чесалось лицо) она терять не собиралась. Все той же тенью она скользнула к изголовью диванчика и опустила ладонь на загривок забывшегося вроде в неге и ожидании действия майора. Като оказался живчиком – как и предполагала Мышка. Она стукнула костяшками пальцев в нужное место с учетом того, что японец попытается и резко отдернуть голову, и прикрыть ее правой, ближайшей рукой. В результате он застыл на диванчике с неестественно вывернутой шеей и ладонью, за которую Крупина и дернула, усаживая его в более подходящее серьезным переговорам положение. Потом, отступив, махнула рукой еще незаметнее, вроде бы даже не глядя. Мика дернуться не успела; так же как и осесть бесформенной куклой на пол, застеленный жесткой тростниковой циновкой. Гейша тут же оказалась рядом с майором, на куда более мягком диване – кстати, впервые за долгие годы.

Крупина опять отступила на пару шагов и недовольно покачала головой.

– Ты, девочка, молодец, – то она обратилась к Мике, которая сейчас не могла слышать ни ее, ни кого-то другого, – сидишь как куколка. А ты парень (она повернулась к Като), чего к ней шею тянешь? Мина гейша правильная, таких вольностей по отношению к себе не позволяет.

Две крепкие ладошки ухватились за голову японца и с хорошо различимым треском придали ей строго вертикальное положение.

– Вот так, – довольно кивнула она и спросила – все так же нарочито строго, – орать не будешь? Пытаться укусить, плевать?

Говорить майор не мог, но по его глазам Серая Мышка поняла – майор Като согласен сейчас на все; лишь бы ему вернули подвижность и возможность задавать вопросы. И первый из них она тоже прочла, еще не начав массировать ей одной известные точки:

– Кто ты такая, черт возьми, и что тебе от меня нужно?

На этот вопрос Наталья ответила весьма своеобразно. Она закончила массировать затылок толстяка и без размаха отвесила ему весомую пощечину. Голова Като дернулась в сторону, а обратно, в то самое вертикальное положение, вернулась уже по воле майора. Все остальное – руки, ноги (ну и что еще могло сейчас пригодиться?) – по-прежнему не чувствовались. Команды, что попытался было послать к ним головной мозг, возвращались обратно – от того самого места, которое незнакомка с лицом ученицы гейши и непонятным акцентом в голосе, поправила с хрустом в позвонках.

– Тебе привет от полковника Кобаяси, – с легкой улыбкой сообщила Наталья.

– Полковник Кобаяси никому ничего передать не может, – прохрипел сначала майор; потом откашлялся и добавил, – он лежит в центральной военной клинике в коме, и неизвестно, когда из нее выйдет.

– Недели через две, – безапелляционно заявила Крупина, – а привет он передал за пару минут, как в эту самую кому впал.

– Так ты та самая... извините госпожа – вы та самая, что устроила переполох на базе Йокосука?

– Совсем небольшой, – кивнула Наталья, – за то, что вы сделали с моим островом. И не говорите, что это все с легкой руки русского мастера Николаича!

Последние слова она произнесла с нескрываемой иронией, даже угрозой; внутри Като – там, где только что ничего не ощущалось – болезненно заныло.

– Будем считать, что в этом мы квиты, – успокоила и самого майора, и боль в его груди Крупина, – можно переходить к новой фазе в наших отношениях.

– Каких?! – невольно выпалила говорящая голова японского майора.

– Исключительно дружеских и взаимовыгодных, – проговорила Наталья с улыбкой, – вы уже выяснили, кто похитил русского мастера?

Като не ответил, но по мелькнувшей на его лице раздраженной и в чем-то бессильной улыбке она поняла – выяснили. Но все-таки напомнила, вызвав еще одну гримасу на круглой физиономии:

– Итак, в особняке, где вы незаконно удерживали гражданина Российской Федерации, поработали тени клана Тамагути-гуми.

– Они убили нашего сотрудника, – со злостью прошептал Като, – и они за это заплатят. Особенно предательница.

Наталья понимающе покивала головой. Предателей она тоже не любила, хотя ту же Асуку категорично осуждать не спешила.

– Ну, тут вы сами разбирайтесь, ребята, – усмехнулась она, – вернемся лучше к нашим баранам. У вас есть какой-то план насчет Николаича и того, что сейчас заставляют его делать.

– План есть, – явственно скрипнул зубами майор, – только никто не позволит нам его осуществить.

– Никто – это кто?

Като лишь закатил глаза к потолку, показывая, что запрет пришел с самого верха.

– Понятно, – опять усмехнулась Мышка, – «особа, приближенная к императору».

А может и сам...

Майор вздохнул, соглашаясь.

– Ну, тогда, – поспешила обрадовать его Наталья, – вам тем более повезло. Меня-то этот запрет не касается.

– Одна?! – протянул Като, – против целого клана?

– А почему нет? – улыбнулась Серая Мышка, – умыкнуть человека, даже хорошо охраняемого, проблем не составит. Главное, чтобы за то время, пока я буду искать господина Будылина, он не натворил чего-нибудь ужасного. Точнее – другие не натворили, с его помощью. А чтобы этого не произошло, нужна самая малость – и ты мне ее сейчас пообещаешь. Это и будет ваш вклад в общее дело.

– Какая малость? – вскинулась голова.

– Семья Николаича. Это самое уязвимое его место. Сам понимаешь – ради них он пойдет на все. А нам надо, чтобы он пошел лишь на то, что в наших интересах.

– Каких интересах? – японец явно вспомнил о начале таких необычных переговоров – о «дружеских и взаимовыгодных отношениях»; особенно взаимовыгодных.

– Ну, ведь мне еще новый остров купить надо. Обустроиться там; домик построить, то, се. Собачку, может, заведу – чтобы на незваных гостей гавкала. Деньги мне кто даст, японское правительство или ты лично?

Майор Като попытался пожать плечами – мол, точно не он. Ничего у него, естественно, не вышло. А Крупина задала очередной вопрос:

– Как ты думаешь, у клана Тамагути много денег? Хватит на небольшой островок?

Като кивнул, вызвав всплеск эмоций на, казалось бы, безжизненном лице майко.

– Вот и договорились, – Крупина явно закрыла эту тему и приступила к инструкциям, ответив заодно и на вопрос: «Почему, собственно, семью русского мастера нужно перехватывать и прятать именно здесь, в Японии? И не лучше ли все-таки дозвониться по номеру, который когда-то принадлежал человеку, ставшему сейчас Президентом сопредельной страны?».

Но эти вопросы, как и сама инструкция – подробная, детализированная так, словно над ней корпел не меньше недели весь отдел майора – занимали надежное место в голове японца помимо его сознания. Потому что оно было переполнено изумлением, вызванным другим вопросом: «Что значит договорились?! А у самих Тамагути не надо было спросить?!».

Инструктаж прошел на удивление быстро. Майор послушно повторил его – слово в слово. Никаких клятв и обещаний он не давал. Знал, что выполнит все, что в его силах. И незнакомка, которая назвалась бесхитростным именем Рини, тоже это знала. А потом эта Маленькая Зайка велела: «Закрой глаза», – и похлопала несильно по обоим щекам. Тело, получившее чувствительность и способность двигаться, само вскочило на ноги. Майор огляделся вокруг. На диванчике слабо дергалась, приходя в себя, гейша. Но больше никого в комнате не было. Зайчик ускакал, даже не попрощавшись.

Глава 42. Октябрь 2000 года. Тень над Землей

Виктор Будылин. Член клана

Шантаж дело неблагодарное и небезопасное. Это Николаич точно знал. Потому что сам подвергся такому унижительному действию. Семью ему так и не предъявили, отговорившись необходимостью соблюдения безопасности. Но, появившись у него хоть тень сомнения в том, что с его близкими все в полном порядке, он бы...

– И что бы я сделал, – горько усмехнулся Николаич, – из окна выпрыгнул бы? Удавку из шелковой простыни сплел? Хотя...

В его руках было оружие – то самое, которым потчевало собственное правительство руководство клана. Землетрясение, наводнение, авария на АЭС – что еще придумает клан, чтобы выволить своего главу из застенков? И стоит только Будылину дать неверную установку, волны будут смывать дома, или последние будут рушиться от подземных толчков в другом месте. Каком?

– Так недолго и весь земной шарик на куски раздербанить, – проворчал Николаич, покрываясь холодным липким потом.

Он вдруг понял, что это вполне выполнимая задача; что стоит только разместить...

– Стоп, – остановил он свое воображение, принявшееся разворачивать перед глазами картины рукотворного апокалипсиса, – вот об этом не надо. Забудь!

И он действительно забыл о самом страшном своем видении, тем более, что его на время оставили в покое. Он по-прежнему с непонятным удовольствием поглощал вкусные завтраки, обеды и ужины, удивляясь тому, что совсем не толстеет; много гулял, не покидая, впрочем, вместительного двора, ухоженного еще тщательнее, чем в прежнем доме, с Райдоном. Страшная картина головы улыбчивого японца на подносе со временем потускнела. Впрочем, Николаич, занятый больше переживаниями о собственной семье, по ночам в холодном поту не вскакивал. Райдона – первую, но как он полагал, не последнюю жертву необъявленной тектонической войны – конечно, жалел, но не больше того.

Его затаившиеся выходные неожиданно объяснились – правительство все-таки поддалось на шантаж и выпустило главу клана, которого все звали только по имени – Кин, что означало Золотой. Николаичу даже посчастливилось увидеть его (большая честь, оказывается). Даже издали – а приблизиться русскому мастеру ближе, чем на два десятка шагов, не позволили – казалось, что этого человека окружает неумная аура власти. Его взгляд, который остановился на Будылине после того, как на последнего показал пальцем тот самый молчун, что теперь курировал проект, буквально физически давил; заставлял замкнуться в невидимом панцире, чтобы ненароком не выдать тех чувств, которые вызывал этот страшный человек. Невысокий, широкоплечий, Кин был одет проще всех остальных в этом зале. Какая-то рубаха без ворота, в низкий вырез которой проглядывала татуировка, на расстоянии неразличимая; штаны, наверное, никогда не знавшие утюга. И еще – могущественный глава клана был босым! Николаич, за этот год немного начавший разбираться в церемониальных условиях той части японского общества, в которой был вынужден существовать, сейчас терялся в догадках. Или этот человек, казна которого превышала валовой продукт средней европейской страной, выставлял напоказ свою простоту и смирение; или действительно перешел ту грань, когда внешние атрибуты власти уже не имели значения.

– Как Сталин, – мелькнула мысль у русского, – он еще и руку к боку прижимает, словно не очень хорошо владеет ею.

Тут Будылин не угадал. Глава поднял именно эту, якобы нерабочую руку и поманил его. Асука, которая чуть слышно дышала позади Николаича, отчетливо всхлипнула. Мастер обер-

нулся к ней. Лицо женщины выражало сейчас безмерное обожание («Это не ко мне», – подумал русский) и зависть.

– А вот завидует точно мне. А чего завидовать?

Лицо японки дрогнуло; теперь в нем было больше счастья и нетерпения. Видимо за те краткие мгновения, что Николаич отвернулся от главного действующего лица в этом зале, заполненном атрибутами клана, что-то произошло еще. А именно – догадался он – Асуку тоже допустили кивком головы, или как-то иначе, пред светлые очи Кина. Женщина больно ткнула кулачком в спину Будылина и зашипела, не меняя восторженного выражения на лице:

– Быстрее! Не заставляй ждать почтенного главу клана.

В зале было достаточно много народа, одетого большей части вполне по-европейски. Наверное, в перемещении этих людей была какая-то своя система, неподвластная Будылину. Сейчас эта система дрогнула и перестроилась, образовав живой коридор от русского мастера к Кину. Ни один человек не посмел пересечь эту незримую тропу. Николаич чувствовал сейчас спиной, как его буквально подталкивают взгляды, заполненные той же завистью и даже злобой.

– Вот до чего довели, – усмехнулся русский мастер, единственный, наверное, в этом зале, кто не ощущал к главе клана никаких чувств, кроме вполне понятного любопытства, – уже научился читать мысли людей; причем спиной. Осталось еще чем понижее...

Убеждаясь с каждым шагом, приближающим его к Кину, что этот человек давно забыл такие слова как сострадание, любовь или дружба, он тем не менее совершенно не боялся. Не потому, что понимал – русский мастер для клана что курица, несущая золотые яйца. Хотя, бывает и таким курицам отрубают голову. За себя Николаич не боялся; а вот за родных и близких был спокоен. Тем самым органом, который анатомически никак не проявлялся, и который сейчас позволял ему распознавать малейшие изменения в тяжелой ауре этого зала, он чувствовал, что семью сейчас охраняет сила, не менее могучая, чем человек, к которому Будылин наконец подошел. Та самая сила, что вместо подписи рисует веселые рожицы.

Николаичу вдруг нестерпимо захотелось изобразить эту рожицу – собственным лицом. Показать Кину язык; заставить это непроницаемое лицо напротив дрогнуть, заполниться хоть подобием человеческих чувств. Он даже открыл было губы, но глава клана его опередил. Кин каркнул что-то резко и повелительно. Слова этого Николаич не понял, несмотря на приличное уже владение японским языком. Но действие его ощутил сразу же. Крепкие руки Асуки как-то ловко и быстро содрали с русского мастера всю верхнюю часть одежды, включая майку, которую он носил еще в России, год назад. Конечно, Виктор Будылин не был атлетом, да и возраст был уже пенсионный, с учетом вредности производства. Но сейчас ему нечего было стыдиться – ежедневный физический труд не позволял ни животу, ни мышцам, привыкшим к тяжеленным металлическим болванкам, обрастать жирком. Правда, почти постоянно болели спина и ноги – но это уже профессиональное; это многолетнее стояние у станка. А сейчас и ноги не дрожали, и спина была выпрямлена, как в юности.

И Кин вдруг одобрительно улыбнулся и заговорил. Теперь часть его слов Николаич понимал, а еще за спиной Асука торопливо переводила, сообщая русскому мастеру, что глава доволен Николаичем-сан, что их ждут еще великие дела и, наконец, что недалек тот день, когда он, русский мастер, станет полноправным членом клана. И даже пообещал, что сам приложит свою руку к этому действу. По залу опять пронесся незримое дуновение самых разных чувств, среди которых главной была зависть. Сам же Будылин ощутил вдруг, как в сердце кольнула ледяная игла, а спине вернулись годы, которые он сутулился у токарного станка. Она словно закостенеела, и когда Асука ощутимо пихнула его в спину крепким кулачком: «Кланяйся, идиот! Благодарю за великую честь!», – Николаич смог только наклонить голову.

Но Кина уже не интересовал человек, застывший перед ним. Глава клана словно не видел ни его, ни Асуку; его взгляд насквозь пронзал живую плоть и искал теперь в зале других –

счастливиц или, напротив, бедолаг. Николаич не стал дожидаться, когда японка потянет его за рубаху.

– Да и рубахи-то сейчас нет, – отстраненно подумал он, поворачиваясь к дверям.

Он шагнул мимо Асуки, чьи руки были заняты его одежкой, и почти побежал к выходу, из зала, где ему стало трудно дышать. Японка догнала мастера уже за дверью, где и сунула ему небольшой комочек хлопчатобумажной ткани – рубаху с майкой. Ее взгляд сейчас выражал и злость, и обиду – на него, русского мастера, за то, что не дал лишнее мгновение постоять рядом с великим Кином, подышать с ним одним воздухом. Но уже через несколько мгновений ее лицо стало опять бесстрастным; обычным, каким было даже в постели. И Асука, не дожидаясь вопросов Николаича, принялась объяснять, в чем именно будет заключаться великая милость.

– Все члены клана, если вы, Николаич-сан, видели, имеют татуировку. Дракон – вот кто покровительствует нашему клану.

– Однако у тебя никакой татуировки нет, – невольно усмехнулся Будылин, которому были хорошо известны все уголки ладного женского тела.

– Теперь есть, – лукаво улыбнулась японка, намекая на то, что раньше такой знак отличия для ее тайной миссии был совершенно невозможен, – могу сегодня ночью показать.

– Не хочу, – сурово отказался Николаич, вызвав еще одну улыбку Асуки.

– Так вот – в самое ближайшее время тебе сделают такое тату.

– Даже если я этого не хочу?

– А кто вас, Николаич-сан, будет спрашивать, – искренне удивилась женщина, – после того, как свое слово сказал глава клана? Кстати, именно он, своей рукой выколет глаза дракона на вашей спине – и это будет величайшей милостью, которая только возможна для рядового члена клана.

Будылин спорить больше не стал; говорить о том, что никаким членом ему быть не хочется, с Асукой было бесполезно – она ничего не решала. Не знала она и о тех великих делах, которые обещал ему Мин. Холодная игла снова кольнула в сердце, и мастер побледнел. Вот теперь японка встревожилась. Видимо, за Николаича она отвечала головой, и для нее не важно было – как потеряет русского мастера клан, от руки подосланного убийцы, или от банального инфаркта. Она тут же потащила Будылина в автомобиль, а потом – после совсем короткой поездки – в дом. Дальнейшая процедура была отработана давно – легкий, но очень вкусный ужин; ванная с обязательным релаксирующим массажем; наконец, общая постель, в которой продолжился массаж, теперь уже обнаженным телом – и не более того, чтобы там не говорили маститые врачи о профилактике сердечно-сосудистых заболеваний регулярным сексом. Асука, на что она была заполнена клановыми предрассудками и инструкциями бойца-охранника экстракласса, оставалась прежде всего женщиной. И сейчас почувствовала, что нельзя переступить грань, которая навсегда сделает Николаича врагом и ее, и всего клана Тамагути.

Великим делом, что обещал русскому Мин, оказалось все тот же сокайю. Шантаж – но уже не своего собственного правительства. Как оказалось, империя вовсе не жаждала крови или свободы главы клана Тамагути, или какого-то другого. Якудза так тесно были интегрированы в экономику Японии, что выдрать их из ее тела можно было только с плотью и кровью. И смертями многих людей, конечно. Это никому не было нужно – в стране Восходящего солнца. А вот за ее пределами... В чем-то дела клана пресеклись с интересами самой могучей империи – американской. Именно с их подачи правительству и пришлось на время ограничить свободу Кина. Теперь глава решил предоставить Соединенным Штатам свершить обряд юбитуме – отсечь от своего жирного тела один палец.

Николаич не присутствовал на совещании, где решалось, какой именно «пальчик» предложат американцам отрубить. А может, такого совещания и не было вовсе. Может, Кин просто

вызывал какого-нибудь невзрачного скучного бухгалтера и повелел ему рассчитать, сколько будет стоить такой «пальчик» как часть тучного тела экономики США. И бухгалтер, как видимо, не подкачал. Эту цифру словно специально озвучили. Десять нулей с пятеркой – ровно пятьдесят миллиардов долларов; эта цифра появилась в очередном номере «Тамагути-гуми Шиипо».

Николаич только головой покачал, когда торжествующая Асука принесла ему этот журнал, на развороте которого не было ничего, кроме этих одиннадцати цифр. У клана якудзы, которая во всем мире воспринималась как бандитская подпольная организация, был свой вполне легальный журнал, в котором помимо всего прочего публиковались хайку и статьи о рыбалке.

Объект, который был намечен к уничтожению, поначалу Николаичу ничего не сказал. Незнакомое слово Йеллоустоун заставило ледяную иглу кольнуть в сердце много сильнее; мастер понял, что опасность угрожает теперь уже не только ему самому и какому-то количеству американцев, обидевших главу клана, но и, быть может, всей планете, всей цивилизации.

– А значит, и Клавдии, и Верке с Серегой. И Витьке, – вспомнил он про внука, которого никогда не видел.

Он решительно замотал головой:

– Нет, этого я делать не буду!

Николаичу словно специально подбросили подборку материалов о спящем супервулкане на территории Соединенных Штатов. О той громадной силе, что дремала под каменной подушкой. Были даже картинки – во что превратится Земля, если этот гигантский вулкан проснется. Теперь такие термины, как «ядерная зима», «исчезновение биологических видов» жили внутри него; воспринимались как нечто уже не фантастическое, а вполне реализуемое. При его, Виктора Будылина, непосредственном участии.

– Нет, этого я делать не буду, – повторил он, выпалив резкие слова прямо в лицо улыбчивого очкастого японца.

Этот человек отвечал за компьютерную обработку всех данных, и теперь требовал показать два участка на карте Земли.

Николаич переместил палец с юго-востока США, где и находился Йеллоустоунский национальный парк, на вторую точку, на Европу, где тоже предполагался скорый катаклизм.

– А этих за что?

Японец только пожал плечами. Он если и мог поделиться чем-то с Будылиным, так только своей догадкой. Он ее тут же и озвучил, напыжившись от важности, словно действительно был посвящен в важные тайны.

– Европе достанется как пример – пусть Америка убедится, что мы не шутим, что у нас действительно есть сила, способная поменять местами горы и океанские впадины. А потом – когда все, а особенно американцы, будут готовы нас слушать, мы только чуть-чуть дотронемся до этого самого супервулкана. Заставим его немного поворчать – и не более того.

– Как же, – невольно поежился Будылин, – разбудите дикого зверя – разве он ограничится ворчанием?..

С первым этапом все пошло не так, как планировали. Однако Такео, так звали очкарика, который теперь общался с Николаичем практически каждый день, все равно светился радостью. Он, несомненно, стремился сейчас сблизиться с русским, чтобы и его – пусть опосредствованно – тоже коснулась милость главы клана. Встречались они в лаборатории; в домик, где поселили русского мастера, никому, кроме Асуки и охранника-суперколобка, входить не разрешалось. А здесь – в царстве компьютеров – именно Такео был царем и богом. Сейчас он потыкал пальцами в клавиатуру и показал на осветившийся большой экран, явно довольный собой:

– Смотрите, Николаич-сан, – вскричал он, что для обычно невозмутимых японцев было признаком небывалой взволнованности, – это мы! Это мы сделали!

– Мы?! – изумился Будылин, – да ты в своем уме, парень?

Действительно, невозможно было поверить, что катаклизм, картинки которого мелькали на экране, мог быть вызван далеким крушением очередной скалы в океане. Это была впечатляющая картина наводнения. По дорогам, превратившимся в реки, пытались плыть автомобили. Какие-то люди в форме, скорее всего спасатели, снимали с крыш других – насквозь промерзших; зачастую жмущихся к черепице в одной нижней одежде. Мелькнула цифра – пятьдесят – и Николаич вдруг понял, что это число жертв наводнения, обрушившихся на Европу. Но игла в сердце не кольнула, потому что голова отказывалась верить, что это именно с его подачи погибли люди; женщины и дети. А японец рядом кликал мышкой и с явным удовольствием перечислял:

– Англия, Шотландия, Швейцария, Австрия, Норвегия, Франция...

Он, быть может, долго перечислял бы страны, в которых за несколько суток выпала годовая норма осадков, если бы его не перебил мастер:

– Подожди, Такео, географию я и без тебя знаю. Только при чем здесь мы? Ну не верю я, что из-за наших взрывов разверзлись эти хляби небесные.

Японец русский язык знал не так, чтобы хорошо – на твердую троечку. Про «хляби» он скорее догадался. И скорчил совсем хитрую, заговорщицкую физиономию.

– Я, честно говоря, – объяснил он свою иронию, – тоже не верю. Но что это меняет? Главное, чтобы поверили они.

Японец махнул куда-то в неизвестность, и Николаич решил, что именно в том направлении находится Северная Америка.

– Главное, – еще шире улыбнулся Такео, – что это наводнение началось именно в тот день, как и предупредил все заинтересованные стороны наш клан.

– И эти стороны..., – Будылин понимал, что Такео скорее всего сейчас опять станет на путь предположений, но не поощрить собеседника, не сверить его выводы с собственными, не мог.

– Прежде всего, конечно, ублюдочные американцы – ведь это предупреждение для них; ну и европейцы, конечно – иначе жертв могло быть намного больше. Небо, – он поднял голову к высокому светлому потолку, – благоволит нам. Такие совпадения случайными не бывают. Высшие силы показали нам – мы на правильном пути.

Вот теперь в боку Николаича противно заныло. Он понял, что второго этапа сокайя, которое для Соединенных Штатов должно закончиться не только юбитсуме, не избежать. И сам Будылин ничем помешать не сможет. Потому что уже все давно рассчитано, запечатлено в памяти компьютера. Осталось только крутнуть рукоять прибора, который погонит по проводам к тоннам взрывчатки искру. Впрочем, это была весьма условная картинка – из воспоминаний Николаича о фильмах про войну. Скорее всего, у японцев было все практичней и элегантней – какая-нибудь кнопочка, на которую смог бы нажать даже маленький ребенок.

И ее кто-то нажал – судя по торжествующему взгляду Асуки, которая ранним октябрьским утром подала Будылину не повседневный костюм, а тщательно отглаженное японское одеяние. Это был костюм из прошлых эпох, какой сам Николаич видел на картинках журналов и экране телевизора. Не обычное кимоно, и не тяжелый самурайский комплект. У якудза, как оказалось, была своя ритуальная одежда, и сейчас Асука с подобающей торжественностью облачала в нее русского мастера, предварительно заставив его раздеться догола. Николаич этой женщины давно не стеснялся; разделся без всяких нареканий, покрывшись, несмотря на влажную осеннюю жару, липким потом. Так что японка погнала его сначала в ванную, обойдясь на этот раз без СПА-процедур.

В костюме Будылин чувствовал себя на удивление комфортно; одежды, казалось, несли телу еще и прохладу. Нигде не жало, не стесняло; необычной формы башмаки тоже были словно разношены.

– А может, и были, – подумал Николаич, останавливаясь в маленькой прихожей напротив зеркала.

Оттуда на Будылина посмотрел... Нет – не японец. Но и русским сейчас Николаич себя не назвал бы. Словно этот костюм привнес в его душу что-то древнее и запретное, чего нельзя было пускать глубже. И Виктор Николаевич Будылин замкнулся, отсек от себя все, что могло поколебать его любовь к родной земле; к ковровским улицам, по которым он носился пацаном, а потом назначал свидания своей Клашеньке; к тому серому мрачному зданию родильного дома, где ему почти тридцать лет назад сунули в руки маленький сверток со сладко сопящей дочкой, Верочкой.

Теперь его повезли в другую часть поместья, до которого вполне можно было добраться пешком, но традиции требовали иного – торжественности, которой мог обеспечить лишь парадный выезд. Автомобиль остановился перед воротами, за которым виднелся старинный особняк. Посреди огромного двора стояли еще одни деревянные резные ворота – тории – которые ничего не закрывали. Единственным их предназначением, как оказалось, было именно участие в ритуале. Пройдя через эти ворота в одиночку, в которых не было створок, а столбы изображали устремленных к небу, вытянувшихся в струнку драконов, Будылин уже мог считать себя членом клана. То есть развернуться и уйти, чтобы отпраздновать уже дома, в компании с двумя охранниками. Но кто бы ему позволил это?! Сам глава клана оказал ему неслыханную честь, приняв участие в обряде; не многие его ближайшие помощники могли похвалиться тем же. А тут какой-то русский...

– Что значит какой-то! – возмутился Будылин собственной мысли, вырвавшейся непроизвольно.

Он выпрямился, и с гордо поднятой головой вошел внутрь помещения, которое больше всего напоминало какой-то храм. Окон, если они и были в этих каменных стенах, не было видно. Огромный зал, точнее лишь один сектор его освещали факелы, тянущие к неразличимому высокому потолку вместе с ярким пламенем чадающие волны копоти.

Николаич даже попытался высмотреть хоть кусочек потолка, очевидно куполообразного, но не преуспел в этом. Несмотря на тожественность момента, его едва не разобрал смех – от того, что сейчас его больше всего волновал вопрос – отмывают ли всегда очень аккуратные и чистоплотные японцы потолок от копоти?

– Вот стол – да, не только отмывают, но и выскабливают, – оглядел он широкий деревянный постамент на четырех ножках, которые выдержали бы и слона.

Именно здесь, как и понял Будылин, его окончательно «посвятят» чужим богам.

– Тело, но не душу, – строго погрозил себе пальчиком Николаич.

И опять пришлось потрудиться Асукэ. Будылин действительно видел недавно на ее спине маленького симпатичного дракончика. Против такого он не возражал бы. И – к его немалому облегчению – к этому все и шло. Японка обнажила его по пояс, и на постамент он запрыгнул сам, предусмотрительно подставив кверху спину. Запрыгнул на удивление легко, одним ловким движением. Может, тот дым от факелов, что растворялся в непроглядной тьме, скрывавшей потолок, нес в себе какие-нибудь тонизирующие качества. Николаич узнал это очень скоро. Рядом вдруг зарокотал невидимый барабан. К нему присоединился такой же низкий мужской голос, и перед постаментом – прямо перед лицом Будылина оказался японец, весь покрытый татуировками. Николаич, несмотря на кружение головы, даже немного приподнялся, чтобы убедиться – да, этого человека украсили драконищами, драконами и дракончиками везде, где только можно было ткнуть иголкой. Даже с члена, сейчас сморщенного и какого-то жалкого, русскому улыбнулся микроскопический ящер.

Будылин невольно усмехнулся – у него такой дракончик получился бы гораздо представительней. Что-то веселящее все-таки было в дымной атмосфере храма, потому что мастер едва не расхохотался, опять завертев головой; теперь в поисках Асуки – чтобы та подтвердила...

Николаич мелко захихикал, когда голый японец замахал руками, отчего драконы на его теле совсем не угрожающе зашевелились. Он словно загонял в сторону лежащего на теплом дереве неизвестной породы русского мастера клубы маслянистого дыма. И Будылин сам готов был сейчас замахать крылами, которые прирастали к телу этим дымом и взмыть к потолку, чтобы убедиться в том, что не такие уж японцы чистюли, какими себя представляют всему миру.

В этот момент остро кольнуло под лопаткой. Не той болью, которую ощущаешь словно последнюю в жизни, а сладкой и долгой, которую поддерживали другие уколы, такие же мимолетные, оставляющие в теле медленно тающую муку. Кто-то независимый от разума, но живущий внутри Николаича подсказал – это мастера начали покрывать его спину татуировкой. Он же, незримый контролер, сейчас воспарил над постаментом, и над спиной Будылина, и над мастерами (их было двое), чтобы следить, как проявляется на живой плоти парящий дракон. Крылатый зверь этому контролеру понравился, а вот новый мастер тату – сам Кин, подступивший к деревянному постаменту с устрашающего вида иглами в руках – очень напугал его. Глава храма поднял лицо к куполу и изобразил какой-то клич, не понятый ни пребывающим в нирване Николаичем, ни его трезвой ипостасью, сейчас забившейся в самый дальний уголок русской души. Так что никто, кроме самого Кина, не увидел, как он наводил последний штрих на рисунок дракона, готового, казалось, взлететь к чистому небу; у могучего зверя не хватало только глаз.

Впрочем, чистым небом тут и не пахло. Все внутри храма заполнило удушливым дымом, нетерпеливым ожиданием десятков людей и хищной радостью главы клана. Казалось, он сейчас примется кромсать своими иглами спину Николаича, и жесткое, но вполне удобное ложе превратится в жертвенник. Кто-то (наверное, тот самый контролер) внутри мастера пронзительно заверещал, и тут же замолчал, как только игла коснулась кожи. Теперь кольнуло именно тем смертельным холодом, которое так и липло к измученному сердцу Будылина. Этот, самый первый, укол был и самым страшным. Словно на кончике иглы сконцентрировался весь яд, что сочился из сердца самого якудзы. «Контролер» в душе больше не верещал; он умер, а вместе с ним растворилось в небытие что-то очень важное – то, что было с Николаичем с самого рождения, а теперь исчезло. Другие уколы были не менее болезненными, но они только добавляли слой за слоем нестерпимый холод на сердце. Наконец сердце не выдержало и заставило провалиться сознание русского в тьму – в тот самый момент, когда игла в последний раз кольнула, заставив красный зрачок дракона грозно и вполне осмысленно сверкнуть. Проваливаясь в глубокий омут небытия, Николаич вдруг услышал четкий, хоть и негромкий женский голос. Женщина, и это была не Асука, прошептала на русском языке, с рязанским говором:

– Все будет хорошо, Николаич. Отдохни пока...

Вместе с Будылином в небытие провалилась озорная рожица, показавшая этой части мира язык.

ука Р

Глава 43. Сентябрь – октябрь 2000 года. Япония

Подполковник Крупина. В эту ночь решили самураи...

Довериться полностью службе военной контрразведки Наталья не могла; просто не имела права. Конечно, можно было бы все-таки позвонить по заветному номеру и спрятать семью Виктора Будылина в России, в которой укромных уголков было куда больше, чем в крошечной Японии. Но к Мышке вдруг пришло понимание, что на этом этапе, а может и позже, вмешивать родную страну в дело, которое может закончиться вселенской катастрофой, не следует. Потому что – как это не раз уже было в истории и давней, и совсем близкой, последних лет – во всех грехах обвинят именно Россию.

– Так что, – усмехнулась Наталья, наблюдая, как в сутолоке пассажиров рейса «Москва-Токио» неприметные люди в сером осекают от толпы и уводят в сторону несколько растерянных россиян, одна из которых катила перед собой коляску, – пусть лучше обвиняют франуженку, или англичанку, да хоть эфиопку – лишь бы русского следа вообще не было.

Наталья, конечно, понимала, что совсем без обвинений не обойтись – никуда следы русского мастера Николаича не денешь. Самого мастера – да, вполне возможно. Сжечь и развеять над океаном; хотя бы над тем местом, где когда-то радовал глаз остров Зеленой лагуны. А следы сжечь не удастся...

Крупина еще раз одобрительно улыбнулась, поправив форменную кепку. Еще одна неприметная волна людей в сером ловко отсекала группу накачанных мужчин, которая целеустремленно направлялись к пассажирам «Аэрофлота». Логика подсказывала, что за всем этим действием должны были следить совсем уж незаметные люди, наряженные так, чтобы окружающие относились к ним, словно к предметам аэропортового оборудования. То есть пропускали их мимо собственного внимания. В такой одежде была и подполковник Крупина. К лицу «оператора метлы и половой тряпки», в данном случае компактного промышленного пылесоса, практически никто не приглядывался. Даже с учетом того, что этот самый пылесос временно вышел из строя. А вот другой – на расстоянии полусотни метров – прилежно жужжал; а потом на мгновение замолчал – в тот самый момент, когда люди, под короткими рукавами рубашек которых извивались в экстазе сине-красные драконы, послушно протянули руки под наручники. «Коллега», невысокий японец в таком же форменном комбинезоне светло-оранжевого цвета, как у Мышки, заторопился в подсобку.

– Наверное, поставить пылесос на место, – поняла Наталья, – японец, что с него возьмешь. Наш бы оставил где-нибудь в углу, а переоделся в туалете. А может, и переодеваться не стал бы.

Соглядатай, как оказалось, работал на якудза. И сейчас, зажатый в углу закрытой на два оборота ключа подсобки, он не скрывал своего изумления – ни тем обстоятельством, что кто-то посмел вмешаться в дела клана Тамагути; ни тем, как его самого, обладателя черного пояса, успевшего пройти очень далеко по будо, боевому пути, совсем легко скрутила, обездвигила, а теперь с той же ленцой допрашивает женщина, ловко притворявшаяся японкой. Но мастера дзю-дзюцу обмануть было невозможно. И разговорить тоже – это он так думал, пока женщина-неяпонка с той же внешней ленцой не стала нажимать поочередно на точки сухого жилистого тела. В животе мастера вдруг разгорелся пожар – словно туда плюнул священный дракон, символ клана. Это японец еще стерпел. Но когда боль стала острой и холодной, как будто он руками страшной незнакомки проводил обряд сепукку, мастер заговорил; быстро и подробно. Потому что понял, что в арсенале этого мастера, в руки которой он попал, есть такие методы воздействия на тело и душу человека, о которых он даже не слышал.

– Да, парень, – Мышка одним движением руки отправила его в оздоравливающий сон, – и зачем надо было сопротивляться, мучить и себя и меня. Какой секрет ты сейчас выдал? Разве что адрес храма, где скоро должна пройти какая-то тайная церемония. Жертву что ли будете приносить своему дракону?

На этот вопрос японец ответить уже не мог; он лежал на узенькой лавочке, на которую прежде успел только присесть, чтобы снять форменные туфли, а сейчас сладко причмокивал губами. Проснуться он должен был до конца смены, а о допросе помнить весьма смутно – но помнить! С этим Крупина ничего поделать не могла. Был один способ заставить его замолчать – навечно. Но он, как понимала Мышка, тоже должен был навести мысль о возможном «потрошении».

Поэтому подполковник Крупина проводила земляков, гостей из Коврова, до микроавтобуса, у которого охраняемых лиц ждал знакомый ей майор, и направилась на вокзал. Не на центральный токийский, а один из тех, что, словно бусины на веревочке, были нанизаны на линию железной дороги «Синкансен» в черте Большого Токио. Скоро поезд вез ее, теперь уже шведскую, на удивление симпатичную, туристку на юго-запад, в сторону многострадальной Хиросимы, где и находился старинный храм. В вагоне было шумно.

– Наверное, потому, – догадалась Мышка, – что здесь нет аборигенов.

Все места были заняты туристами, и Наталья очень скоро оживленно болтала с двумя итальянками, что сидели в сиденьях напротив нее. На вокзале города Цукусимы немного растерянную шведку подхватила толпа туристов из вагона – в отличие от нее, организованных. И Наталья совсем не протестовала, когда ее пригласили вместе со всеми в огромный автобус, а потом повезли по раз и навсегда утвержденному маршруту. Очевидно, кто-то из любителей японской старины отстал от группы, потому что никто никаких претензий Наталье предъявлять не стал. Вместе со всеми она остановилась перед огромными, метров на пятнадцать, воротами – так их называли сами японцы. По мнению Серой Мышки, раз на столбы не были навешены створки, и ни от кого они ничего не запирали, воротами их назвать было нельзя. Это были огромные столбы, изукрашенные затейливой резьбой, которые сверху соединяла еще более великолепная перекладина. Столбы ласкало холодными языками волн море. На Мышку вдруг повеяло чем-то знакомым – из детства, от тех редких для ее закаленного организма дней, когда она все-таки простужалась и ласковые руки пожилой докторши втирали в ее спину камфарное масло.

– Это тории, ритуальные ворота, – надуваясь от важности, вещал гид, – неофициальный символ страны.

– А как же гора Фудзияма? – пропищала по-английски рядом с Натальей девушка в очках с крупными, выдающимися вперед зубами, в которой, в отличие от Крупиной, вполне можно было признать скандинавку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.